

**Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации»**

На правах рукописи

КУЛАГИН Андрей Николаевич

**ПРОДОЛЖАЕМЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ:
уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Ображиев Константин Викторович

Москва – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	16
1.1. Развитие доктринальных представлений о продолжаемых преступлениях: основные концепции	16
1.2. Объективные признаки продолжаемого преступления	34
1.3. Субъективные признаки продолжаемого преступления	65
1.4. Проблемы нормативной регламентации продолжаемых преступлений	92
Глава 2. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	111
2.1. Общие проблемы квалификации продолжаемых преступлений	111
2.2. Уголовно-правовая специфика продолжаемых хищений	146
2.3. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества	167
Заключение	186
Библиография	190
Приложение	206

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется насущной потребностью в доктринальном разрешении теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой продолжаемой преступной деятельности.

В настоящее время правоприменительные органы лишены надежных ориентиров в плане квалификации продолжаемого преступления и отграничения его от совокупности преступных деяний, так как законодательное определение продолжаемого преступления отсутствует, а позиция высшей судебной инстанции по вопросам его уголовно-правовой оценки не отличается четкостью и последовательностью.

Известное постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям»¹ дает лишь самое общее представление о продолжаемом преступлении, оставляя открытыми вопросы относительно отраслевой противоправности деяний, входящих в его состав, степени их сходства, момента юридического окончания продолжаемого преступления и других его ключевых признаках. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся отдельных видов продолжаемых преступлений, не согласуются между собой. В них отражены несовпадающие подходы к квалификации продолжаемых преступлений, представлено различное толкование их ключевых признаков, что дезориентирует нижестоящие суды, органы предварительного расследования и прокуратуры.

В этих условиях правоприменительная практика по уголовным делам о многоэпизодных преступлениях складывается крайне противоречиво, а решение вопроса о наличии признаков продолжаемого преступления чуть ли полностью зависит от усмотрения субъектов квалификации. Причем зачастую аналогичные тождественные деяния квалифицируются по-разному – в одних случаях

¹ СПС «Консультант Плюс».

они признаются единым продолжаемым преступлением, в других случаях при сходных обстоятельствах вменяется совокупность преступлений. Более того, в ходе проведения диссертационного исследования были выявлены факты, когда различную уголовно-правовую оценку получали одни и те же противоправные тождественные деяния – действия одного соисполнителя были квалифицированы как совокупность преступных деяний, а действия другого соисполнителя расценены как продолжаемое преступление².

Сложившаяся ситуация является неприемлемой, поскольку противоречивая правоприменительная практика «ослабляет гарантии государственной защиты от произвольного уголовного преследования, осуждения и наказания»³, открывает широкий простор для различных злоупотреблений при квалификации преступлений, для манипуляции статистическими показателями борьбы с преступностью. На последнее обстоятельство обратил внимание Генеральный прокурор Российской Федерации Ю.Я. Чайка. Выступая с докладом на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, он отметил, что «несмотря на принимаемые меры, острой остается проблема искусственного формирования показателей борьбы с коррупцией путем необоснованного дробления единых продолжаемых преступлений на отдельные эпизоды. Поэтому крайне важно развивать новое для прокуроров направление в обла-

² См.: Постановление Президиума Новгородского областного суда от 07 сентября 2015 г. № 44у-43/2015 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 7 февраля 2017 г. // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2892; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 294. – Ст. 3983.

сти обеспечения достоверной уголовно-правовой статистики»⁴.

На этом фоне диссертационное исследование, нацеленное на разработку уголовно-правовой характеристики продолжаемого преступления, общих и частных правил его квалификации, приобретает повышенную актуальность.

Степень научной разработанности темы исследования. К сожалению, несмотря на несомненную прикладную значимость уголовно-правовой проблематики, связанной с продолжаемыми преступлениями, юридическая наука не уделяет ей должного внимания. Признаки продолжаемого преступления и правила его квалификации преимущественно рассматриваются «попутно», в контексте более общих проблем. В частности, они затрагиваются в работах, посвященных множественности преступлений (труды Т.Э. Караева, Ю.А. Красикова, В.П. Малкова, Ю.Е. Пудовочкина, Т.Г. Черненко, А.М. Яковлева и др.), в рамках исследования сложных единичных преступлений (работы В.Ф. Дёмина, И.А. Зинченко, Т.А. Калининой, Н.Н. Куличенко, А.П. Козлова, К.В. Ображиева, С.Н. Романюка, А.П. Севастьянова, Д.С. Чикина и др.) либо в публикациях по общим проблемам квалификации преступлений (исследования А.В. Корнеевой, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, А.В. Наумова, Н.И. Пикурова, А.И. Рагога, Н.К. Семернёвой, П.С. Яни и др.).

Что же касается специальных исследований, непосредственно нацеленных на рассмотрение продолжаемых преступлений, то в этом плане ощущается определенный дефицит. До недавнего времени отечественная уголовно-правовая наука располагала результатами лишь двух монографических исследований продолжаемого преступления (Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984; Кривошеин П.К., Кузьмичев В.С. Продолжаемое преступление и проблемы его квалификации. – Киев, 1989), которые во многом утратили свою актуальность. В 2017 г. была защищена еще одна диссертация по этой проблематике

⁴ Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/news-1186517/> (дата обращения: 01.09.2017).

(Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017). Однако она лишь частично восполняет существующий пробел в юридической науке, так как многие проблемы квалификации продолжаемых преступлений не получили в ней научно обоснованного решения, а некоторые из них вообще остались без рассмотрения, что дополнительно подтверждает необходимость проведения настоящего диссертационного исследования.

Целью диссертационного исследования является разрешение теоретических и прикладных проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой продолжаемых преступлений, а также разработка предложений по нормативной регламентации продолжаемого преступления и правил его квалификации.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **основные задачи исследования:**

- проследить развитие доктринальных представлений о продолжаемом преступлении и выявить основные концепции (теории), объясняющие его единство;
- проанализировать объективные признаки продолжаемого преступления, выделить среди них универсальные и факультативные;
- уточнить содержание субъективных признаков продолжаемого преступления, определить критерии его внутреннего единства;
- разработать доктринальную модель нормативной регламентации продолжаемого преступления с учетом зарубежного опыта и потребностей правоприменительной практики;
- выявить правоприменительные проблемы, возникающие при уголовно-правовой оценке продолжаемых преступлений, и на основании принципов уголовного права, нормативных и доктринальных правил квалификации сформулировать конкретные рекомендации по их разрешению;

– на примерах продолжаемых хищений и продолжаемого взяточничества выявить уголовно-правовую специфику отдельных разновидностей продолжаемых преступлений;

– проанализировать частные правила квалификации продолжаемых хищений и продолжаемого взяточничества, сопоставить их с общими правилами уголовно-правовой оценки продолжаемых преступлений;

– выявить противоречия в разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации продолжаемых преступлений и предложить способы их преодоления.

Объектом диссертационного исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с уголовно-правовой оценкой продолжаемой преступной деятельности.

Предметом диссертационного исследования являются: основные концепции (теории) продолжаемого преступления; продолжаемые преступления и их признаки; зарубежный опыт их нормативной регламентации; проблемы квалификации продолжаемых преступлений; общие и частные правила их уголовно-правовой оценки.

Методологической основой диссертационного исследования выступают: принципы и постулаты диалектического метода познания (принципы объективности и всесторонности рассмотрения объекта познания, историзма, всеобщей связи явлений, системности и др.); общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, классификация) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический, социологический) методы исследования.

В качестве **теоретической основы диссертационного исследования** выступили основные положения отечественной доктрины уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области теории права, истории государства и права, философии права, криминологии, конституционного, административного права, социологии.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют Конституция Российской Федерации, постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Сравнительно-правовые аспекты исследования потребовали обращения к уголовному законодательству зарубежных стран (УК Республики Беларусь, УК Республики Казахстан, УК Украины, УК Республики Таджикистан, УК Республики Узбекистан и др.).

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена: результатами проведенного в 2015-2017 гг. обобщения материалов более 400 уголовных дел о многоэпизодных преступлениях; опубликованной практикой Верховного Суда Российской Федерации, относящейся к теме исследования; данными опроса 226 экспертов (112 прокуроров, 35 судей, 19 помощников судей, 26 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 34 следователя органов внутренних дел Российской Федерации), проведенного в 2016-2017 гг.

При подготовке диссертации использовались результаты исследований, проведенных другими авторами, а также личный опыт прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Научная новизна диссертации заключается в разработке целостного уголовно-правового учения о продолжаемом преступлении, которое включает в себя: теоретические положения, отражающие сущность продолжаемого преступления; уточненную уголовно-правовую характеристику продолжаемого преступления, его объективных и субъективных признаков; обоснование перспективных направлений нормативной регламентации продолжаемых преступлений; общие и частные правила их квалификации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основные доктринальные концепции (теории) продолжаемого преступления. В европейской уголовно-правовой науке XIX в. сформировались три основные концепции (теории) продолжаемого преступления – объективная, субъективная и дуалистическая (объективно-субъективная), которые получили последующее развитие в отечественной доктрине уголовного права.

Сущность продолжаемого преступления лучше всего отражает третья концепция, в соответствии с которой его единство определяется как субъективными, так и объективными показателями. С позиции дуалистической концепции внешние (объективные) проявления продолжаемого преступления играют двоякую роль. С одной стороны, они доказывают субъективное единство продолжаемого преступления (единство умысла, мотива, цели), а с другой – определяют четкие границы, за рамками которых даже субъективно взаимосвязанные неоднократные деяния не могут признаваться единичным преступлением.

2. Уточненная уголовно-правовая характеристика объективных признаков продолжаемого преступления:

– в его состав могут входить деяния с различной отраслевой противоправностью, что требует корректировки разъяснений относительно продолжаемого хищения (п. 16 постановления Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29);

– обязательным признаком продолжаемого преступления является тождественность образующих его деяний, которую предлагается определять на основании двух альтернативных критериев – юридического (ответственность за каждое деяние предусмотрена одной статьей нормативного правового акта) и (или) фактического (все деяния имеют аналогичные объективные признаки);

– составными элементами продолжаемого преступления могут быть деяния, предусмотренные различными частями одной статьи Особенной части УК РФ. В подобных случаях продолжаемое преступление квалифицируется с учетом отягчающих обстоятельств, которые имели место хотя бы при совершении одного из деяний, входящих в его состав.

3. Уточненная уголовно-правовая характеристика субъективных признаков продолжаемого преступления:

– продолжаемое преступление совершается лишь с прямым умыслом, который может быть конкретизированным (виновный имеет четкое, конкретное представление о цели совершаемых им тождественных противоправных деяний и ее количественных параметрах) или относительно-определенным (виновный преследует единую качественно определенную цель, но не имеет детального представления о ее количественных параметрах). Исходя из этого, предлагается исключить из постановления Пленума от 23 декабря 1980 г. № 6 разъяснение, в соответствии с которым продолжаемое хищение совершается только с конкретизированным умыслом;

– для продолжаемого преступления обязательно единство умысла, которое констатируется: если совершение нескольких тождественных противоправных деяний планировалось изначально (заранее обдуманый единый умысел); если решение осуществить тождественное посягательство на тот же объект принято в процессе совершения противоправного деяния, но до его фактического окончания (внезапно возникший единый умысел);

– единство умысла не исключает определенной динамики субъективных представлений о размере предмета продолжаемого преступного посягательства. Если в сознании виновного до окончания запланированных действий меняются количественные параметры поставленной цели (например, появляется желание похитить больше изначально запланированного), то умысел не утрачивает изначального единства, хотя и претерпевает определенную корректировку.

4. Предложения по нормативной регламентации продолжаемого преступления:

– регламентация продолжаемого преступления должна быть многоуровневой. Первичные уголовно-правовые предписания, определяющие общие (универсальные) признаки продолжаемого преступления и правила его отграничения от совокупности преступных деяний, следует регламентировать в

УК РФ, а специфику отдельных разновидностей продолжаемых преступлений – отразить в постановлениях Пленума по конкретным категориям уголовных дел. Это позволит добиться реализации уголовно-правового принципа законности и одновременно обеспечить субъектов правоприменительной деятельности конкретизирующими предписаниями, необходимыми для квалификации отдельных видов продолжаемого преступления;

– законодательное определение продолжаемого преступления (равно как и иных сложных единичных преступных деяний) целесообразно включить в институт множественности преступлений, обособив его в отдельной главе УК РФ;

– законодателю следует отказаться от попыток нормативной трансформации продолжаемого преступления одного вида в другое, более тяжкое преступление, так как даже многократное повторение тождественных преступных деяний не способно изменить вид продолжаемого преступления. Исходя из этого, необходимо внести изменения в диспозицию ч. 1 ст. 117 УК РФ, исключив возможность «превращения» продолжаемых побоев в истязание.

5. Общие правила квалификации продолжаемого преступления:

– при наличии непреодолимых сомнений относительно уголовно-правовой оценки тождественных преступных деяний необходимо задействовать следующий алгоритм квалификации: содеянное следует квалифицировать дважды – как продолжаемое преступление и как совокупность преступных деяний; далее нужно сравнить наказуемость содеянного при первом и втором варианте квалификации; на основании ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации выбрать более «выгодный» для виновного вариант квалификации;

– разъяснения, сформулированные в п. 5 постановления Пленума от 4 марта 1929 г. № 23, касаются исключительно фактической завершенности продолжаемого преступления, а потому не могут использоваться для определения момента его юридического окончания. Этот момент следует устанавливать дифференцированно, в зависимости от степени конкретизации умысла, параметров цели, поставленной виновным, а также ее уголовно-правового значения

(конкретные рекомендации изложены в тексте диссертации и автореферата);

– при наличии предварительного сговора на совершение продолжаемого преступления его соисполнителям следует вменять все эпизоды (продолжаемое преступление в целом), а не только те деяния, в которых они принимали участие;

– соисполнитель, присоединившийся к совершению уже начатого продолжаемого преступления, должен нести ответственность за это преступление (при соблюдении принципа субъективного вменения) с учетом следующих особенностей: в объем обвинения присоединившегося соисполнителя не могут входить те деяния, которые были совершены до его подключения к продолжаемому преступлению; ему не вменяется квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

6. Уголовно-правовая специфика и частные правила квалификации продолжаемого хищения:

– единство источника изъятия чужого имущества, которое является обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа и разбоя, определяется на основании двух альтернативных критериев – пространственного (изъятие имущества осуществляется из одного места, ограниченного определенными территориальными рамками) и юридического (все изъятые имущество принадлежит одному собственнику);

– для продолжаемых мошенничества, присвоения или растраты единство источника изъятия чужого имущества не обязательно. Субъективная взаимосвязь тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества путем мошенничества, присвоения или растраты, может внешне проявляться и без единства источника изъятия, выражаясь в других объективных признаках (например, единство приготовительной деятельности, использование единого способа хищения и др.).

7. Уголовно-правовая специфика и частные правила квалификации продолжаемого взяточничества:

– если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное возна-

гражданин за совершение определенных действий (акта бездействия), требует повысить размер взятки, а взятодатель, согласившись с этим требованием, передает дополнительное вознаграждение за те же действия (акт бездействия), содеянное необходимо квалифицировать как продолжаемое взяточничество;

– действия взятополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взятодателю о необходимости дать взятку другому должностному лицу, требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки;

– если субъекты коррупционного подкупа воспринимают неоднократную передачу (получение) незаконного вознаграждения как регулярную оплату единого комплекса коррупционных услуг (рассроченные коррупционные платежи за благоприятное отношение чиновника), то имеет место продолжаемое взяточничество за общее покровительство (попустительство) по службе. Если же каждый повторный факт передачи взятки воспринимается взятодателем и взятополучателем как самостоятельная коррупционная «сделка», все эти факты требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки;

– позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания продолжаемых получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере (абз. 2 п. 10 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24) требует корректировки, поскольку не согласуется с общими правилами квалификации продолжаемого преступления, а также с разъяснениями по другим категориям уголовных дел.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что его результаты обогащают юридическую науку, развивают и углубляют доктринальные уголовно-правовые представления о продолжаемых преступлениях, вносят вклад в развитие учения о сложных единичных преступлениях и множественности преступных деяний, создают теоретическую основу для совершенствования уголовного законодательства, постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Практическое значение диссертационного исследования выражается в уточнении существующих и разработке новых правил квалификации продолжаемых преступлений, разрешении сложных правоприменительных проблем, возникающих при их уголовно-правовой оценке. Результаты исследования могут быть использованы: в законотворческой деятельности по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации; в праворазъяснительной деятельности Верховного Суда Российской Федерации; в правоприменительной практике при квалификации продолжаемых преступлений; в учебном процессе подготовки бакалавров, специалистов и магистров по направлению «Юриспруденция»; в процессе повышения квалификации сотрудников правоприменительных органов.

Практическая значимость диссертационного исследования подтверждается **апробацией его результатов** посредством:

– их публикации в 9 научных работах (4 – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России);

– обсуждения основных положений и выводов диссертации на 5 научно-практических форумах: XIV Международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке» (Москва, 26–27 января 2017 г.); международной научно-практической конференции «Проблемы эффективности права в современной России» (Краснодар, 7–8 октября 2016 г.); международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Новороссийск, 30 сентября 2016 г.); всероссийской научно-практической конференции «Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты» (Рязань, 24 мая 2016 г.); заседании круглого стола «Состояние законности в Российской Федерации» (Москва, 13 апреля 2016 г.);

– их внедрения в практическую деятельность Генеральной прокуратуры Российской Федерации, прокуратуры Западного административного округа г. Москвы, а также в учебный процесс юридического факультета Академии Ге-

неральной прокуратуры Российской Федерации.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования определяется использованием апробированных методов научного познания, соблюдением методологических требований теории уголовного права, а также репрезентативной эмпирической базой, на которой основывалось исследование. Теоретические выводы диссертации построены на новых и проверяемых данных, которые согласуются с иными опубликованными работами по теме диссертации.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, 2 глав, объединяющих 7 параграфов, заключения, библиографии и приложения.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УЧЕНИЯ О ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1. Развитие доктринальных представлений о продолжаемых преступлениях: основные концепции⁵

Уголовное право – это одна из наиболее древних отраслей права, история которой насчитывает не одно тысячелетие. Сквозь толщу времен крайне сложно установить, когда именно и в какой уголовно-правовой системе зародились представления о продолжаемых преступлениях. Однако достоверно известно, что в I – II вв. римские юристы (Цельс, Ульпиан и др.) в своих сочинениях уже поднимали проблему продолжаемого преступления. В частности, Ульпиан (лат. Domitius Ulpianus, 170 – 228) рассуждал следующим образом: «Если я совершил множество правонарушений, к примеру, беспорядков, посягая тем самым на публичный порядок, то все эти действия должны быть наказуемы в одно и то же время. Вряд ли при этом целесообразно добиваться наказания за каждое отдельное правонарушение, ибо совершены они в одно и то же время и являются связанными между собой»⁶.

Впрочем, полноценное учение о продолжаемом преступлении сформировалось намного позже – в немецком уголовном праве XIX в.⁷ Причем в первой

⁵ Результаты соответствующего раздела диссертационного исследования были опубликованы в следующей статье: Кулагин А.Н. Основные концепции (теории) продолжаемого преступления в доктрине уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 53-58.

⁶ Цит. по: Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 19.

⁷ А. Фон-Резон и Н.С. Таганцев анализируют более 10 изданных в это время монографических работ немецких криминалистов, посвященных продолжаемым преступлениям (fortgesetzte Verbrechen) (см.: Фон-Резон А. О продолжаемом преступлении (crimen continuatum). По поводу решения уголовного кассационного департамента правительствующего сената по делу Качкаевых // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – № 1; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. – СПб., 1902. – С. 1282-1283).

половине девятнадцатого столетия доктринальная разработка проблемы продолжаемого преступления достигла такого уровня, который позволил воплотить соответствующие теоретические идеи в уголовном законодательстве. В Уголовном кодексе Баварии 1813 г., автором которого являлся выдающийся немецкий криминалист А. Фейербах, впервые было зафиксировано нормативное определение продолжаемого преступления: «Если совершаются преступления в отношении одного и того же предмета или одного и того же лица, то эти несколько преступлений следует считать единым продолжаемым деянием» (ст. 110).

Не углубляясь пока в анализ этого определения, отметим, что работы представителей немецкой уголовно-правовой науки XIX в. оказали значительное влияние на отечественное правоведение, послужили толчком к развитию российской доктрины уголовного права. Было творчески воспринято российскими юристами и учение о продолжаемых преступлениях.

Следует отметить, что взгляды немецких криминалистов на феномен продолжаемого преступления не отличались единообразием. Аналогичная картина наблюдалась и в дореволюционной российской уголовно-правовой науке, что было вполне закономерно, учитывая воздействие германской уголовно-правовой школы. Наиболее острая научная дискуссия развернулась относительно сущности продолжаемого преступления, а также критериев его единства. В зависимости от позиции исследователей по этим вопросам в уголовном праве девятнадцатого столетия оформились три основные концепции (теории) продолжаемого преступления – объективная, субъективная и дуалистическая (объективно-субъективная)⁸.

⁸ В уголовно-правовой литературе выделяются и иные концепции (теории) продолжаемого преступления, например, нигилистическая, эклектическая теории, теория отождествления продолжаемых преступлений с повторными (см.: Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 26-29). Однако, как представляется, в выделении указанных концепций нет практической целесообразности. Например, так называемая «нигилистическая» теория отрицает сам факт существования продолжаемых преступлений, в связи с чем называть ее теорией продолжаемого пре-

С точки зрения *объективной концепции* единство продолжаемого преступления заключается во внешней взаимосвязи его элементов, которая проявляется, в частности, в том, что неоднократные преступные деяния предусмотрены одной и той же уголовно-правовой нормой (признак юридической тождественности или однородности), посягают на единый предмет (одного потерпевшего), совершаются, как правило, в течение непродолжительного времени, причиняют один преступный результат.

Основоположителем объективной концепции продолжаемого преступления считается А. Фейербах. Сформулированное им в Уголовном кодексе Баварии 1813 г. определение продолжаемого преступления (оно приводилось нами ранее) акцентирует внимание на совершении преступных посягательств «в отношении одного и того же предмета или одного и того же лица». Таким образом, «отграничение продолжаемых преступлений от повторных проводилось им по количеству объектов посягательства: там, где объектом последовательно совершаемых актов являлся один и тот же в материальном отношении предмет или одно и то же лицо – автор усматривал продолжаемое преступление; там же, где в качестве объекта посягательства выступало множество различных предметов или персон, А. Фейербах видел повторное преступление. Субъективный момент выводился за пределы понятия продолжаемого преступления и для установления такового значения не имел»⁹.

Сторонники объективной концепции полагали, что разработка понятия единичного продолжаемого преступления продиктована преимущественно утилитарными соображениями. Неоднократные преступные посягательства признаются единым продолжаемым преступлением в целях процессуальной эко-

ступления невозможно. Аналогичное замечание в полной мере относится и к теории отождествления продолжаемых преступлений с повторными, поскольку она не проводит различий между продолжаемым криминальным деликтом и множественностью преступлений. А «эклетические» научные представления о продолжаемом преступлении – это, по сути, прообраз объективно-субъективной концепции.

⁹ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 22-23.

номии, а также для того, чтобы избежать назначения чрезмерно сурового наказания. По сути, в такой трактовке продолжаемое преступление – это некая юридическая фикция, в рамках которой фактическая множественность провозглашается единичным (в юридическом смысле) преступлением¹⁰.

Объективная концепция необоснованно оставляла за рамками анализа продолжаемого преступления его субъективные признаки, игнорировала психическое отношение виновного к совершенным им преступным посягательствам, его мотивы и цели. Очевидно, что такой подход не позволял раскрыть подлинную сущность продолжаемого преступления. На этом основании объективная концепция продолжаемого преступления была подвергнута обоснованной критике как со стороны современников А. Фейербаха, так и учеными более позднего времени¹¹. Под влиянием этой критики многие сторонники объективной концепции впоследствии отказались от нее в пользу субъективной или дуалистической (объективно-субъективной) теории.

Тем не менее, объективная концепция продолжаемого преступления все же нашла своих сторонников в отечественной уголовно-правовой науке. Одним из них был А.А. Пионтковский (старший), который отстаивал объективные представления о продолжаемом преступлении не только применительно к до-революционному уголовному праву, но и в первое десятилетие советской власти. В частности, в своем учебнике, изданном в 1925 г., он отмечал, что «продолжаемыми преступлениями являются те преступления, которые слагаются из двух или нескольких тождественных действий, каждое из которых в отдельности выполняет состав одного и того же преступления, но рассматриваемых как единое преступление благодаря общности конечного преступного результа-

¹⁰ Сілаеў С.А. Аб асноўных канцэпцыях працяглага злачынства // Борьба с преступностью: теория и практика. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Могилев: Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь, 2014. – С. 157.

¹¹ Подробный обзор критических замечаний относительно объективной концепции продолжаемого преступления см.: Фон-Резон А. О продолжаемом преступлении (*crimen continuatum*). По поводу решения уголовного кассационного департамента правительствующего сената по делу Качкаевых // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – № 1.

та»¹². Таким образом, для А.А. Пионтковского ключевым признаком продолжаемого преступления являлось причинение единых общественно опасных последствий в результате неоднократных тождественных действий. При этом психическое отношение к этим действиям и наступившим от них последствиям его не интересовало, что, конечно же, не способствовало надежному разграничению продолжаемого преступления и совокупности преступных деяний.

На волне критики объективной теории А. Фейербаха в уголовно-правовой науке XIX в. была предложена *субъективная концепция* продолжаемого преступления. Одним из разработчиков этой теории был немецкий криминалист А. Шрётер. Доказывая несостоятельность позиции А. Фейербаха, в 1818 г. он высказал мнение о том, что понятие продолжаемого преступления не должно ограничиваться единством предмета посягательства. Преступные действия даже в отношении различных предметов должны быть признаны единым продолжаемым преступлением при условии, если они объединены между собой единым намерением¹³.

Эти идеи получили развитие в работах многих немецких ученых¹⁴, снискали немало сторонников в других европейских странах¹⁵, а также в России. Были они использованы и в законопроектной деятельности. По данным А.М. Ораздурдыева, в ст. 83 проекта Общей части Уголовного кодекса Италии, разработанного в 1876 г., была предусмотрена следующая норма: «Несколько нарушений одного и того же уголовного закона, совершенные действиями, вытекающими из одной и той же преступной решимости, признаются единым продолжаемым преступлением»¹⁶.

¹² Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. – М.: Госиздат, 1925. – С. 200.

¹³ Schroter A. Handbuch des peinlichen Rechts. Erster Band. – Leipzig, 1818. – S. 199-201.

¹⁴ См.: Kostlin R. System des deutschen Strafrechts. Allgemeiner Teil. – Tübingen, 1855. – S. 542; John R. Die Lehre vom fortgesetzten Verbrechen und von der Verbrechensconcurrrenz. – Berlin, 1860. – S. 11.

¹⁵ См., например: Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава, 1870. – С. 290.

¹⁶ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 25.

Среди российских дореволюционных ученых наиболее последовательным сторонником субъективной концепции продолжаемого преступления был Н.Д. Сергеевский, который считал главным его признаком единство вины и намерения: «Сколь бы ни были отдалены друг от друга по времени отдельные акты, они связываются воедино, если они проникнуты одним субъективным настроением и составляют осуществление одного плана»¹⁷. В том же ключе рассуждал и Л.С. Белогриц-Котляревский, по мнению которого «наиболее важным моментом, определяющим единство сложных форм преступной деятельности, следует считать единство преступного намерения, проникающего всю деятельность субъекта. Там, где последняя может быть рассматриваема как воплощение одного и того же намерения, объединяющего все ее акты в единое целое, рождающее во всей своей совокупности законный состав какого-либо преступления, предлежит единичное деяние, причем безразлично, будет это деятельность одного лица или нескольких соучастников, соединившихся вместе путем соглашения. Другие же моменты, а именно единство виновника, единство нормы, подвергаемой нарушению, единство действия, причиняющего вред нескольким лицам или интересам, играют второстепенную, вспомогательную роль при разрешении вопроса об единстве преступной деятельности»¹⁸.

Основная заслуга сторонников субъективной теории заключается в том, что они смогли убедительно доказать, что продолжаемое преступление – это не юридическая фикция, применяемая в целях упрощения уголовного процесса и экономии уголовной репрессии, а реальное криминальное явление, единство которого кроется во внутренней взаимосвязи его элементов. Субъективный подход позволил понять, что продолжаемое преступление – это единичное преступление не только с точки зрения юридической формы, но и по самой своей

¹⁷ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. – СПб., 1896. – С. 329-330.

¹⁸ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев, 1903. – С. 201-202.

природе, поэтому решающее знание для наличия такого преступления имеет не внешнее сходство эпизодов общественно опасной деятельности или временная связь между ними, а их внутреннее единство, обусловленное общей целью, единственным намерением, одной преступной мотивацией¹⁹. Благодаря представителям субъективной теории продолжаемого преступления «доктрине удалось заглянуть в сущность этого социального явления и найти связующее звено основных его компонентов, отразив его в категории единого намерения»²⁰.

Признавая вклад сторонников субъективной концепции в разработку учения о продолжаемом преступлении, нельзя вместе с тем не отметить, что в попытках доказать полную несостоятельность объективной теории продолжаемого преступления они зашли слишком далеко и, отказавшись от учета объективных признаков, «вместе с водой выплеснули и ребенка». В их интерпретации объективные характеристики продолжаемой преступной деятельности имеют исключительно вспомогательное значение; они лишь доказывают наличие или, напротив, отсутствие субъективной взаимосвязи противоправных деяний. Весьма показательной в этом отношении является позиция современных приверженцев субъективной теории: «Единство объекта или предмета преступления, тождество деяний или принадлежность их к одному роду (виду), единый ущерб, единство нарушенного права (единство потерпевшего), наличие временной и пространственной связи между эпизодами преступной деятельности, единство способа преступления, использование одной и той же ситуации, одного и того же длящегося отношения и т.п., относятся к числу переменных (вариативных) признаков анализируемой правовой конструкции. Они не имеют самостоятельного юридического значения, а лишь доказывают наличие единства

¹⁹ См.: Сілаеў С.А. Аб асноўных канцэпцыях працяглага злачынства // Борьба с преступностью: теория и практика. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Могилев: Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь, 2014. – С. 157.

²⁰ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 25.

субъективной стороны, которым и определяется природное единство продолжаемого преступления»²¹.

Однако подобные рассуждения представляются излишне категоричными. При всей важности субъективного единства продолжаемой преступной деятельности феномен продолжаемого преступления все же имеет некие объективные границы, за рамками которых даже совершенные с единой целью и общим умыслом действия не могут признаваться сложным единичным преступлением.

Попытаемся доказать это на примере посягательства на половую свободу потерпевшей, в ходе которого виновный вначале совершает с потерпевшей насильственный половой акт, а затем половое сношение в форме *per anus*. Очевидно, что в этом случае насильник действует с единым умыслом, общей целью, руководствуясь единым мотивом, а значит, с точки зрения субъективной концепции его действия следует признавать продолжаемым преступлением²². Но сделать это невозможно, так как уголовная ответственность за изнасилование и насильственные действия сексуального характера предусмотрена разными статьями Особенной части УК РФ. В связи с этим в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъясняется, что «если виновным было совершено в любой последовательности изнасилование и насильственные действия сексуального характера в отношении одной и той же потерпевшей, соде-

²¹ Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 278.

²² С позиции субъективных представлений о продолжаемом преступлении «единство преступного поведения в конечном счете обусловлено, с одной стороны, единством потребности как основы криминальной мотивации и, с другой стороны, определенным состоянием внешней среды (конкретной жизненной ситуацией), в которой и с учетом которой действует виновный. Поэтому о продолжаемом преступлении мы можем вести речь там, тогда и постольку, где, когда и поскольку ряд актов преступного поведения порожден желанием удовлетворить одну и ту же потребность (а не ряд тождественных потребностей) в одной и той же конкретной жизненной ситуации» (см.: Силаев С.А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении // Советник юриста. – 2011. – № 4).

янное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ, независимо от того, был ли разрыв во времени между изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера». Получается, что в этом случае субъективно единое насильственное сексуальное посягательство, состоящее из нескольких актов, не признается продолжаемым преступлением из-за несовпадения объективных параметров совершенных действий.

Если взять за основу субъективную теорию, то как единое продолжаемое преступление следует квалифицировать действия лица, совершившего несколько квартирных краж с общей целью (например, накопить денег на покупку автомобиля) и единым корыстным мотивом. Между тем обоснованность такой квалификации вызывает серьезные сомнения, так как изъятие чужого имущества каждый раз осуществлялось из другой квартиры, вред осознанно причинялся различным потерпевшим, что не позволяет расценивать содеянное в качестве единого продолжаемого преступления.

Приведенные примеры (их перечень можно было бы легко продолжить) показывают, что отграничить продолжаемое преступление от совокупности преступных деяний исключительно на основе субъективного единства криминальной деятельности, т.е. без учета ее объективных характеристик, практически невозможно. Это принципиальное положение положено в основу *дуалистической (объективно-субъективной) концепции* продолжаемого преступления, согласно которой его единство определяется как субъективными, так и объективными показателями. В дореволюционной отечественной уголовно-правовой литературе подобных взглядов придерживался Н.С. Таганцев. Отмечая сложность определения границ единичного сложного преступления, он указывал, что в качестве самых общих его критериев должны быть признаны: единство виновника, единство объекта и единство нормы, на которую посягает

виновный, единство вины, единство действия²³. С дуалистических позиций описывал продолжаемое преступление и С.В. Познышев, полагая, что «единство преступления предполагает, прежде всего, единство объекта, на который направляется посягательство. Надо выяснить, какой объект намечен был виновным как предмет его посягательства. Единство действия предполагает, далее, одно общее решение подвергнуть известному воздействию данный объект, хотя, быть может, по частям и в несколько приемов. Наконец, предполагается одна, хотя, быть может, и распадающаяся на несколько отдельных по времени актов деятельность, направленная на этот объект»²⁴. Таким образом, характеризуя продолжаемое преступление, Н.С. Таганцев и С.В. Познышев объединяли его объективные и субъективные параметры, что намного точнее отражало природу этого сложного единичного криминального деликта.

Объективно-субъективная концепция продолжаемого преступления была воспринята и судебной практикой. Так, в 1870 г. в решении по делу Строева (№ 215) Правительствующий Сенат указал, что похищение нескольких предметов, учиненное в одном месте и в одно время и бывшее результатом единого намерения, составляет одно преступление. Таким образом, в основу вывода о наличии продолжаемого преступления была положена совокупность объективных (совершение хищений в одном месте и в одно время) и субъективных (единство намерения) характеристик содеянного. Впоследствии Правительствующий Сенат неоднократно подтверждал свою приверженность дуалистической концепции продолжаемого преступления. В решениях Сената 1889 г. по делу Попова (№ 5) и по делу Данилова (№ 25), а также в решении 1892 г. по делу Зильберблата (№ 35) подчеркивалось, что деяние подсудимого, бывшее результатом одного и того же намерения, направленное к одной и той же цели, которая достигалась одним и тем же способом, составляет одно продолжаемое

²³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. – СПб., 1902. – С. 1282-1287, 1290-1293.

²⁴ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. – М., 1912. – С. 638.

преступление²⁵. И в этих случаях вывод о продолжаемом преступлении сделан Сенатом с учетом оценки комплекса объективных и субъективных критериев.

Советская уголовно-правовая наука в основном сохранила тот же дуалистический подход к характеристике продолжаемого преступления,²⁶ что вполне объяснимо, так как в первые годы новой власти юридическая доктрина опиралась на труды дореволюционных ученых, многие из которых продолжили свою научную деятельность в советской России. «Советская наука уголовного права с первых же дней своего существования правильно вскрыла сущность продолжаемого преступления: объективное и субъективное в нем рассматривалось в единстве и взаимной обусловленности с вытекающим отсюда представлением о продолжаемом преступлении как о едином преступном деянии»²⁷. Эти теоретические наработки вскоре были зафиксированы в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям». В нем впервые было официально разъяснено, что продолжаемыми являются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление».

В последующем подобная трактовка продолжаемого преступления, объединяющая его объективные и субъективные признаки, стала традиционной. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»²⁸ под продолжаемым хищением было предложено понимать «неоднократные мелкие хищения государственного или общественного имущества, совершенные из одного и того же источника или при иных обстоятель-

²⁵ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. – СПб., 1902. – С. 1283.

²⁶ См.: Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. Т. 1. – М., 1923. – С. 271; Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части общая и особенная. – Одесса, 1926. – С. 160.

²⁷ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 37.

²⁸ СПС «Консультант Плюс».

ствах, свидетельствующих о едином умысле виновного, в случаях, когда общий размер похищенного превышает пределы, характерные для мелкого хищения». В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»²⁹ определение продолжаемого хищения было скорректировано, однако сам подход к его толкованию продолжаемых преступлений через призму объективных и субъективных критериев остался без изменений вплоть до настоящего времени.

Говоря о дуалистической природе продолжаемого преступления, следует учитывать, что взаимосвязь его объективных и субъективных параметров неизбежна. Несмотря на свою специфику, продолжаемое преступление – это единственный криминальный деликт, а значит, как любое единичное преступление оно детерминировано совокупностью взаимодействующих объективных и субъективных факторов, поскольку «сознание и деятельность ... в любом поступке, в том числе и в противоправном поведении, образуют единство».³⁰

В прикладном аспекте взаимосвязь объективных и субъективных признаков продолжаемого преступления проявляется в том, что вывод о субъективном единстве его элементов, как правило, делается на основании объективных факторов. Весьма показательной в этом отношении является позиция Пленума Верховного Суда Российской Федерации, отраженная в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»³¹. По мнению Пленума, содеянное следует рассматривать как продолжаемое преступление, когда обстоятельства совершения финансовых операций или сделок с имуществом,

²⁹ СПС «Консультант Плюс».

³⁰ Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Издательство казанского университета, 1975. – С. 37.

³¹ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 9.

приобретенным преступным путем, «свидетельствуют о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий». Говоря иными словами, вывод о единстве умысла должен подтверждаться объективными характеристиками совершенных деяний.

Подобная взаимосвязь объективных и субъективных признаков продолжаемого преступления находит отражение и в практике по конкретным делам, о чем свидетельствуют многочисленные примеры.

Описанные в приговоре обстоятельства хищения Б. дизельного топлива 04 мая 2013 г. в количестве 160 литров на сумму 4716 руб. 48 коп., 05 мая 2013 г. в количестве 150 литров на сумму 4421 руб. 07 коп., 19 мая 2013 г. в количестве 406 литров на сумму 11968 руб. 07 коп. и 29 мая 2013 г. в количестве 90 литров на сумму 2653 руб. 02 коп. совершены одним и тем же способом, с небольшим разрывом во времени, при схожих обстоятельствах и с причинением ущерба одному потерпевшему, что свидетельствует о совершении таких действий в осуществление единого умысла, направленного на хищение путем растраты чужого имущества.

Таким образом, действия Б. не образуют совокупности преступлений, а являются единым продолжаемым преступлением³².

В приведенном примере суд сделал обоснованный вывод о субъективном единстве эпизодов продолжаемого преступления на основании объективных характеристик деяния. Такой подход вполне понятен, так как при отграничении продолжаемого преступления от множественности ориентироваться лишь на показания виновного нельзя, поскольку в этом случае многие лица смогли бы избежать уголовной ответственности за совокупность преступлений. На это обстоятельство обращалось внимание еще в уголовно-правовой литературе XIX в.: «Доказательство продолжаемости должно истекать из обстоятельств де-

³² Постановление Президиума Ростовского областного суда от 27 ноября 2014 г. № 44у-250 // СПС «Консультант Плюс».

яния, ... ибо в противном случае преступник мог бы утверждать, что он одним намерением обнял несколько убийств или краж в одно деяние»³³.

Однако было бы неверным считать, что объективные признаки продолжаемого преступления имеют исключительно вспомогательный характер, что они лишь доказывают наличие субъективного единства его элементов. Подобные представления, характерные для последователей субъективной теории, не учитывают, что составные части продолжаемого преступления имеют не только внутреннюю, но и внешнюю взаимосвязь, без которой продолжаемое преступление существовать не может. В частности, между деяниями, входящими в состав продолжаемого преступления, обязательно наблюдается функциональная связь, ведь ни одно из этих деяний не имеет самостоятельного значения. Они функционально дополняют друг друга, «представляют из себя этапы, звенья, продолжения одного и того же преступного деяния»³⁴, «каждый из них представляет собой лишь необходимое звено единого целого»³⁵.

О том, что значение объективных характеристик продолжаемого преступления не сводится лишь к доказательству его субъективного единства, свидетельствуют и разъяснения высшей судебной инстанции. Так, например:

– в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабе-

³³ См.: Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава, 1870. – С. 290–291.

³⁴ Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). – Казань, 1974. – С. 116.

³⁵ Владимиров В., Криволапов Г. Соотношение продолжаемых и повторных преступлений // Советская юстиция. – 1974. – № 19. – С. 10. Подчеркивая важность установления функциональных связей между элементами продолжаемого преступления, К.В. Ображиев и Д.С. Чикин приводят следующий пример. Если лицо совершает хищение огнестрельного оружия в несколько приемов, вынося за пределы оружейного завода по одной детали ежедневно, то каждое из тождественных действий, направленных на хищение оружия, выступает в качестве этапа совершения единичного преступления, имеющего функциональную связь с другими этапами. Однако если наряду с деталью оружия лицо в один из дней похитит с производства какое-либо иное имущество (например, технический инструмент), то последнее деяние приобретает самостоятельное значение, поскольку не имеет функциональной связи с действиями по хищению оружия (см.: Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 15).

же и разбое»³⁶ разъясняется, что обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа или разбоя является неоднократное изъятие чужого имущества «из одного и того же источника». Соответственно, неоднократное хищение чужого имущества в форме кражи, грабежа или разбоя из различных источников не признается продолжаемым преступлением, даже если все действия виновного субъективно были объединены общей целью;

– в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»³⁷ указывается, что преступления, предусмотренные ст. 131 или 132 УК РФ, признаются продолжаемыми, если несколько объединенных единым умыслом изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены «в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица». Иными словами, насильственные сексуальные посягательства на двух или более потерпевших не могут расцениваться в качестве продолжаемого преступления, даже если с субъективной точки зрения виновный воспринимает акты сексуального насилия как единое целое;

– в соответствии с п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»³⁸ не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе от нескольких лиц, «если в интересах каждого из них должностным лицом или лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, совершается отдельное действие (акт бездействия)». Следовательно, если преподаватель государственной образовательной организации требует от нескольких студентов дать ему взятку за вы-

³⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2.

³⁷ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 2.

³⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 9.

ставление положительной оценки на экзамене, его действия образуют совокупность преступлений, несмотря на то что он преследовал единую цель (получить незаконное вознаграждение) и руководствовался единым корыстным мотивом. На первый план здесь выступают обстоятельства объективного характера, а именно тот факт, что должностное лицо параллельно вступило в коррупционное взаимодействие с несколькими взяточдателями.

Таким образом, с позиции дуалистической концепции, которой довольно последовательно придерживается Пленум Верховного Суда Российской Федерации, внешние (объективные) проявления продолжаемого преступления играют двоякую роль. С одной стороны, они доказывают субъективное единство продолжаемого преступления (единство умысла, общность цели), а с другой – определяют четкие границы, за рамками которых даже субъективно взаимосвязанные неоднократные деяния не могут признаваться сложным единичным преступлением.

Итак, исследование концептуальных основ учения о продолжаемом преступлении приводит к выводу, что природу, сущность рассматриваемого уголовно-правового феномена лучше всего отражает дуалистическая (объективно-субъективная) теория. Однако нужно понимать, что в силу высокого уровня абстрактности дуалистическая концепция (впрочем, как и любые другие) не может дать практикам универсальные рекомендации, применимые для квалификации любого *delictum continuatum*, поскольку его разновидности (продолжаемые преступления против личности, продолжаемые хищения, продолжаемое взяточничество и т.п.) отличаются существенной спецификой. А значит, исследование продолжаемого преступления не должно ограничиваться концептуальным уровнем. Не менее важно понять, каким образом объективно-субъективная сущность продолжаемого преступления проявляет себя применительно к отдельным видам продолжаемого преступления, т.е. как свойства *общего* (продолжаемого преступления как такового) отражаются в *особенном* (разновидностях продолжаемого преступления). Поэтому отдельная глава нашего диссертаци-

ционного исследования будет посвящена специфике отдельных видов продолжаемого преступления.

Завершая параграф, подчеркнем его основные положения и выводы.

1. В европейской уголовно-правовой науке XIX в. (в основном благодаря работам немецких криминалистов) сформировались три основные концепции (теории) продолжаемого преступления – объективная, субъективная и дуалистическая (объективно-субъективная), которые получили развитие в отечественной доктрине уголовного права.

2. С точки зрения объективной концепции единство продолжаемого преступления заключается во внешней взаимосвязи его элементов, которая проявляется, в частности, в том, что неоднократные преступные деяния предусмотрены одной и той же уголовно-правовой нормой (признак юридической тождественности или однородности), посягают на единый предмет (одного потерпевшего), совершаются, как правило, в течение непродолжительного времени, причиняют один преступный результат. Сторонники объективной концепции полагали, что разработка понятия продолжаемого преступления продиктована преимущественно утилитарными соображениями. Неоднократные преступные посягательства признаются единым продолжаемым преступлением в целях процессуальной экономии, а также для того, чтобы избежать назначения чрезмерно сурового наказания. По сути, в такой трактовке продолжаемое преступление – это некая юридическая фикция, в рамках которой фактическая множественность провозглашается единичным (в юридическом смысле) преступлением.

3. Субъективная концепция продолжаемого преступления исходит из того, что продолжаемое преступление – это не юридическая фикция, применяемая в целях упрощения уголовного процесса и экономии уголовной репрессии, а реальное криминальное явление, единство которого кроется во внутренней взаимосвязи его элементов. С позиции субъективной теории продолжаемого преступления объективные характеристики преступной деятельности имеют

исключительно вспомогательное значение; они лишь доказывают наличие или, напротив, отсутствие субъективной взаимосвязи, внутреннего единства противоправных деяний.

4. Сущность продолжаемого преступления лучше всего отражает дуалистическая (объективно-субъективная) концепция, которая доминирует в советской и постсоветской уголовно-правовой науке. Она исходит из того, что отграничить продолжаемое преступление от совокупности преступных деяний исключительно на основе субъективного единства криминальной деятельности, т.е. без учета ее объективных характеристик, практически невозможно. Единство продолжаемого преступления определяется как субъективными, так и объективными показателями.

5. С позиции дуалистической концепции, которой довольно последовательно придерживается Пленум Верховного Суда Российской Федерации, внешние (объективные) проявления продолжаемого преступления играют двоякую роль. С одной стороны, они доказывают субъективное единство продолжаемого преступления (единство умысла, общность цели), а с другой – определяют четкие границы, за рамками которых даже субъективно взаимосвязанные неоднократные деяния не могут признаваться сложным единичным преступлением.

1.2. Объективные признаки продолжаемого преступления

Известный российский криминалист Н.Д. Сергеевский, рассуждая о продолжаемом преступлении, отмечал, что «тот признак, та черта, который связывает отдельные акты в единое действие, и обратно, полагает границу между отдельными действиями, не допуская соединения их в одно целое, не могут быть установлены посредством формальных теоретических признаков *in abstracto*; вопрос о том, представляет ли известная деятельность человека одно единое действие или ряд самостоятельных действий, есть *quaesto facti*, и разрешение его должно быть производимо практическим путем в каждом отдельном случае *in concreto*. Теория может выставить лишь самые общие определения»³⁹.

Последующее развитие уголовно-правовой науки доказало, что опасения Н.Д. Сергеевского относительно невозможности теоретического описания признаков продолжаемого преступления и выделения критериев его отграничения от совокупности преступных деяний не оправдались. В теории уголовного права разработана довольно детальная (хотя и не лишенная неточностей и противоречий) характеристика признаков продолжаемого преступления, которые в целях научного анализа принято подразделять на объективные и субъективные⁴⁰.

Исходя из этого, в рамках настоящего диссертационного исследования необходимо последовательно рассмотреть объективные и субъективные признаки продолжаемого преступления, не забывая при этом методологических

³⁹ Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. – СПб., 1896. – С. 329.

⁴⁰ Подобная классификация признаков продолжаемого преступления воспринята и судебной практикой. Так, например, в одном из судебных решений отмечается, что «продолжаемое преступление характеризуется с субъективной стороны единством умысла, обусловленного наличием единой цели, при этом каждое действие совершается как часть общего, направленного на достижение намеченного результата, общественно опасного деяния. С объективной стороны продолжаемое преступление есть совокупность разных по времени действий, объединенных тождеством предмета посягательства, места их совершения, способа совершения преступления» (см.: Постановление Президиума Волгоградского областного суда от 08 апреля 2015 г. № 44у-28/2015 // СПС «Консультант Плюс»).

постулатов отечественной юридической науки о взаимосвязи объективного и субъективного в преступном поведении.

Приступая к уголовно-правовому анализу объективных признаков продолжаемого преступления, отметим, что в теории уголовного права большинство из этих признаков является предметом оживленной дискуссии.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос об *отраслевой природе структурных элементов продолжаемого преступления*⁴¹. Несмотря на длительную разработку соответствующей проблематики, отечественная уголовно-правовая наука до настоящего времени окончательно не определилась с тем, правонарушения какой отраслевой принадлежности могут входить в состав продолжаемого преступления. В теории уголовного права представлены три варианта ответа на этот вопрос: «продолжаемое преступление – совокупность административных, дисциплинарных или иного характера правонарушений, не являющихся преступлениями»⁴²; в состав продолжаемого преступления входят деяния, каждое из которых, если рассматривать их изолированно, образует самостоятельное преступление⁴³; продолжаемое преступление может включать деяния различной отраслевой природы – как преступления, так и иные правонарушения (например, дисциплинарные или административные проступки)⁴⁴. Отсутствует консенсус по этому вопросу и среди опрошенных

⁴¹ Результаты соответствующего раздела диссертационного исследования были опубликованы в следующей статье: Кулагин А.Н. Структура продолжаемого преступления: проблемы теории и практики // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 2. – С. 87-94.

⁴² Кривошеин П.К., Кузьмичев В.С. Продолжаемое преступление и проблемы его квалификации. – Киев, 1989. – С. 10.

⁴³ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. – С. 633; Малков В.П. Повторность преступлений по советскому уголовному праву (понятие и уголовно-правовое значение): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 1967. – С. 10; Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – С. 126; Яни П. Продолжаемое преступление // Законность. – 2003. – № 1. – С. 32.

⁴⁴ См.: Караев Т.Э. Повторность преступления. – М., 1983. – С. 81; Становский М. Понятие продолжаемого преступления // Российская юстиция. – 1995. – № 11. – С. 36; Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. –

нами сотрудников правоохранительных органов (см. приложение).

Впрочем, такой разброс мнений не удивителен, учитывая, что позиция высшей судебной инстанции относительно структуры продолжаемого преступления также не отличается последовательностью и определенностью. В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям» продолжаемыми являются «преступления, складывающиеся из ряда тождественных *преступных действий* ...». Однако вопреки этому общему определению применительно к продолжаемым хищениям Пленум Верховного Суда СССР занял иную позицию, указав, что под продолжаемым хищением было предложено понимать «неоднократные *мелкие хищения* государственного или общественного имущества ...» (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества»). Через 10 лет высшая судебная инстанция вернулась к первоначальной трактовке структуры продолжаемого преступления. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» разъяснялось, что «продолжаемым хищением следует считать неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, складывающееся из ряда тождественных *преступных действий* ...». Эта позиция (продолжаемое хищение состоит из преступных действий) зафиксирована и в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», а потому является весьма распространенной и в теории уголовного права.

С. 16; Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 411; Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 55-56.

Однако приходится признать, что эта позиция не соответствует действительности. Если взять за основу разъяснения Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 и мнение ученых о том, что в состав продолжаемого преступления могут входить только преступные деяния (при изолированном их рассмотрении), то мы, по идее, не должны признавать продолжаемым преступлением совершение с единым умыслом ряда тождественных мелких хищений, причинивших уголовно значимый ущерб. Между тем в правоприменительной практике по конкретным делам содеянное успешно квалифицируется как единое продолжаемое хищение.

Так, например, П. с целью получения ежемесячных денежных выплат, не сообщив своевременно в Управление Пенсионного фонда Российской Федерации в Урицком районе Орловской области о перемене своего места жительства и фактическом месте проживания, по предоставленным ранее документам, незаконно, путем обмана и умолчания о фактическом месте проживания получал ежемесячные денежные выплаты в связи с аварией на Чернобыльской АЭС, в общей сумме 5 625,14 руб., из которых по 383,71 руб. получал в феврале и марте 2013 г., и по 404,81 руб. – с апреля 2013 г. по март 2014 г. в связи с проживанием в зоне с льготным социально-экономическим статусом, не имея законных оснований для их получения. Своими действиями П. причинил материальный ущерб Управлению Пенсионного фонда Российской Федерации в Урицком районе Орловской области на общую сумму 5 625,14 руб.

П. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ⁴⁵.

В приведенном примере в качестве структурных элементов продолжаемого мошенничества при получении выплат выступали мелкие хищения чужого имущества в размере, не превышающем 404,81 руб. Тем не менее, учитывая, что в совокупности размер похищенного имущества составил 5 625,14 руб., суд

⁴⁵ Приговор мирового судьи судебного участка Урицкого района Орловской области от 16 июня 2014 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-urickogo-rajona-orlovskoj-oblasti-s/act-215407051/> (дата обращения: 18.04.2017).

обоснованно квалифицировал содеянное как продолжаемое уголовно наказуемое хищение.

Этот пример наглядно показывает, что в состав продолжаемого преступления могут входить деяния, которые при изолированном рассмотрении представляют собой не только преступления, но и иные правонарушения (в частности, административные проступки), при условии, что за них лицо не привлекалось к юридической ответственности. Как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «это никоим образом не влечет размывания границ уголовно-правового регулирования и не ведет к нарушению положений ст. 8 УК РФ ..., поскольку при совершении продолжаемого преступления уголовно-правовой оценке подлежат не отдельные деяния, входящие в его состав, а продолжаемое преступление в целом. С учетом этого изолированное рассмотрение противоправных актов, посредством которых совершается продолжаемое преступление, по большому счету, вообще лишено смысла»⁴⁶. Иными словами, предметом уголовно-правовой оценки должно выступать продолжаемое преступление в целом, а не его структурные элементы.

Исходя из этого, представляется необходимым скорректировать разъяснение, содержащееся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указав, что продолжаемое хищение состоит «... из ряда тождественных *противоправных действий*» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

Немало споров в теории уголовного права порождает и вопрос о *степени сходства структурных элементов продолжаемого преступления*. Обобщение уголовно-правовой литературы позволяет выделить три основных подхода к его решению. Согласно первому из них, продолжаемое преступление может быть совершено только тождественными деяниями, причем тождественность

⁴⁶ Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 42.

предполагает использование одного и того же способа их совершения⁴⁷. Сторонники второго подхода также считают, что в состав продолжаемого преступления могут входить лишь тождественные деяния, но при этом трактуют тождественность в юридическом смысле⁴⁸. Наконец, третий подход заключается в том, что продолжаемое преступление может быть совершено как тождественными, так и однородными деяниями⁴⁹.

Оценивая вышеизложенные научные подходы, отметим, что рассматривать продолжаемое преступление исключительно с позиции технической тождественности (одинаковости используемых способов совершения неоднократных деяний) неверно. Сущность продолжаемого преступления заключается в поэтапной реализации единого умысла, в достижении одной преступной цели посредством совершения множества взаимосвязанных деяний, посягающих на один и тот же объект. В рамках реализации единого умысла и достижения общей цели не исключено некоторое изменение способа совершения противоправных действий, их варьирование и совершенствование. Как отмечает по этому поводу П.С. Яни, «при продолжаемом хищении в форме кражи с незаконным проникновением в жилище вор в первый раз может проникнуть в квар-

⁴⁷ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 62-63.

⁴⁸ См.: Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. – М.: ИГ «Юрист», 2003. – С. 81-82; Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – С. 261; Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 20; Бабий Н.А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие. – Мн.: Тесей, 2008. – С. 8; Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 411; Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 58.

⁴⁹ См., например: Караев Т.Э. Повторность преступления. – М., 1983. – С. 10; Дёмин В.Ф. Социальная обусловленность законодательного конструирования единого сложного преступления и его квалификация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1989. – С. 21; Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 32; Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. – С. 304; Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2007. – С. 52; Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 280-281.

тиру, разбив оконное стекло, а во второй – уже через открытую им изнутри дверь квартиры; в первый раз он может выкинуть похищенное имущество общникам в окно, а во второй раз – вынести через подъезд. В криминалистическом смысле способы хищения не тождественны, а в уголовно-правовом – тождественны: это кража с незаконным проникновением в жилище»⁵⁰. Поэтому сложно согласиться с А.Ф. Заловым, который категорично утверждает, что «модификация способа осуществления преступного намерения влечет уголовно-правовую самостоятельность каждого последующего преступного акта»⁵¹.

Вывод о допустимости фактического различия способов совершения противоправных деяний, образующих продолжаемое преступление, находит подтверждение и в разъяснениях высшей судебной инстанции. Как отмечается в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»⁵², «в том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого имущества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений». Таким образом, Пленум признает, что продолжаемое преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ, может включать в себя как акты присвоения, так и акты растраты. С юридических позиций указанные деяния являются тождественными (они предусмотрены одной статьей Особенной части УК РФ), хотя способы их совершения не совпадают.

Деяния являются юридически тождественными, если ответственность за их совершение предусмотрена одной и той же статьей нормативного правового акта (УК РФ, КоАП РФ или акта, регламентирующего дисциплинарную ответ-

⁵⁰ Яни П.С. Неоднократное получение незаконного вознаграждения: совокупность преступлений, продолжаемое взяточничество // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией. Сборник научных трудов / Под ред.: Лопашенко Н.А. – Саратов: Сателлит, 2009. – С. 60.

⁵¹ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 14.

⁵² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 2.

ственность). Вместе с тем, как показывает практика, продолжаемое преступление нередко состоит из деяний, которые в случае их изолированного рассмотрения образуют составы правонарушений различной отраслевой природы. Так, например, продолжаемое хищение может включать эпизоды мелкого и уголовно-наказуемого хищения.

Ш. в период с 15 октября 2009 г. по 30 апреля 2010 г., работая старшим товароведом в <АДРЕС>, действуя с единым умыслом, направленным на хищение денежных средств, исполняя устное указание руководства <АДРЕС> по сбору вырученных денежных средств от реализации продукции <АДРЕС> магазином «Горячий хлеб» и оприходованию наличных денежных средств в кассу <АДРЕС>, получала от старшего продавца магазина «Горячий хлеб» <ФИО2> под роспись ежедневную выручку, часть которой Ш. вносила в кассу вышеуказанного комбината, а часть денежных средств обращала в свою собственность и распоряжалась ими по своему усмотрению. В результате чего с 15 октября 2009 г. по 30 апреля 2010 г. Ш. похитила денежные средства из передаваемой выручки в сумме 103 221 руб. 38 коп.

Ш. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ⁵³.

В одни дни виновной совершались мелкие хищения, которые по отдельности следовало бы квалифицировать по ст. 7.27 КоАП РФ, в другие дни – уголовно наказуемое присвоение, предусмотренное ч. 1 ст. 160 УК РФ. Однако поскольку они были объединены единым умыслом, все эти действия правильно квалифицированы как одно продолжаемое присвоение. Но при этом о юридической тождественности деяний, образующих продолжаемое хищение, говорить не приходится, так как при изолированном рассмотрении они бы получили различную правовую оценку. Получается, что в этом случае на первый план

⁵³ Приговор мирового судьи судебного участка № 3 г. Ишима Тюменской области от 19 мая 2011 г. URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-g-ishima-1-s/act-200766146/> (дата обращения: 18.04.2017).

выходит фактическая тождественность действий, объединенных единым умыслом.

Аналогичная ситуация складывается и применительно к продолжаемому взяточничеству, которое может состоять из нескольких эпизодов получения взятки, образующих составы преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ. Например, в соответствии с предварительной договоренностью должностное лицо на протяжении трех месяцев получало от взяткодателя за общее покровительство 10 % от выручки от противоправной деятельности. В первом месяце размер взятки составил 8 тыс. руб., что расценивается как мелкое взяточничество (ч. 1 ст. 291.2 УК РФ), во втором – 15 тыс. руб., что образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 290 УК РФ, в третьем – 10 тыс. руб. (опять мелкое взяточничество). Несмотря на то что действия должностного лица в случае их изолированного рассмотрения образуют составы преступлений, предусмотренных различными статьями уголовного закона (ч. 1 ст. 291.2 и ч. 1 ст. 290 УК РФ), содеянное в целом признается продолжаемым получением взятки в значительном размере. Представляется, что подобная квалификация становится возможной благодаря фактической тождественности совершенных действий, каждое из которых представляет собой получение взятки.

Получается, что *тождественность деяний, образующих продолжаемое преступление, может определяться на основании двух альтернативных критериев – юридического и фактического*. Противоправные деяния признаются юридически тождественными, если юридическая (уголовная, административная, дисциплинарная) ответственность за каждое из них (при изолированном рассмотрении) предусмотрена одной статьей нормативного правового акта. В свою очередь, фактическая тождественность предполагает, что все противоправные деяния имеют сходные (однотипные) объективные признаки.

Изучение правоприменительной практики показывает, что в большинстве случаев составные элементы продолжаемого преступления являются тождественными как с точки зрения юридического, так и с позиции фактического

критериев. Вместе с тем для вывода о тождественности противоправных деяний достаточно и одного из этих критериев, поскольку они имеют альтернативный характер.

В этом отношении весьма показательной является ситуация с продолжаемой легализацией преступных доходов. Хорошо известно, что в целях легализации имущества, приобретенного преступным путем, нередко совершаются различные финансовые операции с использованием ряда кредитных организаций, заключается серия сделок с различными контрагентами, т.е. используется значительный арсенал способов отмывания преступных доходов. По мнению отдельных специалистов, в подобных случаях квалифицировать содеянное в качестве продолжаемого преступления не представляется возможным, поскольку способы легализации не совпадают, не являются тождественными или однородными⁵⁴. Однако при этом совершенно упускается из виду тот факт, что все разнообразные финансовые операции и сделки, направленные на легализацию, в юридическом отношении являются тождественными, поскольку ответственность за них предусмотрена одной статьей Особенной части УК РФ. И этого вполне достаточно для того, чтобы признать соответствующие действия по легализации преступных доходов тождественными на основании юридического критерия⁵⁵. Следовательно, все совершенные с целью легализации финансовые операции и сделки, несмотря на их фактическую разнородность, должны признаваться продолжаемым преступлением (разумеется, при условии субъективной взаимосвязи соответствующих действий).

⁵⁴ См.: Педун О.Л. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Дис. ... канд. юрид наук. – М., 2005. – С. 104.

⁵⁵ В уголовно-правовой литературе справедливо указывается, что «для признания поведенческих актов тождественными в уголовно-правовом значении этого термина достаточно лишь того, что каждый из них соответствует понятию сделки (если легализация совершается в форме сделок), все они охвачены единым умыслом и имеют, помимо этого, общий непосредственный объект» (см.: Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – С. 648-649).

Как уже отмечалось, некоторые ученые полагают, что структурными элементами продолжаемого преступления могут быть не только тождественные, но и юридически однородные противоправные деяния. Такого мнения, в частности, придерживается А.П. Козлов, который допускает возможность существования продолжаемого хищения, состоящего из эпизодов тайного и открытого хищения⁵⁶. Однако согласиться с таким подходом вряд ли возможно, поскольку в таком случае «неизбежно возникает вопрос о том, какое именно преступление является продолжаемым в приведенном примере (кража или грабеж?) и по какой статье Особенной части УК РФ его необходимо квалифицировать. Очевидно, что продолжаемая кража даже в качестве отдельного этапа (звена) не может включать открытое хищение, точно так же, как и в состав продолжаемого грабежа, по идее, не может входить тайное хищение»⁵⁷.

Итак, проведенное исследование позволило установить, что элементы продолжаемого преступления должны быть фактически и (или) юридически тождественными. Однако этот общий вывод требует определенной конкретизации, особенно в части юридической тождественности деяний, образующих продолжаемое преступление.

Как уже отмечалось, индикатором юридической тождественности является одна статья нормативного правового акта, которая предусматривает ответственность за все противоправные деяния, входящие в состав продолжаемого преступления. В частности, если каждый из эпизодов продолжаемого преступления по отдельности имеет преступный характер, то все они должны быть предусмотрены одной статьей Особенной части УК РФ. При этом составными элементами продолжаемого преступления вполне могут быть деяния, предусмотренные различными частями одной статьи Особенной части УК РФ, на что указали 91,6 % опрошенных экспертов.

⁵⁶ Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. – С. 59-60.

⁵⁷ Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 43.

Так, например, первый раз вымогатель требовал передачи чужого имущества (допустим, денежных средств в размере 200 тыс. руб.) под угрозой применения насилия, что образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ. Поскольку это требование выполнено не было, вымогатель, продолжая реализацию своего умысла, повторно потребовал у потерпевшего то же самое имущество, сопровождая свои требования применением насилия, т.е. выполнил квалифицированный состав вымогательства (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ). И хотя первое действие содержит признаки основного, а второе – квалифицированного составов вымогательства, их юридическая тождественность не утрачивается, так как они предусмотрены одной статьей Особенной части УК РФ. С учетом п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»⁵⁸ содеянное следует квалифицировать как единое вымогательство. Причем вменять необходимо п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ, который предусматривает ответственность за вымогательство с применением насилия, хотя в первом эпизоде насилие не применялось.

Общее правило квалификации в подобных случаях состоит в том, что продолжаемое преступление квалифицируется с учетом отягчающих обстоятельств, которые имели место хотя бы при совершении одного из деяний, входящих в его состав.

Применяя это правило на практике, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что для вменения подсудимым квалифицирующих признаков, предусмотренных пп. «а», «в», «ж» и «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, достаточно наличия таких признаков в любом из эпизодов,

⁵⁸ СПС «Консультант Плюс».

*являющихся составной частью совершенных ими продолжаемых преступлений*⁵⁹.

В контексте рассматриваемой проблематики нельзя не отметить, что продолжаемое преступление нередко совершается в соучастии, а значит, в различных эпизодах продолжаемого преступления соучастники могут выполнять различные роли. Обращая внимание на это обстоятельство, С.А. Силаев указывает, что «выполнение одним и тем же лицом юридически различных ролей в разных эпизодах преступной деятельности не исключает квалификации содеянного как единого продолжаемого преступления (при наличии единого умысла на совершение соответствующих действий)». По справедливому замечанию автора, «если виновными лицами заранее обусловлено, что в первом эпизоде совместной преступной деятельности один из них выполняет роль исполнителя, во втором – пособника, а другой – наоборот, то в этом случае бесспорно наличие единого умысла»⁶⁰. В приведенном примере составные элементы продолжаемого преступления (пособничество и исполнительство) при их изолированном рассмотрении получили бы несовпадающую уголовно-правовую оценку (в одном случае – со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ, а в другом – без таковой). Но, как представляется, это не исключает их юридической тождественности, поскольку таковая определяется не ролью соучастника в совершении различных эпизодов продолжаемого преступления (от эпизода к эпизоду она может варьироваться), а тем, что все его преступные действия направлены на совершение преступления, предусмотренного одной статьей Особенной части УК РФ⁶¹. Проиллюстрируем вышеизложенное конкретным примером.

⁵⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 апреля 2012 г. № 201-О12-5 // СПС «Консультант Плюс».

⁶⁰ Силаев С.А. Проблемы соучастия в продолжаемом преступлении // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – С. 29-30.

⁶¹ Иного мнения придерживается С.А. Силаев, который полагает, что преступные действия, выполненные в качестве исполнителя и пособника, не являются юридически тождественными: «Исполнительство и соучастие не могут быть признаны тождественными даже юридиче-

Осенью 2007 г. К. и Р. договорились убить потерпевшего Ж. Для убийства потерпевшего К. приобрел самодельное взрывное устройство. 18 декабря 2007 г. К. перевез взрывное устройство к дому потерпевшего, а Р. перенес его к тамбуру подъезда этого дома и заложил на полу. Вдвоем они стали ждать прибытия потерпевшего. Когда потерпевший стал заходить в тамбур подъезда, с помощью подачи сигнала К. привел в действие взрывное устройство. В результате взрыва здоровью потерпевшего был причинен легкий вред.

Эти действия К. Красноярский краевой суд квалифицировал по ч. 3 ст. 30 и пп. "а", "е", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия Р. – по ч. 3 ст. 30 и пп. "е", "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Не отказавшись от решения убить Ж., в феврале – апреле 2008 г. К. и Р. совершили действия, направленные на убийство потерпевшего. В этом случае Р. выступал в роли пособника, а исполнителем, используя винтовку, был К. В результате произведенных выстрелов здоровью потерпевшего был причинен тяжкий вред, однако он остался в живых.

Эти действия осужденных суд первой инстанции квалифицировал самостоятельно: действия К. – по ч. 3 ст. 30 и п. "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а действия Р. – по ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 33 и ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с решением суда первой инстанции о самостоятельной юридической квалификации действий К. по каждому эпизоду покушения на убийство Ж., указав следующее. В данном конкретном случае отсутствует совокупность преступлений. Изложенные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что в

ски, ибо роль в совершении преступления существенно влияет на квалификацию (действия соучастников квалифицируются по соответствующей статье Особенной части со ссылкой на ту или иную часть ст. 33 УК РФ)». Нетрудно заметить, что в основу этой позиции положена узкая трактовка юридической тождественности, предполагающая полное сходство результатов изолированной уголовно-правовой оценки элементов продолжаемого преступления (см.: Силаев С.А. Проблемы соучастия в продолжаемом преступлении // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – С. 29-30).

*обоих случаях было одно продолжаемое преступление, характеризующееся единым умыслом, направленным на убийство Ж.*⁶²

В приведенном примере Р. в первом и во втором эпизодах выполнял различные функции (соисполнителя и пособника). Тем не менее его действия, равно как и действия второго соучастника, были обоснованно квалифицированы как неоконченное продолжаемое преступление.

В подавляющем большинстве публикаций, имеющих отношение к предмету нашего исследования, в качестве обязательного объективного признака продолжаемого преступления называется его *совершение разновременными противоправными деяниями, т.е. дискретность (прерывистость) элементов продолжаемого преступления*⁶³. Отмеченная специфика объективной стороны продолжаемого преступления, как правило, объясняется невозможностью или нецелесообразностью достижения преступной цели посредством совершения одного преступного акта (например, в случае хищения объемного имущества, которое нельзя изъять за один прием) либо субъективными причинами – скажем, желанием завуалировать преступные действия (регулярное хищение незначительной части дневной выручки в надежде, что это не будет обнаружено), стремлением обеспечить гарантии выполнения условий преступной сделки (вторая часть взятки передается должностному лицу после совершений им действий в интересах взяткодателя).

К сожалению, в отдельных случаях субъекты правоприменительной деятельности полностью искажают это, казалось бы, аксиоматичное положение о дискретности продолжаемого преступления, указывая, что между его элементами не должно быть разрывов во времени. Причем особую тревогу вызывает

⁶² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2011 г. № 53-О11-64 // СПС «Консультант Плюс».

⁶³ См., например: Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 3; Силаев С.А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении // Советник юриста. – 2011. – № 4; Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации совокупности преступлений в судебной практике: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2016. – С. 41.

тот факт, что подобные ошибки допускаются даже на уровне высшей судебной инстанции.

Приговором Московского областного суда от 4 октября 2013 г. К. осужден, помимо прочего, за совершение 3 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30 и пп. "а", "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ).

В апелляционной жалобе К., не соглашаясь с приговором суда первой инстанции, ссылаясь на то, что действия по совершению трех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30 и п. п. "а", "г" ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, квалифицированы судом неверно, так как они являются единым составом преступления, поскольку были направлены на нарушение единого объекта – установленного порядка оборота наркотических средств, и совершались с единым умыслом на сбыт наркотического средства неопределенному кругу лиц.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор в отношении К. в силе, указав, что наличие разрыва во времени не позволяет согласиться с доводом апелляционной жалобы осужденного К. о продолжаемости преступления⁶⁴.

Не оспаривая приведенное судебное решение по существу, отметим, что в основу его аргументации положены доводы, которые идут вразрез с теоретическим учением о продолжаемом преступлении. Разрывы во времени между тождественными деяниями – это обязательный признак продолжаемого преступления, а потому наличие таковых не может служить основанием для несогласия с позицией стороны защиты о продолжаемом характере преступных действий.

Игнорирование рассматриваемого признака (наличие разрывов во времени между тождественными деяниями) приводит на практике к необоснованному смешению продолжаемого преступления с иными видами единичных преступлений. Показательным в этом отношении является следующий пример.

⁶⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 4-АПУ15-4 // СПС «Консультант Плюс».

Изменяя приговор в отношении А., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала следующее.

Из материалов дела и обстоятельств, установленных судом, следует, что после задержания А. 19 ноября 2011 г., в ходе личного досмотра, у него было изъято наркотическое средство – гашиш, массой 3,01 грамма, после чего по месту жительства А. было проведено ОРМ "обследование жилища", в ходе которого было изъято еще 27,11 грамма гашиша.

Указанные действия осужденного суд квалифицировал как два самостоятельных преступления – по ч. 1 ст. 228 УК РФ и по ч. 2 ст. 228 УК РФ, соответственно.

По смыслу закона деяние, объективная сторона которого образована рядом тождественных действий, характеризующихся единым умыслом, направленным на достижение общей цели, следует рассматривать как одно продолжаемое преступление.

Оценивая действия А., суд не принял во внимание то, что указанные выше деяния тождественны по своему содержанию и характеру, совершены одним и тем же лицом, в отношении одного и того же вида наркотического средства, изъяты в один день – 19 ноября 2011 г., и, следовательно, они охватываются единым умыслом, направленным на незаконное хранение без цели сбыта наркотического средства в особо крупном размере⁶⁵.

Признав, что А. совершил единичное преступление, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, безусловно, приняла правильное решение. Но называть это преступление продолжаемым неверно в силу отсутствия признака дискретности. Первое из совершенных А. преступных деяний (незаконное приобретение наркотического средства) является одноактовым (по крайней мере, данные о том, что наркотическое средство приобретено по частям, в материалах дела отсутствуют). Второе деяние в виде

⁶⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2014 г. № 20-УД14-7 // СПС «Консультант Плюс».

хранения наркотического средства является длящимся. Тот факт, что наркотическое средство хранилось в двух местах (при себе и в жилище), не изменяется юридической природы содеянного, не превращает длящееся преступление в какое-то другое, так как виновный непрерывно осуществлял юридически окончанный состав преступления, не предпринимая повторных преступных действий. В целом же одноактовое незаконное приобретение и последующее длящееся незаконное хранение наркотического средства следует расценивать как преступление с альтернативными признаками состава, поскольку указанные преступные деяния (незаконные приобретение и хранение) перечислены в одной статье Особенной части УК РФ.

Обращая внимание на дискретность продолжаемого преступления, представители уголовно-правовой науки расходятся в оценках допустимой продолжительности разрывов во времени между тождественными противоправными деяниями. Одни утверждают, что противоправные деяния, образующие объективную сторону продолжаемого хищения, должны совершаться «с минимальным разрывом во времени»⁶⁶, через непродолжительные промежутки времени (не конкретизируя понятие «непродолжительности»)⁶⁷, другие понимают дискретность предельно широко, указывая, что разрывы между тождественными деяниями «не должны выходить за пределы давностных сроков привлечения к уголовной ответственности»⁶⁸.

По всей видимости, какие-либо общие рекомендации относительно допустимой продолжительности временных промежутков между деяниями, входящими в состав продолжаемого преступления, дать вряд ли возможно. Это зависит от вида продолжаемого преступления, а также от обстоятельств конкретно-

⁶⁶ Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 76.

⁶⁷ См., например: Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. – М.: ИГ «Юрист», 2003. – С. 83; Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 411.

⁶⁸ Германова И.Е. К вопросу о понятии и признаках продолжаемого преступления // Вестник МГУ. – 1989. – № 3. – С. 69-72.

го дела, что наглядно показывает проведенное исследование судебной практики.

Так, например, по делу Ш., дважды совершившей кражу чужого имущества из квартиры 12 – 13 сентября 2005 г., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что квалификация действий Ш. по ч. 3 ст. 158, ч. 3 ст. 158 УК РФ является излишней.

Как следует из материалов дела, указанные действия осужденной охватывались единым умыслом, кражи совершены из одного источника одним и тем же способом через непродолжительный промежуток времени.

Указанные действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 158 УК РФ как кражу чужого имущества с незаконным проникновением в жилище⁶⁹.

В этом случае непродолжительным промежутком времени между тождественными преступными действиями был признан один день. Вместе с тем известно немало случаев, когда перерыв между эпизодами продолжаемого хищения длится намного дольше, например, на протяжении месяца (характерный пример – мошенничество при получении выплат) или даже нескольких месяцев.

Изменяя приговор Алданского районного суда от 23 апреля 2014 г., Президиум Верховного суда Республики Саха (Якутия) указал, что Б. совершила одно продолжаемое преступление, объединенное единым умыслом, поскольку в течение двух лет она 11 раз получала незаконно вознаграждение из фонда стимулирования, самовольно включая себя в приказы т.е. периодически совершала хищение из одного и того же источника⁷⁰.

По другому уголовному делу разрыв во времени между элементами продолжаемого преступления превысил полгода.

⁶⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2007 г. № 82-о07-7СП // СПС «Консультант Плюс».

⁷⁰ Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19 сентября 2014 г. № 44-У-93 // СПС «Консультант Плюс».

Р. признан виновным в том, что 15 марта 2013 г., правомерно находясь в квартире Л., взял принадлежащую ей кредитную карту, со счета которой тайно похитил денежные средства, осуществив 9 операций по снятию со счета банковской карты денежных средств (15 марта 2013 г., 15 марта 2013 г., 15 марта 2013 г., 16 марта 2013 г., 16 марта 2013 г., 16 марта 2013 г., 13 октября 2013 г., 13 ноября 2013 г., 17 декабря 2013 г.).

Президиум Челябинского областного суда квалифицировал содеянное как продолжаемое преступление, указав, что описанные в приговоре обстоятельства хищения Р. в период с 15 марта по 17 декабря 2013 г. денежных средств в короткий промежуток времени, одним и тем же способом, из одного источника, при сходных обстоятельствах свидетельствуют о совершении этих действий в осуществление единого умысла, направленного на хищение чужого имущества⁷¹.

Несмотря на то что максимальный разрыв между хищениями составил более полугода (с 16 марта по 13 октября), Президиум Челябинского областного суда признал весь промежуток времени, в течение которого совершались хищения, «коротким».

Более того, практика показывает, что в отдельных случаях продолжаемое хищение может совершаться на протяжении нескольких лет. Весьма характерным в этом отношении является следующий пример.

По приговору Михайлов осужден, в том числе, за легализацию (отмывание) денежных средств, полученных в результате совершения им неоднократных преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, а также преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, на общую сумму не менее 27 386 474 рубля.

В соответствии с обстоятельствами, установленными судом, Михайлов с целью легализации денежных средств и придания им видимости правомерного владения, пользования и распоряжения в период с 21 декабря 1998 г. по 29

⁷¹ Постановление Президиума Челябинского областного суда от 10 декабря 2014 г. № 44у-174/2014 // СПС «Консультант Плюс».

июля 2010 г. приобрел земельные участки и домовладения, оформив эти объекты на третьих лиц.

В судебном заседании Михайлов, соглашаясь с предъявленным обвинением и поддерживая свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, подтвердил, что объекты недвижимости приобрел и построил на деньги от сбыта наркотиков, позднее два дома объединил в одно большое строение.

Таким образом, исходя из установленных обстоятельств, свидетельствующих о том, что действия Михайлова по легализации денежных средств, добытых преступным путем в ходе совершенных преступлений, предусмотренных ст. 210, 228.1 УК РФ, были объединены единым умыслом, квалифицированы как одно продолжаемое преступление по ст. 174.1 УК РФ, начатое в декабре 1998 г. и оконченное в июле 2010 г.⁷².

Еще одним примером растянутого во времени продолжаемого преступления является резонансное уголовное дело в отношении супругов З., совершивших хищение 221 экспоната из Эрмитажа с 1999 г. по ноябрь 2005 г. Общая сумма похищенного составила 14 813 000 руб. Суд квалифицировал действия Н.З. по п.п. "а", "б" ч. 4 ст. 158 УК РФ как кражу, совершенную организованной группой в особо крупном размере (его супруга, Л.З., скончалась, не дожив до суда). Как было отмечено в приговоре, для суда является безусловным, что совершенное подсудимым преступление является продолжаемым хищением, где все тождественные эпизоды краж охватывались единым корыстным умыслом и преследовали цель незаконного обогащения, о чем свидетельствуют установленные судом обстоятельства преступления и показания самого подсудимого о

⁷² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 г. № 49-О16-1 // СПС «Консультант Плюс».

том, что именно такой способ был изначально выбран семьей З. для поддержания материального благополучия⁷³.

Приведенные примеры показывают, что временные характеристики продолжаемого преступления даже одного вида (в частности, продолжаемого хищения) могут отличаться, причем весьма существенно. Это становится еще более заметным, если сопоставить продолжаемые преступления разных видов. Обращая внимание на это обстоятельство, С.А. Силаев указывает, что «совершающий в несколько приемов квартирную кражу стремится закончить все как можно скорее, а лицо, использующее незаконные схемы "оптимизации налогообложения", в принципе не может совершать акты уклонения от уплаты налогов через короткие промежутки времени, ибо закон связывает исполнение данной обязанности с определенным налоговым периодом (по большинству налогов – один календарный год)»⁷⁴.

Таким образом, приходится признать, что временные параметры совершения тождественных деяний (их периодичность, продолжительность разрывов во времени) следует рассматривать лишь как один из многих объективных факторов, подтверждающих или, напротив, опровергающих их субъективную взаимосвязь. При этом прослеживается относительно устойчивая закономерность, которая заключается в следующем: чем меньше разрыв во времени между тождественными деяниями, тем с большей вероятностью можно говорить о единстве умысла.

При всем многообразии теоретических представлений о продолжаемом преступлении подавляющее большинство исследователей солидарно в том, что обязательным признаком его является *объективная взаимосвязь между входящими в его состав деяниями*, которая позволяет рассматривать их в целом как определенную линию поведения виновного. Как справедливо отмечается в

⁷³ Архив Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга. Дело № 1-47/2007. Цит. по: Клебанов Л. Проблемы множественности преступлений против культурных ценностей // Уголовное право. – 2012. – № 2.

⁷⁴ Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 281.

уголовно-правовой литературе, элементы продолжаемого преступления не имеют самостоятельного характера, а являются этапом, продолжением одного и того же преступного деяния⁷⁵; каждое из деяний является необходимым звеном в общей цепи механизма причинения единого ущерба⁷⁶. Правда, при этом специалисты существенно расходятся в выводах относительно конкретных критериев (показателей), подтверждающих наличие взаимосвязи элементов продолжаемого преступления. В частности, в качестве таковых предлагается рассматривать: направленность каждого деяния на один и тот же объект уголовно-правовой охраны⁷⁷; единство предмета всех противоправных посягательств и (или) причинение вреда одному и тому же потерпевшему⁷⁸; сходство (однотипность) способа совершения соответствующих деяний⁷⁹; единство наступивших последствий⁸⁰.

Оценивая предложенные критерии, отметим, что большинство из них характерны лишь для отдельных разновидностей продолжаемого преступления, т.е. не являются универсальными. Прежде всего сказанное относится к направ-

⁷⁵ Малков В.П. Повторность преступлений по советскому уголовному праву (понятие и уголовно-правовое значение): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 1967. – С. 10.

⁷⁶ Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 16-17.

⁷⁷ См.: Дёмин В.Ф. Социальная обусловленность законодательного конструирования единого сложного преступления и его квалификация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1989. – С. 21; Курс советского уголовного права. В шести томах. Т. 3. Наказание / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. – С. 159-160; Львова Е.Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 9.

⁷⁸ См.: Становский М. Понятие продолжаемого преступления // Российская юстиция. – 1995. – № 11. – С. 36-37; Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации совокупности преступлений в судебной практике: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2016. – С. 41; Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 76.

⁷⁹ См.: Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 16; Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации совокупности преступлений в судебной практике: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2016. – С. 41.

⁸⁰ См.: Курс советского уголовного права. В шести томах. Т. 3. Наказание / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970. – С. 159-160; Зінченко І.О. Одичні злочини: поняття, види, кваліфікація : монографія / І.О. Зінченко, В.І. Тютюгін. – Х. : Фінн, 2010. – С. 88.

ленности всех тождественных противоправных посягательств на одного потерпевшего и (или) предмет. Для продолжаемых насильственных преступлений этот признак является обязательным⁸¹. Применительно к продолжаемым насильственным преступлениям против половой свободы и половой неприкосновенности это обстоятельство подчеркивается в п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В нем разъясняется, что преступления, предусмотренные ст. 131 или 132 УК РФ, признаются продолжаемыми, если несколько объединенных единым умыслом изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены «в отношении одного и того же потерпевшего лица».

С другой стороны, для продолжаемых хищений единство потерпевшего и предмета посягательства вовсе не обязательно⁸², поскольку направленность тождественных хищений на имущество, принадлежащее различным потерпевшим, не исключает субъективного единства соответствующих действий (более подробно об этом пойдет речь в третьей главе диссертации). Это обстоятельство прекрасно осознавали дореволюционные криминалисты, в частности, Н.С. Таганцев, который отмечал, что «признаком, отделяющим продолжаемое деяние от совокупности, нельзя поставить отдельность материальных предметов посягательства, так как именно множественность таковых и предполагается, например, при продолжаемых имущественных посягательствах. На том же основании нельзя признать таковым признаком единство нарушенного субъективного права, так как кража из сундука, в коем находились вещи разных вла-

⁸¹ См.: Михайленко И., Силаев С. О продолжаемых преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 72-75.

⁸² На это обстоятельство справедливо обращает внимание Н.А. Лопашенко, указывая, что при продолжаемом хищении «потерпевшие могут быть и разными; это не суть важно при наличии других обстоятельств, свидетельствующих о продолжаемом хищении» (см.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 123).

дельцев, не становится только в силу этого обстоятельства совокупностью краж»⁸³. На это обращали внимание и зарубежные криминалисты XIX в. (в частности, Р. Кестлин, С. Будзинский), которые указывали, что в имущественных преступлениях единство умысла возможно и при причинении ущерба нескольким собственникам, в то время как преступление против личности может считаться продолжаемым, только если оно совершено в отношении одного и того же лица⁸⁴.

В подтверждение того, что продолжаемое хищение нередко причиняет вред нескольким потерпевшим, можно привести многочисленные примеры – продолжаемое хищение денежных средств участников долевого строительства многоквартирных домов⁸⁵, продолжаемое мошенничество, совершенное путем образования финансовой пирамиды, продолжаемый угон нескольких автомобилей, принадлежащих различным потерпевшим⁸⁶, и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что «единство потерпевшего не является самостоятельным признаком продолжаемого преступления, а представляет собой лишь один из возможных критериев единства преступного умысла; при этом единство потерпевшего является *conditio sine qua non* единства умысла в многоактных посягательствах на личные неимущественные блага, как то: жизнь и здоровье, честь и достоинство, свобода и личная неприкосновенность и т.п.»⁸⁷.

Не может выступать в качестве универсального признака, свойственного всем продолжаемым преступлениям, и сходство (однотипность) способов со-

⁸³ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. – СПб., 1902. – С. 1283.

⁸⁴ Анализ соответствующих научных позиций см.: Силаев С.А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении // Советник юриста. – 2011. – № 4.

⁸⁵ См.: Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 13 февраля 2012 г. по уголовному делу №1-7/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-presnenskij-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-421568747/> (дата обращения: 21.05.2016).

⁸⁶ См.: Обзор судебной работы гарнизонных военных судов // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁸⁷ Силаев С.А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении // Советник юриста. – 2011. – № 4.

вершения тождественных противоправных деяний. Как уже отмечалось, тождественные в юридическом смысле деяния фактически могут существенно отличаться в плане способов их совершения. Так, например, продолжаемая легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174, 174.1 УК РФ), может осуществляться посредством различных финансовых операций, а также других сделок с легализуемым имуществом.

Пожалуй, единственным универсальным (т.е. характерным для всех продолжаемых преступлений) показателем объективной взаимосвязи между элементами продолжаемого преступления является единство объекта посягательства, т.е. направленность тождественных деяний, образующих продолжаемое преступление, на причинение вреда одному и тому же объекту уголовно-правовой охраны⁸⁸. А все иные признаки, такие как единство предмета и (или) потерпевшего, использование аналогичного способа, единство причиненных последствий и др., являются факультативными (дополнительными) индикаторами объективной взаимосвязи деяний, входящих в состав продолжаемого преступления. Однако, несмотря на их факультативный характер, недооценивать их уголовно-правовое значение не стоит.

Во-первых, в продолжаемых преступлениях определенного вида некоторые из факультативных признаков приобретают обязательный характер. Так, например, обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа и разбоя является неоднократное изъятие чужого имущества «из одного и того же источника» (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»); продолжаемое изнасилование (насильственные действия сексуального характера) обязательно предполагает совершение тож-

⁸⁸ При этом единый объект продолжаемого преступного посягательства может иметь сложную структуру, как это, в частности, имеет место в случае с продолжаемым вымогательством (основной объект – собственность, дополнительный – здоровье, честь и достоинство), продолжаемым изнасилованием (основной объект – половая неприкосновенность или половая свобода, дополнительный – здоровье). Иными словами, продолжаемое преступление может быть многообъектным.

дественных посягательств «в отношении одного и того же потерпевшего лица» (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»); в качестве обязательного признака продолжаемого вымогательства выступает направленность неоднократных требований на завладение «одним и тем же имуществом или правом на имущество либо на получение материальной выгоды от совершения одного и того же действия имущественного характера» (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»).

Во-вторых, как показал анализ судебной практики, в правоприменительной деятельности взаимосвязь элементов продолжаемого преступления констатируется на основании *совокупности нескольких критериев, сочетание которых в каждом конкретном случае индивидуально*. Причем в конкретном продолжаемом преступлении помимо обязательного (универсального) признака единства объекта продолжаемого посягательства всегда прослеживаются факультативные признаки, свидетельствующие о взаимосвязи элементов продолжаемого преступления.

Например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу М. было отмечено, что «в продолжаемом посягательстве акты преступного деяния связаны между собой объективными обстоятельствами, иногда сразу несколькими: местом, временем, способом совершения хищения, предметом посягательства».

Действия М., квалифицированные судом как два самостоятельных грабежа, носили однотипный характер, осуществлялись в одном месте, в одно время и в отношении имущества, принадлежавшего одному и тому же потерпевшему.

При таких обстоятельствах совершение нескольких однотипных преступных действий путем изъятия имущества, принадлежащего одному и тому же потерпевшему, объединенных единым умыслом и корыстными побуждениями к завладению чужим имуществом, составляют единое продолжаемое преступление⁸⁹.

В приведенном примере в основу вывода о наличии продолжаемого преступления были положены фактическая однотипность способов изъятия имущества, единство потерпевшего и места совершения посягательств, т.е. признаки, которые вообще-то не являются универсальными (обязательными) для всех продолжаемых преступлений. Однако в рассматриваемой ситуации совокупность указанных факультативных признаков не оставляет сомнений в объективной взаимосвязи совершенных деяний, которые в целом образуют единое продолжаемое преступление.

Следует подчеркнуть, что перечень факультативных показателей объективной взаимосвязи элементов продолжаемого преступления не является исчерпывающим. В качестве таковых могут выступать обстоятельства, относящиеся к предмету посягательства, потерпевшему от преступления, общественно опасным последствиям, способу, орудиям и средствам, обстановке, месту совершения противоправных посягательств и др. Главное, чтобы эти обстоятельства имели место до момента фактического окончания продолжаемого преступления.

Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что при квалификации действий осужденных по п. "а" ч. 4 ст. 158 УК РФ суд неправильно применил уголовный закон.

⁸⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 53-Д12-33 (см.: Обзор практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за первое полугодие 2013 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 2).

Суд каждому оконченному эпизоду кражи нефти дал самостоятельную правовую оценку по п. "а" ч. 4 ст. 158 УК РФ как отдельному преступлению и назначил за них отдельные наказания, а затем и наказание по совокупности преступлений.

С таким выводом суда согласиться нельзя. Как следует из предъявленного осужденным обвинения и установлено приговором суда, организованная преступная группа из числа осужденных была создана именно для хищения нефти из магистрального нефтепровода <...> посредством изготовления не санкционированной врезки в верхний фланец вантузной задвижки, расположенной на теле трубы нефтепровода на <...> километре нефтепровода. Все 25 эпизодов хищения нефти осуществлены осужденными одним и тем же способом, в одном и том же месте, с использованием одной схемы легализации похищенного имущества. То есть фактически суд признал, что осужденные совершили продолжаемое преступление⁹⁰.

В этом случае одним из показателей объективного единства 25 эпизодов хищения нефти послужило использование однотипной схемы легализации полученных преступных доходов. Судя по обстоятельствам дела, легализация похищенного имущества осуществлялась после каждого эпизода хищения, т.е. до момента фактического окончания продолжаемого преступления, поэтому тождественность способов легализации можно и нужно было учитывать в качестве одного из проявлений взаимосвязи совершенных хищений. Если же легализация преступных доходов осуществляется после фактического окончания хищения, то тождественность ее способов уже не может служить основанием для вывода о продолжаемом характере хищения. Иными словами, посткриминальное поведение, т.е. действия (акты бездействия), которые имели место после фактического окончания многоэпизодного преступления, не должны учиты-

⁹⁰ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2009 г. № 47-009-13 // СПС «Консультант Плюс».

ваться при решении вопроса о разграничении продолжаемого преступления и совокупности преступных деяний.

Завершая исследование объективных признаков продолжаемого преступления, представляется необходимым акцентировать внимание на следующих основных выводах.

1. В состав продолжаемого преступления могут входить деяния, которые при изолированном рассмотрении представляют собой не только преступления, но и иные правонарушения (в частности, административные проступки), при условии, что за них лицо не привлекалось к юридической ответственности. Исходя из этого, необходимо скорректировать разъяснение, содержащееся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указав, что продолжаемое хищение состоит «... из ряда тождественных *противоправных* действий» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

2. Обязательным признаком продолжаемого преступления является тождественность образующих его деяний, которая должна определяться на основании двух альтернативных критериев – юридического и фактического. Противоправные деяния признаются юридически тождественными, если юридическая (уголовная, административная, дисциплинарная) ответственность за каждое из них (при изолированном рассмотрении) предусмотрена одной статьей нормативного правового акта. В свою очередь, фактическая тождественность предполагает, что все противоправные деяния имеют сходные (однотипные) объективные признаки. Для вывода о тождественности деяний достаточно и одного из этих критериев, поскольку они имеют альтернативный характер.

3. Составными элементами продолжаемого преступления могут быть деяния, предусмотренные различными частями одной статьи Особенной части УК РФ. В подобных случаях продолжаемое преступление квалифицируется с учетом отягчающих обстоятельств, которые имели место хотя бы при совершении одного из деяний, входящих в его состав.

4. В различных эпизодах продолжаемого преступления соучастники могут выполнять несовпадающие роли, что не исключает юридической тождественности соответствующих деяний. В подобных случаях юридическая тождественность определяется не ролью соучастника, которая варьируется от эпизода к эпизоду, а тем, что все его преступные деяния направлены на совершение преступления, предусмотренного одной статьей Особенной части УК РФ.

5. Продолжаемое преступление всегда совершается одновременными противоправными деяниями, т.е. предполагает дискретность (прерывистость) преступного поведения. Допустимая продолжительность временных промежутков между деяниями, входящими в состав продолжаемого преступления, зависит от вида продолжаемого преступления, а также от обстоятельств конкретного дела. Поэтому временные параметры совершения тождественных деяний (их периодичность, продолжительность разрывов во времени) следует рассматривать лишь как один из многих объективных факторов, подтверждающих или, напротив, опровергающих их субъективную взаимосвязь. При этом прослеживается устойчивая закономерность, которая заключается в следующем: чем меньше разрыв во времени между тождественными деяниями, тем с большей вероятностью можно говорить о единстве умысла.

6. Обязательным признаком продолжаемого преступления является объективная взаимосвязь между входящими в его состав деяниями. Универсальным (т.е. характерным для всех продолжаемых преступлений) критерием такой взаимосвязи является единство объекта посягательства, а в качестве факультативных ее показателей могут выступать обстоятельства, относящиеся к предмету посягательства, потерпевшему от преступления, общественно опасным последствиям, способу, орудиям и средствам, обстановке совершения противоправных посягательств и др. При этом в правоприменительной практике взаимосвязь элементов продолжаемого преступления, как правило, констатируется на основании совокупности нескольких критериев, сочетание которых в каждом конкретном случае индивидуально.

1.3. Субъективные признаки продолжаемого преступления

Дуалистическая концепция продолжаемого преступления, которая прочно утвердилась в отечественной уголовно-правовой науке, предполагает, что единство продолжаемого преступления определяется объективными и субъективными факторами. Поэтому полноценное исследование продолжаемого преступления не может ограничиваться рассмотрением его объективных признаков. Не менее важен детальный анализ субъективных признаков продолжаемого преступления.

Приступая к нему, отметим, что высшая судебная инстанция на протяжении длительного времени последовательно придерживается позиции, согласно которой продолжаемое преступление может совершаться только умышленно. По крайней мере, к такому выводу приводят общее определение продолжаемого преступления, сформулированное в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, а также разъяснения Пленума относительно отдельных видов продолжаемых преступлений.

Эту позицию разделяет большинство представителей уголовно-правовой науки, а для опрошенных нами экспертов из числа правоприменителей мнение об исключительно умышленном характере продолжаемых преступлений является чуть ли не аксиоматичным (лишь 0,9 % респондентов допустили возможность его совершения как с умышленной, так и с неосторожной формой вины). Однако в теории уголовного права этот подход, пожалуй, нельзя считать общепризнанным. В науке представлена альтернативная точка зрения, в соответствии с которой продолжаемые преступления могут быть не только умышленными, но и неосторожными⁹¹.

⁹¹ См., например: Яковлев А.М. Совокупность преступлений. – М., 1960. – С. 25; Караев Т.Э. Повторность преступления. – М., 1983. – С. 82; Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005. – С. 303; Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. – С. 23; Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2014. – С. 32 и др.

Обосновывая эту точку зрения, А.М. Ораздурдыев указывает, что «для продолжаемого неосторожного преступления необходима единая виновная ошибка как условие объединения множества тождественных неосторожных актов в одно единичное преступное деяние. Чтобы совокупность поведенческих актов могла быть объединена в одно единое поведение и расценена в качестве единого продолжаемого преступления, необходимо в каждом конкретном случае установить то, что предварительная виновная ошибка предопределила всю совокупность неоднократных актов неосторожного продолжаемого преступления. Отсюда неосторожное продолжаемое преступление определяется как складывающееся из ряда неоднократных преступных актов, совершаемых лицом до фактического осознания им ошибочности выполняемых действий или избранных способов предотвращения общественно опасных последствий либо пресечения этой деятельности помимо воли виновного»⁹².

В том же ключе рассуждает и А.Ф. Залов: «В основе неосторожных продолжаемых преступлений – единая ошибка восприятия, которую можно охарактеризовать как определенное (общее) заблуждение, в результате которого виновный совершает многократные действия, каждое из которых влечет преступное последствие»⁹³.

К сожалению, конкретные примеры неосторожных продолжаемых преступлений, подтвержденные ссылками на судебные решения, сторонники рассматриваемой точки зрения, как правило, не приводят. В основном дело ограничивается лишь абстрактными умозаключениями о возможности совершения с неосторожной формой вины продолжаемых загрязнения вод (ст. 250 УК РФ), загрязнения атмосферы (ч. 2 и 3 ст. 251 УК РФ), халатности (ст. 293 УК РФ). Пожалуй, единственное судебное решение (правда, без ссылки на источник),

⁹² Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 9-10.

⁹³ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 14.

призванное продемонстрировать такую возможность, изложено в диссертации А.Ф. Залова.

Приговором Воронежского областного суда от 15 января 2001 г. А. осуждена по ч. 2 ст. 293 УК РФ.

А. признана виновной в том, что, являясь главным бухгалтером федерального органа исполнительной власти, самонадеянно полагаясь на добросовестность своего руководителя П., действовавшего с корыстным умыслом, позволила последнему в несколько приемов в течение одного месяца незаконно перечислить денежные средства сторонней организации за квартиру, приобретаемую им в собственность, не располагая необходимым в таких случаях письменным разрешением вышестоящего руководства. В результате халатных действий А. государству был причинен ущерб в размере 300 млн. неденоминированных рублей, который судом расценен как тяжкие последствия.

Комментируя это решение, А.Ф. Залов указывает следующее: «Действия А. были однотипны – заключались в подписании наряду с П. и по его указанию платежных поручений, совершены в течение небольшого промежутка времени и направлены к общему результату – получение права собственности на недвижимость – который, по заблуждению А., являлся производственной необходимостью. Совокупность указанных обстоятельств и позволила областному суду прийти к выводу о продолжаемом характере совершенного осужденной деяния»⁹⁴.

Обоснованность квалификации деяния, совершенного А., не вызывает сомнений, однако это вовсе не означает, что в этом случае имело место продолжаемое преступление. В приведенном примере халатность совершена посредством бездействия – неисполнения бухгалтером своих обязанностей по контролю первичных учетных документов (платежных поручений), а не путем «однотипных действий», как полагает А.Ф. Залов. Причем это бездействие яв-

⁹⁴ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 90.

ляется единым, растянутым во времени, тогда как для продолжаемого преступления характерно совершение нескольких дискретных противоправных актов. Поэтому о продолжаемом преступлении в этом случае говорить не приходится; фактически здесь имеет место простое единичное преступление (одно бездействие, причинившее крупный ущерб).

Не находит подтверждения и вывод о возможности неосторожного совершения продолжаемых экологических преступлений. Если причиненный по неосторожности вред (скажем, вред здоровью человека) явился следствием ряда тождественных действий (например, неоднократных выбросов в атмосферу загрязняющих веществ с нарушением установленных правил), то содеянное, действительно, следует квалифицировать как единичное преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 251 УК РФ. Однако, как справедливо отмечается в уголовно-правовой литературе, «от этого подобное неосторожное преступление не становится продолжаемым; более того, оно вообще не является сложным. Причинение по неосторожности одного общественно опасного последствия несколькими деяниями не порождает сходства с множественностью преступлений, поскольку отдельные акты, которыми совершено соответствующее неосторожное преступление, даже при их изолированном рассмотрении не образуют состава преступления. Для продолжаемого же преступления, напротив, характерно существенное сходство с множественностью, которое обусловлено именно тем, что входящие в него акты сами по себе вполне могут расцениваться как самостоятельное преступление (покушение на него)»⁹⁵.

Теоретически, конечно же, можно допустить ситуацию, когда каждое из тождественных неосторожных деяний содержит состав преступления. Например, водитель, управляющий автомобилем в состоянии алкогольного опьянения, совершил наезд на одного пешехода, причинив ему смерть, затем продолжил движение и через некоторое время сбил другого пешехода, что также по-

⁹⁵ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 63.

влекло его смерть. Однако и в этом случае для вывода о наличии признаков продолжаемого преступления нет достаточных оснований. Несмотря на тождественность деяний и непродолжительность временных разрывов между ними, объективная взаимосвязь совершенных деяний в рассматриваемой ситуации отсутствует, так как функционально эти действия не связаны. Не прослеживается здесь и субъективная связь совершенных деяний, поскольку водитель не осознает и не может осознавать их как единое целое, что исключает продолжаемый характер содеянного.

Тем не менее в рассматриваемой ситуации действия водителя, скорее всего, будут квалифицированы как единичное преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц). Начиная с 2008 г. судебная практика складывается таким образом, что для вменения квалифицирующего признака «совершение преступления в отношении двух или более лиц» не требуется субъективной связи посягательств⁹⁶. Но еще раз подчеркнем, что это единичное преступление нельзя считать продолжаемым; здесь имеет место другая разновидность сложных единичных преступлений – преступление с множественностью потерпевших⁹⁷.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что ***продолжаемое преступление может быть только умышленным, причем умысел возможен лишь***

⁹⁶ В абз. первом п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указывается, что «убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден». Аналогичное правило квалификации применяется и к другим преступлениям, в частности, преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности (п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»).

⁹⁷ См.: Капинус О.С., Ображиев К.В. Обстоятельства, исключаящие совокупность преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5. – С. 334-336.

прямой, так как продолжаемое преступление имеет исключительно целенаправленный характер.

Однако в уголовно-правовой литературе иногда допускается возможность совершения продолжаемого преступления с косвенным умыслом. В частности, Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков отмечают, что «требование наличия общей цели предполагает, что продолжаемое преступление может быть совершено только с прямым умыслом. Однако на каком основании мы отказываемся от признания возможности совершения продолжаемого преступления с косвенным умыслом? Убедительных причин для такого вывода никто не высказывает. А в действительности очень часто имеет место совершение нескольких преступлений с неопределенным умыслом относительно количества эпизодов, размера содеянного, времени, в течение которого будет продолжаться противоправная деятельность, и т.д.»⁹⁸.

Согласиться с процитированным мнением довольно сложно. Во-первых, неконкретизированный умысел вовсе не обязательно должен быть косвенным, что, кстати, признает и сама Н.И. Пряхина. В учебнике по уголовному праву, соавтором которого она является, справедливо указывается, что неопределенный умысел может быть как прямым, так и косвенным⁹⁹, тогда как определенный (конкретизированный) умысел – только прямым. Во-вторых, нужно учитывать, что волевой момент косвенного умысла выражается в нежелании общественно опасных последствий, тогда как продолжаемое преступление предполагает постановку преступной цели (с той или иной степенью конкретизации) и поэтапное ее достижение, а это характерно только для прямого умысла. В-третьих, следует отметить, что в продолжаемом преступлении умысел остается прямым даже в том случае, если он не конкретизирован. Так, например, совершая мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), виновное лицо

⁹⁸ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1. – С. 10.

⁹⁹ См.: Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб., 2006. – С. 476.

не имеет четкого представления о размере денежных средств, которые ему удастся похитить, о продолжительности преступных действий, но от этого умысел не становится косвенным. В рассматриваемом случае мошенник осознает общественную опасность своих действий, предвидит неизбежность наступления общественно опасных последствий и, безусловно, желает (не может не желать) причинить ущерб собственнику имущества (в данном случае – государству), что не оставляет сомнений в наличии у него прямого умысла.

В теории уголовного права отсутствует консенсус относительно *степени конкретизации умысла при совершении продолжаемого преступления*. Одни специалисты полагают, что продолжаемое преступление может быть совершено как с конкретизированным (определенным), так и с неконкретизированным (неопределенным) умыслом¹⁰⁰. Другие считают, что продолжаемое преступление совершается исключительно с определенным умыслом и с целью, которая «максимально конкретизирована по размеру, объему, количеству, массе и т.д. в сознании виновного». По их мнению, виновный, совершая продолжаемое преступление, «стремится именно к данной конкретной цели ... с прекращением преступной деятельности после этого»¹⁰¹. Отстаивая эту точку зрения, А.В. Корнеева категорично утверждает, что если у лица нет четкого представления о едином преступном результате, то умысел на совершение конкретного преступного эпизода всякий раз возникает самостоятельный. Стало быть, каждое деяние необходимо квалифицировать самостоятельно, если оно содержит

¹⁰⁰ См.: Вишнякова Н.В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2. – С. 16-19; Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 18; Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. – С. 126; Зинченко И.А. Субъективная сторона усложненных единичных преступлений и ее влияние на их квалификацию // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2015. – № 1(4). – С. 127-128; Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 411.

¹⁰¹ Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. – С. 55-56, 67; Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 77.

признаки самостоятельного состава преступления. Таким образом, если умысел виновного был неконкретизированным, совершенные им тождественные преступные деяния подлежат самостоятельной оценке и квалифицируются по совокупности¹⁰².

Особую актуальность и значимость этот теоретический спор приобретает применительно к продолжаемым хищениям. Сторонники первого подхода допускают возможность совершения продолжаемых хищений с неконкретизированным умыслом¹⁰³, полагая, что содержанием умысла виновного при продолжаемом хищении должна охватываться лишь общая установка «на хищение вообще, пока оно не будет пресечено»¹⁰⁴. Представители второго подхода, напротив, считают, что неотъемлемым признаком продолжаемого хищения является наличие единого умысла на изъятие имущества «в конкретно-определенных размерах»¹⁰⁵, нацеленность на завладение имуществом «вполне определенного размера, объема, стоимости»¹⁰⁶; что содержанием единого умысла «охватывается изъятие имущества определенной стоимости или изъятие строго определенной денежной суммы»¹⁰⁷.

Столь же противоречивая трактовка субъективной стороны продолжаемого хищения прослеживается и в практике высшей судебной инстанции. С одной стороны, в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транс-

¹⁰² См.: Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособ. – М.: Проспект, 2006. – С. 137.

¹⁰³ См.: Курс уголовного права в пяти томах. Том 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М.: Зерцало, 2002.

¹⁰⁴ Санталов А. И. Преступления против социалистической собственности. // Курс советского уголовного права. Часть особенная. – Л., 1973. – Т. 3. – С. 382.

¹⁰⁵ См.: Плохова В.И. О продолжаемых хищениях, совершаемых в форме присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением // Эффективность уголовного права на современном этапе. Вып. 54. – Свердловск, 1977. – С. 147.

¹⁰⁶ Кремнев К., Миненок М. Квалификация продолжаемых и повторных хищений // Советская юстиция. – 1990. – № 10. – С. 9.

¹⁰⁷ Фролов Е.А., Галиакбаров Р.Р. Множественность преступлений как институт советского уголовного права. – Свердловск, 1967. – С. 12.

порте»¹⁰⁸ (напомним, что это постановление действует до настоящего времени) разъясняется, что «продолжаемым хищением должно признаваться неоднократно незаконное безвозмездное изъятие имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, если указанные действия совершены при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у лица общей цели и *единого умысла на хищение определенного количества материальных ценностей*». Таким образом, Пленум недвусмысленно указывает, что продолжаемое хищение совершается лишь с конкретизированным умыслом.

Руководствуясь этим разъяснением, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «хищение имущества из одного источника и одним и тем же способом не может квалифицироваться как продолжаемое преступление при отсутствии данных о едином умысле на присвоение конкретной суммы». М., совершая хищения путем обмана и злоупотребления доверием, не имел умысла на хищение определенной суммы денежных средств, каждое мошенничество являлось самостоятельным эпизодом, поэтому его действия образуют неоднократно, а не продолжаемое преступление¹⁰⁹.

С другой стороны, в более позднем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указание на конкретизированный умысел в продолжаемом хищении уже отсутствует. Принимая во внимание известный принцип *lex posterior derogat priori* (лат. – «позднейшим законом отменяется более ранний»), подтвержденный Конституционным Судом Российской Федерации¹¹⁰, логично предположить, что высшая судебная инстанция дезавуирова-

¹⁰⁸ СПС «Консультант Плюс».

¹⁰⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2001 г. № 18-кпн01-62пр // СПС «Консультант Плюс».

¹¹⁰ В частности, он указал, что «по общему правилу, при расхождении норм действующего законодательства по одному и тому же вопросу применению подлежит норма, изданная позднее» (см.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2001 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Феде-

ла разъяснения, содержащиеся в п. 4 постановления Пленума от 23 декабря 1980 г. № 6. Об изменении позиции Пленума относительно степени конкретизации умысла при продолжаемом хищении косвенно свидетельствует и постановление от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», в котором содержится следующее разъяснение: «Как хищение чужого имущества в форме мошенничества надлежит оценивать действия, состоящие в получении социальных выплат и пособий, иных денежных выплат (например, предусмотренных законом компенсаций, страховых премий) или другого имущества путем представления в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать соответствующие решения, заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону, подзаконному акту и (или) договору является условием для получения соответствующих выплат или иного имущества (в частности, о личности получателя, инвалидности, наличии иждивенцев, участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства, наступлении страхового случая), а также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат» (п. 11). По смыслу этого разъяснения соответствующие действия следует квалифицировать как продолжаемое мошенничество, хотя в подобных случаях о конкретизированном умысле говорить не приходится (как правило, мошенник не имеет четкого представления ни о размере денежных средств, которые он похитит, ни о продолжительности хищения).

Подобная корректировка разъяснений Пленума относительно субъективной стороны продолжаемого хищения представляется нам полностью оправданной. Отсутствие конкретизированных представлений о количественных параметрах похищаемого по частям чужого имущества «не лишает содеянное содержательного, внутреннего единства, поскольку совершаемые виновным не-

рации от 27 сентября 2000 года № 1709 "О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант Плюс»).

однократные тождественные действия обладают как объективной, так и субъективной взаимосвязью, о которой свидетельствует их направленность на один объект уголовно-правовой охраны, однотипность способов их совершения, а также единство умысла»¹¹¹.

Однако следует констатировать, что далеко не все правоприменительные органы среагировали на изменение позиции высшей судебной инстанции. По крайней мере, в отдельных судебных решениях все еще прослеживается ограничительная трактовка продолжаемого преступления, согласно которой такое может совершаться исключительно с конкретизированным умыслом.

*Так, например, Верховный суд Чувашской Республики признал, что хищение имущества из одного источника и одним и тем же способом не может квалифицироваться как продолжаемое преступление при отсутствии данных о едином умысле на хищение конкретной суммы. П., совершая хищения путем обмана и злоупотребления доверием потерпевшего, не имел заранее умысел на хищение определенной суммы денежных средств, каждое мошенничество являлось самостоятельным эпизодом, поэтому его действия образуют совокупность преступлений, а не одно продолжаемое преступление*¹¹².

Кстати, подобные представления о субъективной стороне продолжаемого преступления распространены и среди значительной части (36,7 %) опрошенных нами экспертов¹¹³. Причем мнение о невозможности совершения продолжаемого хищения с неконкретизированным умыслом обосновывается ими со ссылкой на постановление Пленума от 23 декабря 1980 г. № 6, которое формально не отменено. Получается, что высшая судебная инстанция сама создает предпосылки для несовпадающих трактовок продолжаемого преступления и

¹¹¹ Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 54-55.

¹¹² Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 18 августа 2015 г. по делу № 22-1908/2015 // СПС «Консультант Плюс».

¹¹³ Вместе с тем среди практиков эта позиция не является доминирующей. Большинство из них (60,6 %) справедливо указывают, что продолжаемое преступление может быть совершено как с конкретизированным, так и с относительно-определенным умыслом.

противоречивой правоприменительной практики, что недопустимо¹¹⁴. Полагаем, что *в целях обеспечения единообразного правоприменения Пленуму Верховного Суда Российской Федерации следовало бы:*

– исключить подп. «а» п. 4 из постановления от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте»;

– разъяснить в п. 16 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что продолжаемое хищение может совершаться не только с конкретизированным, но и с относительно-определенным умыслом.

Применительно к продолжаемому преступлению, в котором виновный не имеет четкого представления о количественных параметрах цели совершаемых им тождественных деяний, говорить о «неконкретизированном» умысле не совсем точно. Как отмечается в уголовно-правовой литературе, в этом случае «квинтэссенцией» умысла «является формула "до тех пор, пока возможно": злоумышленник рассчитывает совершить столько дискретных актов, сколько позволит ему благоприятная в криминогенном смысле обстановка, стремясь при этом достичь максимально возможного эффекта своей неправомерной деятельности»¹¹⁵. Однако при этом продолжаемое преступление *все равно остается целенаправленным*. Например, продавец посредством манипуляции с ве-

¹¹⁴ Как неоднократно подчеркивалось Конституционным Судом Российской Федерации, противоречивая правоприменительная практика «ослабляет гарантии государственной защиты от произвольного уголовного преследования, осуждения и наказания» (см: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2892; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 294. – Ст. 3983).

¹¹⁵ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 18.

сами обманывает покупателей, преследуя цель завладеть чужим имуществом, но при этом точно не представляет, сколько ему удастся похитить, так как не знает, какой товар и в каком количестве они будут приобретать; лицо имеет цель мошенническим путем (на основании сфальсифицированных документов) ежемесячно получать социальные выплаты, но не имеет конкретного представления о размере денежных средств, которые получится похитить. А поскольку виновный ставит перед собой качественно определенную цель, то его умысел нельзя считать неконкретизированным. Точнее говорить о том, что умысел является *относительно-определенным*.

Следует подчеркнуть, что *в продолжаемом преступлении умысел (вне зависимости от степени его конкретизации) должен быть единым*; он имеет «"сквозной" характер, который связывает неоднократно совершаемые тождественные посягательства в одно целое»¹¹⁶. При этом его интеллектуальные и волевые составляющие приобретают специфические дополнительные характеристики. Специфика интеллектуального момента заключается в том, что виновный осознает невозможность или нецелесообразность достижения преступной цели посредством совершения одного преступного акта, предвидит возможность неоднократных посягательств на избранный им единый объект преступления. А волевой момент характеризуется тем, что виновный желает достигнуть этой цели поэтапно, посредством последовательного совершения тождественных деяний.

Отсутствие у виновного единого умысла исключает возможность квалификации противоправных тождественных деяний в качестве единого продолжаемого преступления, на что неоднократно обращала внимание высшая судебная инстанция.

Так, в кассационном производстве по делу П. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что

¹¹⁶ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 63.

совершенные П. преступления являются самостоятельными преступлениями, а не единым продолжаемым преступлением, как об этом ошибочно утверждает ее защитник.

Судом установлено, что умысел на совершение преступления у П. возникал каждый раз, когда к ней с предложением об очередном хищении денег обращалась Н.¹¹⁷.

Умысел следует признать единым, если он охватывает все неоднократные деяния, совершенные виновным, начиная от первого и заканчивая последним. Следовательно, умысел на совершение тождественных противоправных актов *должен возникнуть до момента окончания первого их них*; только при этом условии его можно считать единым. Если же после успешного окончания виновным одного преступления у него возникает умысел на совершение тождественного преступного деяния, то это новый умысел (умысел повторить). Иными словами, в этом случае имеет место не единый умысел, а два самостоятельных умысла, а стало быть, каждое деяние следует квалифицировать как самостоятельное преступление.

К сожалению, этот принципиальный момент не всегда учитывается в уголовно-правовой литературе. Так, Е.Н. Карабанова приводит следующий пример продолжаемого преступления: «Виновный совершил разбойное нападение на продавца магазина и похитил деньги из кассы... Выйдя на улицу, виновный решил вернуться, и, угрожая убийством, похитил у продавца ее личные ювелирные украшения. Такое хищение также должно рассматриваться как единое продолжаемое ... Эти эпизоды связаны не только единством времени, места и способа совершения преступления, но и единством дополнительного объекта преступного посягательства»¹¹⁸. С точки зрения объективных обстоятель-

¹¹⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2010 г. № 74-О10-29 // СПС «Консультант Плюс».

¹¹⁸ Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации продолжаемых хищений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента

ств описанные деяния, действительно, имеют существенное сходство с продолжаемым преступлением, однако субъективная связь между ними отсутствует. Умысел совершить повторное разбойное нападение возник у виновного после того, первый разбой был окончен (причем не только юридически, но и фактически), что исключает единство умысла – ключевой субъективный признак продолжаемого преступления.

Аналогичную неточность допускают Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков. Анализируя субъективные признаки продолжаемого преступления, они указывают, что единство умысла имеет место в следующих случаях: конкретизированный умысел на все деяния или на общий результат возникает до совершения первого деяния (классический единый умысел); изначально имеет место неопределенный умысел, но тем не менее предполагающий возможность совершения нескольких деяний; умысел на последующие действия появляется в процессе совершения предыдущего или с несущественным разрывом во времени¹¹⁹. Первые два проявления единого умысла не вызывают никаких возражений, чего нельзя сказать о третьем случае. Если умысел на совершение повторного преступного деяния возникает с разрывом во времени (пусть даже этот разрыв будет незначительным), то это новый умысел. Следовательно, каждое преступное деяние нужно квалифицировать самостоятельно.

Кстати, повторное тождественное преступление, совершенное после успешного окончания первого, вполне может быть продолжаемым. Например, А. путем сбора дикорастущей конопли приобрел 10 грамм марихуаны и сбыв наркотик знакомому наркопотребителю Б., который выразил готовность в дальнейшем регулярно приобретать у А. наркотики. После этого А. приобрел 1000 грамм марихуаны и стал сбывать ее А. по частям. В этом случае действия

Г.В. Ищука. – Рязань: прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – С. 25.

¹¹⁹ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1. – С. 10. Эту позицию чуть ли не дословно воспроизводит А.Ф. Залов (см.: Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 18).

А. следует квалифицировать как совокупность двух преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ, причем второе из них является продолжаемым, т.к. все последующие факты сбыта наркотических средств объединены единым умыслом.

Таким образом, *умысел можно признать единым:*

- если совершение нескольких тождественных противоправных деяний планировалось изначально (заранее обдуманый единый умысел);
- если решение совершить тождественное посягательство на тот же объект принято в процессе совершения противоправного деяния, но до его фактического окончания (внезапно возникший единый умысел).

Вторая ситуация характерна, в частности, для хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище, когда в процессе хищения виновный понимает, что не может вынести все ценное имущество за один раз, и принимает решение изымать его в несколько приемов. При этом умысел вернуться в жилище, помещение или иное хранилище для изъятия оставшегося имущества должен возникнуть в пределах объективной стороны деяния, которое сначала планировалось как единственное, но еще до своего окончания стало в соответствии с изменившимся замыслом посягателя первым актом продолжаемого преступления. Показательным в этом отношении является следующий пример.

Согласно показаниям Н., он в ходе первого проникновения в гараж потерпевшего В.Г.А. (в период времени с 10 по 15 декабря 2012 г.) изначально намеревался похитить все имущество потерпевшего, однако сделать этого не смог, забрав в первый раз лишь часть этого имущества, а в следующий раз (20 декабря 2012 г.) – завладел его оставшейся частью.

Судом первой инстанции указанные действия Н. были квалифицированы как совокупность преступлений, предусмотренных пп. "б", "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража из гаража В.Г.А. имущества на сумму 10500 рублей) и пп. "б", "в"

ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража из гаража В.Г.А. имущества на сумму 30000 рублей).

Президиум Нижегородского областного суда изменил приговор, указав, что в случае совершения лицом ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чуждого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом, содеянное следует квалифицировать как одно продолжаемое хищение¹²⁰.

Если же умысел на совершение тождественных деяний возникает всякий раз заново, т.е. после завершения предыдущего противоправного посягательства, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений.

Именно такую уголовно-правовую оценку получили действия осужденной, признанной виновной в совершении 21 мошенничества. Обосновывая совокупную квалификацию, Московский областной суд указал следующее.

Как видно из материалов уголовного дела, 21 эпизод мошенничества отделен друг от друга недельными и более продолжительными временными интервалами, в то время как осужденная для совершения подобных преступных действий применяла различные приемы, в том числе и те, которые свидетельствуют о спонтанно возникшем умысле на совершение очередного преступления.

Совокупность всех этих фактов дает суду апелляционной инстанции все основания не согласиться с доводами апелляционного представления о наличии в действиях осужденной одного продолжаемого преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ¹²¹.

В связи с отсутствием единого умысла на совершение тождественных преступных действий сходное решение было принято Президиумом Московского городского суда по делу К.

¹²⁰ Постановление Президиума Нижегородского областного суда от 7 мая 2014 г. // СПС «Консультант Плюс».

¹²¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 12 августа 2014 г. по делу № 22-4205 // СПС «Консультант Плюс».

Приговором Кунцевского районного суда г. Москвы от 6 августа 2013 г. К. осуждена за каждое из пяти преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ, к наказанию в виде 6 месяцев лишения свободы; по ч. 4 ст. 159 УК РФ – к 1 году лишения свободы.

В кассационной жалобе осужденная К., не оспаривая фактических обстоятельств содеянного, выражала несогласие с судебными решениями в части квалификации ее действий. Поскольку все вмененные ей эпизоды преступной деятельности охватывались единым умыслом соучастников, хищение осуществлялось из одного источника, материальный ущерб был причинен одному потерпевшему (Департаменту здравоохранения г. Москвы), К. настаивала на том, что ее действия должны быть квалифицированы как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Однако Президиум Московского городского суда не согласился с доводами, содержащимися в кассационной жалобе, указав, что действия К. правильно квалифицированы судом как совокупность преступлений. Из материалов дела усматривается, что умысел на хищение бюджетных денежных средств у соучастников возникал каждый раз самостоятельно, был связан с фиктивным трудоустройством разных людей, которые принимались на работу не одновременно, а со значительным временным интервалом, в том числе и в несколько лет. Судом объективно установлено, что преступная группа хотя и действовала по одной схеме и похищала денежные средства из одного источника, однако осуществляла это каждый раз при новых обстоятельствах, что исключает квалификацию их действий как единое продолжаемое преступление¹²².

Следует отметить, что единство умысла на совершение ряда тождественных противоправных деяний не исключает определенной динамики субъективных представлений о размере предмета продолжаемого преступного посяга-

¹²² Постановление Президиума Московского городского суда от 4 июля 2014 г. по делу № 44у-129/14 // СПС «Консультант Плюс».

тельства. Так, например, работник склада задумал в 3 приема похитить со склада цветной металл – 3 катушки медной проволоки. После того, как он похитил 2 катушки проволоки, на склад завезли еще одну катушку проволоки, которую он также решил похитить. В итоге он последовательно завладел 4 катушками проволоки, хотя изначально планировал похитить 3 катушки.

Представляется, что в этом случае нельзя говорить о возникновении нового умысла на хищение. Похититель не выходит за рамки первоначальных намерений на поэтапное хищение чужого имущества; меняются лишь количественные параметры поставленной преступной цели, причем до окончания запланированных действий. Таким образом, происходит определенная корректировка умысла, но тем не менее умысел не утрачивает изначального единства.

О новом умысле можно было говорить лишь в том случае, если бы 4 катушку проволоки завезли на склад после того, как виновный уже похитил 3 катушки. В этой ситуации после реализации единого умысла на совершение продолжаемого хищения возникает новый умысел на хищение, в связи с чем завладение 4-й катушкой проволоки следует квалифицировать как самостоятельное преступление.

Обязательным субъективным признаком продолжаемого преступления является *направленность всех дискретных тождественных актов к достижению единой цели*. Неоднократные противоправные акты расцениваются как единичное преступление именно потому, что все они подчинены единой цели. Совершая повторные деяния, виновный осознает каждое из них как шаг в направлении этой цели, воспринимает их в качестве этапа достижения запланированного им результата. В субъективном смысле эти деяния не имеют самостоятельного характера; их следует оценивать через призму единого целеполагания, общего замысла, с точки зрения которого каждое из совершенных деяний представляет собой элемент единого целого.

Как уже отмечалось, субъективные представления о количественных параметрах цели тождественных дискретных актов могут иметь различную сте-

пень конкретности. В одних случаях цель продолжаемого преступления является предельно четкой (например, сбыть по частям 300 грамм героина, похитить в несколько приемов 40 мешков цемента, находящихся на стройплощадке, и т.п.), что позволяет констатировать наличие конкретизированного умысла. В иных ситуациях цель продолжаемого преступления качественно определена, но ее количественные параметры осознаются не точно (например, совершать хищение до тех пор, пока это возможно), в связи с чем умысел признается относительно-определенным. Однако и в том, и в другом случае цель совершения тождественных деяний должна быть единой.

Единством отличается не только цель продолжаемого преступления, но и *мотив его совершения, который также должен быть единым*. Совершая тождественные противоправные посягательства, виновный тем самым удовлетворяет единую потребность, что является важнейшим показателем субъективной взаимосвязи дискретных актов. Продолжаемое преступление «характеризуется едиными предварительно осознанными источниками активности. Ими являются потребности и интересы, удовлетворение которых в ходе продолжаемого преступного поведения носит дискретный характер. Поскольку источником продолжаемого поведения субъекта является единая потребность (единый интерес), характеризующаяся устойчивостью на весь процесс совершения деяния, то к числу характерных признаков продолжаемого преступления следует отнести единый предварительно сформированный мотив поведения субъекта»¹²³.

Отмеченное обстоятельство значимо не только в теоретическом аспекте, но и в прикладном плане, так как в некоторых случаях именно мотив неоднократных тождественных деяний становится ключевым фактором разграничения продолжаемого преступления и совокупности преступных деяний.

¹²³ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 9.

Так, например, органами предварительного следствия рядовой Никитин обвинялся в том, что за отказ выполнить просьбу личного характера в помещении столовой части избил рядового Дериглазова, нанеся ему сначала несколько ударов ладонью по голове, а через 20 минут – еще один удар кулаком в грудь, после чего заставил потерпевшего отжиматься от пола. Эти его действия были квалифицированы по п. "а" ч. 2 ст. 335 УК РФ.

Переквалифицируя содеянное Никитиным на ч. 1 той же статьи, военный суд Спасск-Дальнего гарнизона в приговоре правильно указал, что насильственные действия, совершенные в отношении Дериглазова в течение непродолжительного времени, были объединены единством мотива, умысла и обусловлены одним и тем же поведением потерпевшего, вследствие чего носили характер единого продолжаемого преступления. Поэтому оснований для квалификации их как неоднократных нет¹²⁴.

В приведенном примере в основу вывода суд о субъективном единстве неоднократных насильственных действий был положен тот факт, что эти действия были детерминированы одним мотивом.

В то же время действия ефрейтора Бабкина, который в течение одних суток неоднократно избивал сослуживца рядового Коломейцева, не были признаны продолжаемыми. Учитывая, что насилие применялось каждый раз за различные упущения по службе, суд пришел к обоснованному выводу об отсутствии единого умысла¹²⁵.

В этом случае, несмотря на объективные обстоятельства, характерные для продолжаемого преступления (тождественность действий, незначительность временных разрывов между ними, причинение вреда одному потерпевшему), неоднократное применение насилия было расценено как множественность пре-

¹²⁴ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими // СПС «Консультант Плюс».

¹²⁵ Обзор судебной практики по делам о преступлениях против военной службы и некоторых должностных преступлениях, совершаемых военнослужащими // СПС «Консультант Плюс».

ступлений, поскольку различие побудительных причин, обусловивших насильственные действия, свидетельствовало об отсутствии единого умысла.

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что *субъективная взаимосвязь деяний, входящих в состав продолжаемого преступления, обеспечивается единством умысла, мотива и цели*. В этом плане продолжаемое преступление можно образно сравнить с бусами, которые состоят из множества отдельных бусинок, связанных единой нитью. В продолжаемом преступлении в качестве этой нити выступает «сплав» единого умысла, единой цели и единого мотива, который прочно связывает дискретные противоправные акты в неразрывное целое.

Однако, как известно, точно установить содержание умысла, четко определить мотив и цель преступления весьма непросто, поскольку психические процессы, связанные с преступлением, скрыты от объективного контроля, так как протекают в сознании и воле виновного. Доверять его показаниям относительно субъективных предпосылок преступления можно далеко не во всех случаях, поэтому субъекты квалификации вынуждены устанавливать внутреннюю взаимосвязь тождественных дискретных актов (единство умысла, мотива и цели) либо ее отсутствие на основании совокупности объективных обстоятельств.

Установлено, что Т., являясь директором общества с ограниченной ответственностью и имея умысел на незаконное получение кредита, 27 февраля, 6 и 19 апреля 2004 г. заключил соответствующие договоры с филиалом банка, представил при этом заведомо ложные сведения о хозяйственном положении и финансовом состоянии этого общества и получил денежные средства на общую сумму 10 млн. руб.

Действия Т. квалифицированы по ч. 1 ст. 176 УК РФ за преступление, совершенное 27 февраля 2004 г., по ч. 1 ст. 176 УК РФ за преступление, совершенное 6 апреля 2004 г., по ч. 1 ст. 176 УК РФ за преступление, совершенное 19 апреля 2004 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Фе-

дерации изменила приговор по следующим основаниям.

Квалифицируя действия осужденного как три самостоятельных преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 176 УК РФ, суд не принял во внимание установленные им же обстоятельства дела, согласно которым Т. обратился в банк с заявлением о предоставлении ему кредита в размере 15 млн. руб. Тот факт, что денежные средства были выданы ему частями и в меньшем размере, не может свидетельствовать о том, что умысел на незаконное получение кредитных денежных средств у Т. каждый раз возникал заново.

Действия Т. переквалифицированы с ч. 1 ст. 176 УК РФ как три самостоятельных преступления, совершенные 27 февраля 2004 г., 6 апреля 2004 г., 19 апреля 2004 г., на ч. 1 ст. 176 УК РФ как одно преступление¹²⁶.

В этом случае в основу вывода о единстве умысла были положены единая приговорительная деятельность к тождественным преступным актам, непродолжительность временных разрывов между ними, идентичность способов преступных действий.

Объективные обстоятельства содеянного могут свидетельствовать и об отсутствии единого умысла, что демонстрирует следующий пример.

Как следует из установленных судом фактических обстоятельств, М. трижды заключал кредитные договоры в разных банках, в том числе, в ЗАО "<...>" – для получения кредита на приобретение автомобиля марки "<...>", в ЗАО "<...>" – для получения потребительского кредита, в ЗАО КБ "<...>" – для получения кредита на приобретение автомобиля "<...>". Кроме того, при внесении заведомо ложных сведений в анкету заемщика при получении кредита в ЗАО "<...>" М., помимо ложных сведений о месте своей работы и размере дохода, указал также ложные сведения о наличии в его собственности квартиры.

¹²⁶ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 41-Д13-35 (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2014. – № 5).

При таких данных, учитывая наличие временного промежутка между преступлениями, причинение вреда различным организациям, расположенным отдельно друг от друга, получение в каждом случае реальной возможности использовать похищенное, каждое из совершенных хищений было обоснованно квалифицировано судом как отдельное оконченное преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 159.1 УК РФ¹²⁷.

В завершение отметим, что субъективная взаимосвязь неоднократных тождественных деяний является отнюдь не единственным признаком продолжаемого преступления. Как отмечалось в первом параграфе первой главы диссертации, отечественное уголовное право придерживается дуалистического (объективно-субъективного) подхода к продолжаемому преступлению, в соответствии с которым единство продолжаемого преступления определяется как субъективными, так и объективными показателями. Внешние признаки (единство объекта, предмета, потерпевшего, тождественность способа, единство причиненных последствий и др.) не только доказывают субъективное единство продолжаемого преступления, но и определяют объективные границы, в которых субъективно взаимосвязанные неоднократные деяния могут признаваться сложным единичным преступлением.

Так, если лицо совершило серию квартирных краж с единым умыслом и общей целью (например, отдать долг в размере 500 тыс. руб.), то, несмотря на субъективную связь преступных деяний, они не могут расцениваться как единая продолжаемая кража. Обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи является единство источника, из которого поэтапно изымается чужое имущество, а в этом случае изъятие чужого имущества осуществлялось из различных квартир.

¹²⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 5-АПУ15-104 // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, субъекты правоприменительной деятельности должны учитывать двойственную природу продолжаемого преступления, принимая во внимание взаимосвязь его субъективных и объективных признаков.

Исследование субъективных признаков продолжаемого преступления позволило сформулировать следующие основные выводы.

1. Продолжаемое преступление может быть только умышленным, причем умысел возможен лишь прямой. Продолжаемое преступление предполагает постановку преступной цели (с той или иной степенью конкретизации) и поэтапное ее достижение, а это характерно только для прямого умысла.

2. В зависимости от степени конкретизации умысла можно выделить две разновидности продолжаемых преступлений:

а) продолжаемые преступления с конкретизированным (определенным) умыслом. Для них характерно четкое, конкретное представление виновного о цели совершаемых им тождественных противоправных деяний и ее количественных параметрах. В частности, умысел является конкретизированным, когда виновный желает посредством дискретных актов причинить общественно опасные последствия определенного вида и размера, т.е. стремится к конкретному результату;

б) продолжаемые преступления с относительно-определенным умыслом. В этих преступлениях виновный, совершая тождественные противоправные акты, преследует единую цель, но не имеет детального представления о ее количественных параметрах; представляет результат совершаемых деяний, но недостаточно конкретно. В этом случае умысел нельзя считать «неконкретизированным», так как виновный ставит перед собой качественно определенную цель. Такой умысел предпочтительнее называть относительно-определенным.

3. В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики по делам о многоэпизодных хищениях представляется необходимым: исключить из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации

законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» разъяснение, в соответствии с которым продолжаемое хищение совершается лишь с конкретизированным умыслом; разъяснить в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что продолжаемое хищение может совершаться не только с конкретизированным, но и с относительно-определенным умыслом.

4. В продолжаемом преступлении умысел (вне зависимости от степени его конкретизации) должен быть единым – он охватывает все неоднократные деяния, совершенные виновным, начиная от первого и заканчивая последним. Умысел можно признать единым: если совершение нескольких тождественных противоправных деяний планировалось изначально (заранее обдуманый единый умысел); если решение совершить тождественное посягательство на тот же объект принято в процессе совершения противоправного деяния, но до его фактического окончания (внезапно возникший единый умысел).

5. Единство умысла на совершение ряда тождественных противоправных деяний не исключает определенной динамики субъективных представлений о размере предмета продолжаемого преступного посягательства. Если в сознании виновного до окончания запланированных действий меняются количественные параметры поставленной преступной цели (появляется желание похитить больше изначально запланированного, получить взятку в большем размере, чем было вначале оговорено с взяткодателем), то умысел не утрачивает изначально-го единства, хотя и претерпевает определенную корректировку.

6. Обязательным субъективным признаком продолжаемого преступления является направленность всех дискретных тождественных актов к достижению единой цели. Совершая повторные деяния, виновный осознает каждое из них как шаг в направлении этой цели, воспринимает их в качестве этапа достижения запланированного им результата. В субъективном смысле эти деяния не имеют самостоятельного характера; их следует оценивать через призму едино-

го целеполагания, общего замысла, с точки зрения которого каждое из совершенных деяний представляет собой элемент единого целого.

7. Важнейшим показателем субъективной взаимосвязи деяний, входящих в состав продолжаемого преступления, является единство мотива их совершения. Посредством ряда тождественных противоправных посягательств виновный удовлетворяет единую потребность, которая находится в основе формирования умысла на совершение продолжаемого преступления.

1.4. Проблемы нормативной регламентации продолжаемых преступлений¹²⁸

Интенсивная теоретическая разработка проблем продолжаемого преступления в европейской уголовно-правовой науке XIX в. придала импульс законодательной регламентации этого сложного единичного преступного деяния. Как отмечалось в первом параграфе первой главы диссертации, исторически первое законодательное определение продолжаемого преступления было закреплено в Уголовном кодексе Баварии 1813 г., разработчиком которого являлся А. Фейербах. В дальнейшем предписания о продолжаемом преступлении были включены в уголовное законодательство других немецких земель (Саксонский, Вюртембергский, Ганноверский, Брауншвейгский, Баденский уголовные кодексы¹²⁹), в УК Голландии 1981 г., УК Италии 1889 г.

Попытки нормативной регламентации продолжаемого преступления предпринимались и в отечественной законодательной практике второй половины XIX в., но они не увенчались успехом. При разработке проекта Уголовного уложения (принятого в 1903 г.) обсуждалась возможность включения в Общую часть нормы о продолжаемом преступлении. Однако, по свидетельству Н.С. Таганцева, «редакционная комиссия не внесла в проект постановления о продолжаемом преступлении, предоставив установление его практике. Сама комиссия признавала учинение нескольких действий в течение более или менее продолжительного срока времени, заключающих притом каждое полный состав преступного деяния, продолжаемым преступлением, как скоро эти действия объ-

¹²⁸ Результаты соответствующего раздела диссертационного исследования отражены в следующей публикации: Кулагин, А.Н. Перспективы нормативной регламентации продолжаемых преступлений [Текст] / А.Н. Кулагин // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. / редкол.: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – Т. II. – С. 202-207.

¹²⁹ Примечательно, что при этом в федеративном уголовном законодательстве Германии (УК ФРГ 1871 г.) упоминания о продолжаемом преступлении отсутствовали.

единялись одним общим намерением и являлись как бы продолжением той же преступной деятельности»¹³⁰.

Аналогичный подход демонстрирует и современный российский законодатель, который предпочел не включать в УК РФ 1996 г. норму о продолжаемом преступлении (она содержалась в официальном проекте УК РФ 1992 г.), отдав этот вопрос на откуп правоприменительной практике.

Надо признать, что в этом отношении российское уголовное законодательство следует в русле общемировых тенденций, поскольку уголовные законы большинства стран не регламентируют определение продолжаемого преступления и его признаки. Законодательная регламентация продолжаемого преступления характерна для сравнительно небольшой группы стран, в которую, в частности, входят Голландия, Грузия, Казахстан, Молдавия, Польша, Словения, Таджикистан, Украина, Хорватия.

Сразу же стоит оговорить, что в рамках настоящего параграфа мы не будем вдаваться в детальный анализ зарубежных подходов к законодательному определению продолжаемого преступления. Наша основная задача состоит не в сравнении достоинств и недостатков существующих в зарубежном законодательстве нормативных конструкций, а в том, чтобы получить ответ на принципиальный вопрос о целесообразности законодательной регламентации продолжаемого преступления как таковой (нужна она, или в ней нет необходимости).

Приступая к поиску ответа на поставленный вопрос, отметим, что предложения о регламентации продолжаемого преступления в уголовном законодательстве неоднократно высказывались в отечественной юридической литературе советского¹³¹ и постсоветского¹³² периода. Тем не менее они так и не получили практической реализации.

¹³⁰ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. – СПб., 1902. – С. 1284.

¹³¹ См.: Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань, 1982. – С. 137; Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 10.

Разумеется, это не означает, что субъекты правоприменительной деятельности полностью лишены нормативных ориентиров в плане понимания продолжаемого преступления. В качестве таковых длительное время (начиная с 1929 г.) выступают разъяснения высшей судебной инстанции – постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям», в котором содержится общее определение продолжаемого преступления, а также постановления Пленума по отдельным категориям уголовных дел, где отражаются специфические признаки разновидностей продолжаемых преступлений.

Не углубляясь в давний теоретический спор относительно юридической природы постановлений Пленума, отметим, что в настоящее время уголовно-правовая наука склоняется к тому, чтобы признать их нормативный характер¹³³. Представляется, что для этого есть не только теоретические, но и правовые основания. По крайней мере, такой вывод следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П¹³⁴. В нем Конституционный Суд Российской Федерации на основании сформулированных им

¹³² См.: Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 6; Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1. – С. 9; Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 70; Досаева Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 114.

¹³³ См., например: Наумов А.В. О судебном толковании уголовного закона (в связи с юридической природой постановлений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовная ответственность и проблемы исполнения наказаний: сб. науч. тр. / [отв. за вып. В.С. Минская]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2009; Ображиев К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. – 2008. – № 4; Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права // Общество и право. – 2014. – № 4; Яцеленко Б.В. Судебный прецедент в системе российского уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 6.

¹³⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества "Газпром нефть"» // Российская газета. 2015, 13 апреля.

критериев нормативности правовых актов пришел к выводу, что письма Федеральной налоговой службы «опосредованно, через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов, приобретают, по сути, обязательный характер и для неопределенного круга налогоплательщиков». При этом Конституционный Суд отметил, что в основе решения вопроса о возможности признания писем Федеральной налоговой службы нормативными правовыми актами «должно лежать наличие у этого акта нормативных свойств (оказывает ли он общерегулирующее воздействие на общественные отношения, содержатся ли в нем предписания о правах и обязанностях персонально не определенного круга лиц – участников соответствующих правоотношений, рассчитан ли он на многократное применение)». С учетом процитированной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации «следует однозначно признать, что постановления Пленума обладают всеми нормативными свойствами»¹³⁵.

Таким образом, в контексте рассматриваемого вопроса специфика российского уголовного права заключается в том, что общие и особенные признаки продолжаемого преступления регламентированы на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. И хотя при этом никаких упоминаний о продолжаемом преступлении УК РФ не содержит, говорить о том, что в этом плане наблюдается «правовой вакуум», не приходится.

Вместе с тем большинство опрошенных экспертов (70,8 %) признают подобную нормативную регламентацию недостаточной, полагая, что определение продолжаемого преступления необходимо закрепить в УК РФ. По всей видимости, с этим мнением следует согласиться.

Во-первых, постановления Пленума, по идее, предназначены для конкретизации положений уголовного закона («первичных» уголовно-правовых предписаний), их подзаконного развития. Как справедливо отмечается в науке, «по-

¹³⁵ Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева, докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 80.

средством постановлений Пленума Верховного Суда осуществлялась и продолжает осуществляться подзаконная конкретизация уголовного закона ... Причем для уголовного права этот механизм нормативной конкретизации приобретает особое значение, так как иные возможности подзаконного уголовно-правового регулирования фактически отсутствуют»¹³⁶. Иными словами, постановления Пленума должны иметь исключительно подзаконный характер. Вторжение их в зону «первичного» уголовно-правового регулирования, как это происходит в случае с регламентацией продолжаемого преступления, недопустимо, поскольку это исключительная прерогатива кодифицированного уголовного закона.

Во-вторых, включение в УК РФ нормы, регламентирующей определение продолжаемого преступления и критерии его отграничения от совокупности преступных деяний, будет иметь важное правоприменительное значение. Учитывая взаимосвязанные предписания ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, субъекты правоприменительной деятельности в первую очередь ориентируются на предписания уголовного закона. Правовые позиции, сформулированные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, учитываются лишь во вторую очередь, да и то далеко не во всех случаях. Среди сотрудников правоохранительных органов, применяющих уголовный закон, полностью не изжиты упрощенные нормативистские представления, свойственные советскому праву, в соответствии с которыми единственным источником уголовного права является УК РФ, а значит, деяния и обстоятельства, в нем не регламентированные, не имеют юридического значения¹³⁷. В этих условиях регламентация продолжаемого преступления на уровне УК РФ приобретает особую важность.

¹³⁶ Ображиев К.В. Предпосылки образования системы формальных источников российского уголовного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4. – С. 60.

¹³⁷ Справедливости ради отметим, что категоричный нормативизм проявлялся и у отдельных дореволюционных ученых. Так, например, П.П. Пусторослев полагал, что продолжаемое преступление – это лишь «особый вид реального стечения уголовных правонарушений», т.е. фактически отрицал его единичный характер на том лишь основании, что продолжаемое преступление не регламентировано уголовным законодательством. «Большинство действу-

Следует отметить, что среди сторонников законодательной регламентации продолжаемого преступления отсутствует консенсус относительно того, к какому институту уголовного права должны относиться соответствующие нормативные предписания, в какой главе УК РФ их следует зафиксировать. По мнению В.П. Малкова, норму о продолжаемом преступлении целесообразно отнести к институту множественности преступлений, который «должен включать нормы, в которых бы давалось определение различных видов множественности и пограничных с ней единичных сложных преступлений»¹³⁸. Иной точки зрения придерживается Г.С. Досаева: «Отечественное уголовное законодательство целесообразно дополнить предписаниями о видах единичного преступления. Однако представляется, что при всей их значимости для совершенствования практики отграничения единичного посягательства от множественности, включать их в содержание исследуемого правового института вряд ли возможно». В обоснование этой позиции она указывает, что «предмет регулирования уголовно-правового института множественности составляют отношения, возникающие в связи с фактом совершения нескольких преступлений. Предписания же о видах единичного преступления регулируют качественно иную разновидность общественных отношений. По предмету регулирования и сути они гораздо ближе к институту понятия и категоризации преступлений, в рамках которого и должны фиксироваться, образуя собой субинститут сложного пре-

ющих культурных уголовных законодательств, как, например, английское, бельгийское, венгерское, германское, голландское, невшатальское, норвежское, нью-йоркское, русское, французское, совершенно не устанавливают понятия о продолжаемом уголовном правонарушении как едином преступном деянии, но признают стечение уголовных правонарушений. Принимая во внимание необходимость добросовестного соблюдения предписаний уголовного закона уголовными судами, я думаю, что уголовный суд должен проводить взгляд своего действующего уголовного закона и на тот спорный ряд явлений, который признается одними за одно сложное уголовное правонарушение, известное под именем продолжаемого преступления, а другими – за реальное стечение нескольких уголовных правонарушений одного и того же вида» (см.: Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Выпуск I. 2-е исправленное издание. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912. – С. 411-412).

¹³⁸ Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань, 1982. – С. 137. Аналогичного мнения придерживаются и иные авторы (см., например: Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 6).

ступления. Эти предписания в структуре отрасли уголовного права должны представлять собой своего рода "мостик", точки "входа и выхода", обеспечивающие системные взаимосвязи одного института (множественности) с другим (преступления)»¹³⁹.

В этом споре более предпочтительным представляется мнение В.П. Малкова. Дело в том, что в правоприменительной практике вопрос о продолжаемом преступлении (равно как и об иных сложных единичных преступлениях), как правило, возникает в тех случаях, когда необходимо разграничить его множественностью преступных деяний. «Именно потребность в разграничении сложных единичных преступлений от множественности преступных деяний и находится в основе непрекращающегося интереса к сложным преступлениям, именно она определяет теоретическую и прикладную значимость соответствующих исследований»¹⁴⁰. Законодательное определение продолжаемого преступления (равно как и иных сложных единичных преступных деяний) необходимо в первую очередь для того, чтобы решить, имеются ли в содеянном признаки множественности преступных деяний или же имеет место одно преступление. Иными словами, нормативные предписания о сложных единичных преступлениях должны выполнять функцию «негативного» признака, исключающего наличие множественности преступных деяний.

Именно такой подход реализован в новом УК Республики Казахстан 2014 г.¹⁴¹, в котором продолжаемое преступление рассматривается как обстоятельство, исключающее неоднократность уголовных правонарушений. Согласно ч. 1 ст. 12 УК Республики Казахстан «неоднократностью уголовных правонарушений признается совершение двух или более деяний, предусмотренных одной и той же статьей или частью статьи Особенной части настоящего Кодекса». При этом в ч. 3 ст. 12 УК Республики Казахстан подчеркивается, что «не

¹³⁹ Досаева Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 115.

¹⁴⁰ Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 28.

¹⁴¹ URL: <http://normativ.kz/view/111389/> (дата обращения: 07.12.2016).

признается неоднократным продолжаемое уголовное правонарушение, то есть уголовное правонарушение, состоящее из ряда одинаковых противоправных деяний, которые охватываются едиными умыслом и целью и образуют в целом одно уголовное правонарушение».

Аналогичный подход использован и в УК Украины 2001 г.¹⁴², где предписания о продолжаемом преступлении включены в ст. 32 «Повторность преступлений». В соответствии с ч. 1 ст. 32 УК Украины «повторностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, предусмотренных той же статьей или частью статьи Особенной части настоящего Кодекса», а согласно ч. 2 ст. 32 «повторность, предусмотренная частью первой настоящей статьи, отсутствует при совершении продолжаемого преступления, состоящего из двух или более тождественных деяний, объединенных единым преступным умыслом».

Сходным образом (в ст. 19 «Повторность преступлений») осуществлена регламентация продолжаемого преступления в УК Республики Таджикистан 1998 г.¹⁴³. Часть 1 ст. 19 УК Республики Таджикистан содержит определение повторности, а ч. 5 ст. 19 конкретизирует, что «не признается повторным преступление, состоящее из ряда тождественных преступных деяний, охватываемых общим умыслом и направленными к единой цели и составляющих в совокупности одно продолжаемое преступление».

Представляется, что этот зарубежный опыт должен быть востребован и российским законодателем. Причем заимствовать соответствующие законодательные подходы следует творчески, с учетом того, что помимо продолжаемых преступлений существуют и иные виды сложных единичных преступлений, которые следует отграничивать от множественности преступных деяний¹⁴⁴. Сле-

¹⁴² URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2341-14> (дата обращения: 07.12.2016).

¹⁴³ URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 07.12.2016).

¹⁴⁴ В уголовно-правовой литературе представлено множество различных вариантов классификации сложных единичных преступлений. Наиболее обоснованной нам представляется классификация, предложенная К.В. Ображиевым и Д.С. Чикиным. В основу классификации сложных единичных преступлений ими положено различие в их законодательном отраже-

довательно, в институт множественности преступлений целесообразно включить законодательные предписания, регламентирующие все разновидности сложных единичных преступлений, сформулировав эти предписания в негативном виде.

Соответствующую уголовно-правовую норму предлагается изложить в следующем виде:

«Статья ... Продолжаемое преступление

Не признается множественностью преступлений продолжаемое преступление, то есть взаимосвязанные юридически и (или) фактически тождественные противоправные деяния, направленные на достижение общей цели и совершенные с единым конкретизированным или относительно-определенным умыслом, возникшим до фактического окончания первого противоправного деяния.»

При этом сам институт множественности давно пора обособить в отдельной главе УК РФ, как это сделано в уголовном законодательстве Беларуси¹⁴⁵, Украины, Узбекистана¹⁴⁶.

Настаивая на первичной нормативной регламентации продолжаемого преступления (вместе с иными сложными единичными преступлениями) в уголовном законе, мы ни в коем случае не отрицаем необходимости конкретизации его признаков в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Дело в том, что в УК РФ могут быть регламентированы лишь общие

нии, с учетом которого предлагается выделять: 1) единичные преступления со сложными характеристиками, не зависящими от конструкции состава преступления (к ним отнесены продолжаемое преступление; длящееся преступление; преступление, переросшее из другого преступления; преступление с множественностью потерпевших, не предусмотренное сложным составом); 2) единичные преступления со сложными составами (к ним относятся преступление с альтернативными признаками состава; составное преступление; преступление, состав которого предусматривает повторные действия) (см.: Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 29-38).

¹⁴⁵ Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1 (дата обращения: 08.12.2016).

¹⁴⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1995 г. URL: http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457 (дата обращения: 08.12.2016).

(универсальные) признаки, которые характерны для всех продолжаемых преступлений¹⁴⁷, а значит, законодательное определение продолжаемого преступления (в случае появления такового) неизбежно будет обладать высоким уровнем абстракции. Что же касается частных (специфических) признаков, характерных для отдельных видов продолжаемых преступлений, то эти признаки логичнее регламентировать на подзаконном уровне – в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые как раз и предназначены для того, чтобы адаптировать абстрактные предписания уголовного закона для применения к конкретным жизненным обстоятельствам.

Руководствуясь этим подходом, в постановлениях по отдельным категориям дел Пленум Верховного Суда Российской Федерации развивает общее определение продолжаемого преступления, дополняя его частными признаками, которые отражают специфику конкретных разновидностей рассматриваемого сложного единичного преступления. В частности, в постановлениях Пленума конкретизируется, что:

– признаком продолжаемого хищения является неоднократное изъятие чужого имущества «из одного и того же источника» (п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»);

– преступления, предусмотренные ст. 131 или 132 УК РФ, признаются продолжаемыми, если несколько объединенных единым умыслом изнасилований либо несколько насильственных действий сексуального характера были совершены «в течение непродолжительного времени в отношении одного и того же потерпевшего лица» (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Рос-

¹⁴⁷ Обращая внимание на это обстоятельство, Н.И. Прягина и В.Ф. Щепельков отмечают, что «вопрос о законодательном закреплении критериев отграничения продолжаемого преступления от совокупности преступлений может быть решен только относительно общих признаков явления и только в том случае, если эти признаки будут в известной степени приемлемыми для употребления их в законе» (см.: Прягина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалист. – 2011. – № 1. – С. 9).

сийской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»);

– преступления, предусмотренные ст. 204, 290 и 291 УК РФ, признаются продолжаемыми, если взятка или незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе передаются и получают в несколько приемов от одного и того же лица либо «когда взятка или незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе получены или переданы от нескольких лиц, но за совершение одного действия (акта бездействия) в общих интересах этих лиц» (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»);

– в тех случаях, когда лицом совершены две и более финансовые операции или сделки с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными в результате совершения одного или нескольких основных преступлений, и обстоятельства их совершения свидетельствуют о едином умысле виновного на совершение указанных тождественных действий, содеянное следует рассматривать как единое продолжаемое преступление, подлежащее квалификации по соответствующим частям ст. 174 или ст. 174.1 УК РФ (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»);

– не образуют совокупности преступлений неоднократные требования под указанной в ч. 1 ст. 163 УК РФ угрозой, обращенные к одному или нескольким лицам, если эти требования объединены единым умыслом и направлены на завладение одним и тем же имуществом или правом на имущество либо на получение материальной выгоды от совершения одного и того же действия имущественного характера. Как единое преступление следует квалифи-

цировать и требование, направленное на периодическую передачу потерпевшим имущества (например, ежемесячную передачу определенной денежной суммы) (п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»).

Таким образом, *нормативная регламентация продолжаемого преступления должна быть многоуровневой. Первичные уголовно-правовые предписания, регламентирующие общие (универсальные) признаки продолжаемого преступления и правила его отграничения от совокупности преступных деяний, необходимо включить в УК РФ (в обособленную главу о множественности преступлений), а специфику отдельных разновидностей продолжаемых преступлений – отразить в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.* Взаимодействие двух уровней правовой регламентации позволит, с одной стороны, добиться реализации уголовно-правового принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), а с другой стороны, обеспечить субъектов правоприменительной деятельности конкретизирующими предписаниями, необходимыми для квалификации различных видов продолжаемого преступления.

Еще раз подчеркнем, что с прикладной точки зрения нормативная регламентация продолжаемого преступления (равно как и иных разновидностей сложных единичных преступлений) нужна для того, чтобы акцентировать внимание субъектов правоприменительной деятельности на необходимость его отграничения от совокупности преступных деяний, дать практикам критерии такого отграничения. Однако в теории уголовного права существуют и более широкие представления о целях законодательного определения продолжаемого преступления. В частности, Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков полагают, что «вопрос о законодательном закреплении понятия продолжаемого преступления, по-видимому, должен преследовать и еще одну немаловажную цель. В законе должна быть отражена логически приемлемая и обоснованная концепция дифференциации ответственности для лиц, совершающих несколько юридически

тождественных деяний, в зависимости от того, образуют последние продолжаемое преступление или нет. Другими словами, законодатель должен определиться, что опаснее при прочих равных условиях: совокупность преступлений или продолжаемое преступление, и в каком случае должна наступать более суровая ответственность? И после этого необходимо соответствующим образом выстраивать санкции уголовно-правовых норм и конструировать правила назначения наказания по совокупности преступлений». Развивая эту идею, авторы указывают, что «поскольку продолжаемое преступление являет собой в известной мере систему действий, то ответственность за продолжаемое преступление должна быть не менее строгой по сравнению с ответственностью за совокупность преступлений»¹⁴⁸. Говоря иными словами, Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков предлагают назначать наказание за продолжаемое преступление по правилам ст. 69 УК РФ, с чем согласиться вряд ли возможно.

Во-первых, это предложение искажает сущность продолжаемого преступления, которое при всем его внешнем сходстве с совокупностью все же представляет собой единичное преступление. Следовательно, уравнивать уголовно-правовые последствия продолжаемого преступления и совокупности преступных деяний методологически неверно.

Во-вторых, реализация идей Н.И. Пряхиной и В.Ф. Щепелькова фактически приведет к отказу от конструкции продолжаемого преступления. Если назначать наказание за продолжаемое преступление по правилам ст. 69 УК РФ, то практический смысл его отграничения от совокупности преступных деяний полностью утрачивается.

В-третьих, утверждения о повышенной общественной опасности продолжаемого преступления, которые основаны на том, что оно «являет собой в известной мере систему действий», представляются излишне категоричными. Думается, что абстрактные рассуждения о сравнительной общественной опас-

¹⁴⁸ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1. – С. 11.

ности продолжаемого преступления и одноактового преступного деяния того же вида, не связанные с анализом конкретных обстоятельств их совершения, не имеют под собой оснований. Оценка общественной опасности простых и сложных единичных преступлений должна проводиться применительно к условиям совершения конкретных деяний, причем не исключено, что в действительности с учетом обстоятельств дела бóльшую опасность будет представлять одноактовое преступление.

Принимая во внимание вышеизложенное, можно заключить, что установление в УК РФ повышенного наказания за продолжаемое преступление, сопоставимого с наказанием за совокупность преступлений, нецелесообразно (отрадно, что это мнение разделяет 79,6 % опрошенных экспертов). Напротив, уголовное законодательство и конкретизирующие его постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации должны последовательно подчеркивать, что продолжаемое преступление и совокупность преступных деяний – это различные юридические факты, порождающие несовпадающие уголовно-правовые последствия.

В контексте исследуемой проблематики заслуживает рассмотрения непростой вопрос о целесообразности законодательной регламентации отдельных видов продолжаемого преступления в Особенной части УК РФ. В частности, этот вопрос закономерно возникает применительно к ст. 117 УК РФ, предусматривающей ответственность за истязание.

Как известно, одним из альтернативных признаков истязания является систематическое нанесение побоев, которое в уголовно-правовой науке принято характеризовать теми же признаками, что и продолжаемое преступление. «Систематичность нанесения побоев в составе преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ, характеризуется не только совершением указанных деяний три или более раза (количественный критерий), но и их взаимосвязью, внутренним единством, при котором многократное повторение побоев образует определенную линию поведения виновного в отношении одного и того же по-

терпевшего (качественный критерий)»¹⁴⁹. На этом основании многие специалисты считают истязание, совершаемое путем систематического нанесения побоев, разновидностью продолжаемого преступления¹⁵⁰.

С одной стороны, для этого есть все необходимые предпосылки, так как систематическое нанесение побоев, объединенное единым умыслом, полностью укладывается в рамки продолжаемого преступления. Но, с другой стороны, при наличии признаков продолжаемого преступного деяния трехкратное совершение насильственных действий, причинивших физическую боль, по идее, должно быть квалифицировано как единичное преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ, т.е. как продолжаемые побои. Однако в силу прямого указания уголовного закона систематическое нанесение побоев квалифицируется не как продолжаемые побои, а как более тяжкое преступление – истязание (ч. 1 ст. 117 УК РФ).

Обоснованность и логичность этой законодательной конструкции вызывают серьезные сомнения. Сущность уголовно-правового феномена продолжаемого преступления заключается в том, что он объединяет в единое целое тож-

¹⁴⁹ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 160. См. также: Бузынова С.П. Множественность преступлений и её виды. – М., 1988. – С. 34; Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – С. 97; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – С. 121. Основа для такого толкования систематичности нанесения побоев была заложена в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. № 4 «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» (в настоящее время утратило силу). В п. 14 указанного постановления разъяснялось, что «в отличие от преступления, предусмотренного ст. 112 УК РСФСР, истязание состоит в умышленном систематическом (более двух раз) нанесении потерпевшему побоев либо совершении иных насильственных действий, характер которых свидетельствует об умысле лица на причинение потерпевшему особой мучительной боли или страданий».

¹⁵⁰ См., например: Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006. – С. 149; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2005. – С. 347; Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002. – С. 514; Курс уголовного права: в 4-х т. Т. 2: Общая часть. Учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.А. Кириллова и д-ра юрид. наук, проф. В.И. Омигова. – Чебоксары – Пермь: ЧКИ РУК, 2015. – С. 116.

дественные противоправные посягательства, имеющие субъективную взаимосвязь. Причем «содеянное в целом признается единичным преступлением... того же вида, к которому принадлежат неоднократно совершенные тождественные деяния»¹⁵¹. Так, продолжаемая растрата квалифицируется по ст. 160 УК РФ, продолжаемое изнасилование – по ст. 131 УК РФ, продолжаемый сбыт наркотических средств – по ст. 228.1 УК РФ.

При этом накопление общественной опасности, происходящее по мере совершения новых противоправных актов, входящих в состав продолжаемого преступления, учитывается в рамках одной и той же статьи УК РФ. Например, при совершении продолжаемой кражи с неконкретизированной целью виновный за один раз изымает со склада имущество стоимостью 60 тыс. руб. После совершения первого деяния содеянное образует признаки состава кражи с незаконным проникновением в хранилище (п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ). После совершения пятого акта изъятия, когда размер похищенного составит 300 тыс. руб., виновному нужно вменять кражу в крупном размере (п. «в» ч. 3 ст. 158 УК РФ), но в любом случае продолжаемая кража остается кражей. Если же статья Особенной части УК РФ не предусматривает квалифицирующих признаков, которые способны отразить постепенное накопление общественной опасности продолжаемого преступления, таковая (общественная опасность) учитывается при назначении наказания в рамках санкции той же самой статьи. Так, в случае совершения продолжаемого изнасилования, когда несколько объединенных единым умыслом насильственных половых актов с потерпевшей были совершены в течение непродолжительного времени, повышенная общественная опасность преступления принимается во внимание в процессе индивидуализации наказания.

В таком случае и продолжаемые побои, совершенные три и более раз, не должны по произвольному «велению» законодателя «превращаться» в истяза-

¹⁵¹ Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 158.

ние. Это противоречит общепризнанным постулатам учения о продолжаемом преступлении, в соответствии с которым «даже многократное повторение тождественных преступных деяний не способно изменить вид продолжаемого преступления»¹⁵². Поэтому законодателю следует отказаться от волюнтаристских попыток нормативной трансформации продолжаемого преступления одного вида в другое, более тяжкое преступление. Важным шагом в этом направлении должно стать исключение из диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ указания на систематическое нанесение побоев.

Завершая исследование проблем нормативной регламентации продолжаемого преступления, акцентируем внимание на следующих основных предложениях и выводах.

1. Несмотря на отсутствие законодательного определения продолжаемого преступления в УК РФ (равно как и в предыдущих кодифицированных уголовных законах дореволюционного и советского периодов), субъекты правоприменительной деятельности не лишены нормативных ориентиров (пусть и недостаточно четких) в плане понимания признаков этого сложного единичного преступления. В качестве таковых длительное время (начиная с 1929 г.) выступают разъяснения высшей судебной инстанции – постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям», в котором содержится общее определение продолжаемого преступления, а также постановления Пленума по отдельным категориям уголовных дел, где отражаются специфические признаки частных разновидностей продолжаемых преступлений.

2. Подобная нормативная регламентация продолжаемого преступления является недостаточной. Во-первых, постановления Пленума, по идее, предназначены для конкретизации положений уголовного закона («первичных» уголовно-правовых предписаний), их подзаконного развития. Вторжение их в зону

¹⁵² Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 140.

«первичного» уголовно-правового регулирования, как это происходит в случае с регламентацией продолжаемого преступления, недопустимо, поскольку это исключительная прерогатива кодифицированного уголовного закона. Во-вторых, включение в УК РФ нормы, регламентирующей определение продолжаемого преступления и критерии его отграничения от совокупности преступных деяний, будет иметь важное правоприменительное значение. Учитывая взаимосвязанные предписания ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 УК РФ, субъекты правоприменительной деятельности в первую очередь ориентируются на предписания уголовного закона. В этих условиях регламентация продолжаемого преступления на уровне УК РФ приобретает особую важность.

3. Законодательное определение продолжаемого преступления (равно как и иных сложных единичных преступных деяний) необходимо прежде всего для того, чтобы решить, имеются ли в содеянном признаки множественности преступных деяний или же имеет место одно преступление. Иными словами, нормативные предписания о сложных единичных преступлениях должны выполнять функцию «негативного» признака, исключающего наличие множественности преступных деяний. Следовательно, законодательные предписания, регламентирующие все разновидности сложных единичных преступлений, целесообразно включить в институт множественности преступлений, обособив его в отдельной главе УК РФ.

4. Нормативная регламентация продолжаемого преступления должна быть многоуровневой. Первичные уголовно-правовые предписания, регламентирующие общие (универсальные) признаки продолжаемого преступления и правила его отграничения от совокупности преступных деяний, должны быть предусмотрены в УК РФ (в обособленной главе о множественности преступлений), а специфика отдельных разновидностей продолжаемых преступлений – отражена в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Взаимодействие двух уровней (законного и подзаконного) правовой регламентации позволит, с одной стороны, добиться реализации уголовно-правового

принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), а с другой стороны, обеспечить субъектов правоприменительной деятельности конкретизирующими предписаниями, необходимыми для квалификации различных видов продолжаемого преступления.

5. Установление в УК РФ повышенного наказания за продолжаемое преступление, сопоставимого с наказанием за совокупность преступлений, как это предлагают отдельные специалисты, нецелесообразно. Это предложение искажает сущность продолжаемого преступления, которое при всем его внешнем сходстве с совокупностью все же представляет собой единичное преступление, а его реализация фактически приведет к отказу от конструкции продолжаемого преступления. Если назначать наказание за продолжаемое преступление по правилам ст. 69 УК РФ, то практический смысл его отграничения от совокупности преступных деяний полностью утрачивается.

6. Продолжаемые побои, совершенные три и более раз, не должны по произвольному «велению» законодателя «превращаться» в истязание. Это противоречит общепризнанным постулатам учения о продолжаемом преступлении, в соответствии с которым даже многократное повторение тождественных преступных деяний не способно изменить вид продолжаемого преступления. Поэтому законодателю следует отказаться от попыток нормативной трансформации продолжаемого преступления одного вида в другое, более тяжкое преступление. Важным шагом в этом направлении должно стать исключение из диспозиции ч. 1 ст. 117 УК РФ указания на систематическое нанесение побоев.

Глава 2. КВАЛИФИКАЦИЯ ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

2.1. Общие проблемы квалификации продолжаемых преступлений

Уголовно-правовое исследование продолжаемых преступлений будет неполным, если оставить без рассмотрения проблемы их квалификации. Эти проблемы с известной долей условности можно подразделить на общие, возникающие при уголовно-правовой оценке всех продолжаемых преступлений, и частные, характерные для квалификации отдельных разновидностей продолжаемых преступлений (продолжаемых хищений, продолжаемого сбыта психоактивных веществ, продолжаемого взяточничества и т.д.). В рамках настоящего параграфа мы сосредоточим внимание на общих проблемах квалификации продолжаемых преступлений, которые имеют «сквозной» характер.

Одна из наиболее острых правоприменительных проблем заключается в *необходимости разрешения сомнений относительно наличия или отсутствия признаков продолжаемого преступления*. Подобные сомнения обусловлены главным образом сложностью процессуального установления и доказывания обязательных субъективных признаков продолжаемого преступления – единого умысла на совершение тождественных противоправных деяний, единого мотива всех дискретных актов, их единой целевой направленности. Нередко субъекты правоприменительной деятельности вынуждены устанавливать содержание умысла, определять мотив и цель неоднократных противоправных деяний исключительно на основании объективных обстоятельств дела, что далеко не во всех случаях позволяет сделать достоверные выводы о наличии (отсутствии) признаков продолжаемого преступления.

В подобных правоприменительных ситуациях следует руководствоваться ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой все неустра-

нимые сомнения в виновности лица должны толковаться в его пользу¹⁵³. Указанное конституционное предписание, известное как «правило толкования сомнений», имеет не только процессуальное, но и непосредственное материальное уголовно-правовое значение. По этому поводу Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что «хотя текстуально приведенное конституционное правило адресовано лицам, обвиняемым в совершении преступления, его регулятивный смысл выходит за рамки собственно уголовного преследования, а потому должен подлежать учету при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности»¹⁵⁴. Поэтому в правоприменительной практике положения ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации успешно применяются для разрешения сомнений, возникающих при квалификации преступлений¹⁵⁵.

Однако сказанное вовсе не означает, что в «сомнительных» ситуациях многоэпизодную преступную деятельность следует автоматически квалифицировать как продолжаемое преступление, как полагает 35,4 % опрошенных экспертов. Для виновного более «выгодным» может оказаться и иной вариант уголовно-правовой оценки – когда совершенные им тождественные деяния будут признаны совокупностью преступлений. Обращая внимание на это обстоятельство, Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков верно указывают, что «квалификация здесь будет зависеть от тяжести юридических последствий, которые могут наступить при том или ином варианте. Например, если лицо совершает несколько действий, каждое из которых самостоятельно квалифицируется по ч. 1

¹⁵³ См.: Мурашкина Г.Ю. Квалификация множественных и продолжаемых преступлений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента Г.В. Ищука. – Рязань: прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – С. 50.

¹⁵⁴ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П, от 27 апреля 2001 г. № 7-П, от 17 июля 2002 г. № 13-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2015 г. № 2732-О, от 24 ноября 2016 г. № 2524-О и др. // СПС «Консультант Плюс».

¹⁵⁵ См.: Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 53.

ст. 158 УК РФ, а их оценка как продолжаемой кражи дается по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, то при неустранимых сомнениях в наличии единого умысла содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений. При квалификации содеянного по совокупности преступлений наказание, которое может назначить суд с учетом правил, предусмотренных в ст. 69 УК РФ, ограничено тремя годами лишения свободы, тогда как кража в особо крупном размере предполагает наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет. Другой пример. Допустим, лицо совершает несколько действий, каждое из которых самостоятельно оценивается по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Оценка по правилам продолжаемого преступления так же влечет квалификацию по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Если в этой ситуации при наличии иных признаков продолжаемого преступления имеются неустранимые сомнения в едином умысле, содеянное необходимо квалифицировать как продолжаемое преступление по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Совокупности преступлений в таком случае не будет»¹⁵⁶.

Таким образом, при наличии непреодолимых сомнений относительно уголовно-правовой оценки тождественных преступных деяний необходимо задействовать следующий алгоритм квалификации: содеянное следует квалифицировать дважды – как продолжаемое преступление и как совокупность преступных деяний; сравнить наказуемость содеянного при первом и втором варианте квалификации; на основании ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации выбрать тот вариант квалификации, который с точки зрения возможных уголовно-правовых последствий (т.е. наказуемости) будет более «мягким», более «выгодным» виновному.

В контексте рассмотрения общих проблем квалификации продолжаемых преступлений нельзя обойти стороной *установление времени его совершения*. Этот вопрос имеет важнейшее прикладное значение, поскольку от времени совершения продолжаемого преступления зависят выбор подлежащего примене-

¹⁵⁶ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1. – С. 10.

нию уголовного закона (действие уголовного закона во времени), исчисление сроков давности уголовной ответственности, возможность применения амнистии.

К сожалению, в уголовном законодательстве время совершения продолжаемого преступления не регламентировано. В ч. 2 ст. 9 УК РФ содержится общее предписание, в соответствии с которым временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий. Вполне очевидно, что на основании ч. 2 ст. 9 УК РФ установить время совершения продолжаемого преступления невозможно, так как это преступление включает несколько общественно опасных действий (актов бездействия), совершенных с разрывом во времени.

Фактически продолжаемое преступление охватывает период времени с момента совершения первого до момента окончания последнего деяния, входящего в состав этого преступления. Обращая внимание на это обстоятельство, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» указал, что «началом продолжаемого преступления надлежит считать совершение первого действия из числа нескольких тождественных действий, составляющих одно продолжаемое преступление, а концом – момент совершения последнего преступного действия». Иными словами, в хронологическом смысле время совершения продолжаемого преступления – это определенный отрезок времени (от первого до последнего деяния), который может быть достаточно длительным (как отмечалось ранее, в некоторых случаях продолжаемое преступление может быть растянуто на несколько лет).

Однако на основании фактического времени совершения продолжаемого преступления невозможно решать правоприменительные вопросы, связанные с выбором подлежащего применению уголовного закона, исчислением сроков давности. Поэтому в правоприменительной практике используется юридиче-

ская фикция, с помощью которой фактическое время совершения продолжаемого преступления (т.е. хронологический период) сводится к дискретному моменту – времени совершения последнего действия (акта бездействия), входящего в состав продолжаемого преступления.

Показательным в этом отношении является следующий пример.

По приговору суда В. признан виновным в том, что достоверно зная, что Л. в установленном законом порядке лишен права управления транспортным средством, из корыстной и иной личной заинтересованности 27 августа 2007 г. заполнил бланк временного разрешения на управление транспортным средством, внося в него анкетные данные Л. и заведомо ложные сведения о том, что последним совершено правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ – выезд в нарушение ПДД на сторону дороги, предназначенную для встречного движения.

В период с 5 октября по 5 декабря 2007 г. В. продолжил служебный подлог, а именно дважды сделал отметки о продлении временного разрешения Л. Таким образом, временем окончания данного преступления следует считать 5 декабря 2007 г.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ преступление, предусмотренное ст. 292 УК РФ (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г.), относится к категории небольшой тяжести. Поскольку приговор в отношении В. в законную силу не вступил, а преступление совершено (окончено) 5 декабря 2007 г., следует признать, что сроки давности привлечения В. к уголовной ответственности по ст. 292 УК РФ истекли 5 декабря 2009 г.¹⁵⁷

В приведенном примере Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, используя юридическую фикцию, признала, что временем совершения продолжаемого служебного подлога является момент совершения последнего из тождественных преступных действий (5 декабря

¹⁵⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. по делу № 66-О09-198 // СПС «Консультант Плюс».

2007 г.). Хотя фактически это преступление было совершено тремя преступными действиями, охватывающими период времени более 3 месяцев (с 27 августа по 5 декабря 2007 г.).

Такой подход представляется полностью обоснованным, так как действия (акты бездействия), образующие продолжаемое преступление, лишены самостоятельного юридического значения, а оцениваются лишь в единстве. Поэтому определять юридическое время совершения продолжаемого преступления можно лишь по моменту фактического завершения (добровольного или вынужденного) продолжаемого преступления в целом, которым является момент совершения последнего противоправного акта.

Подобные представления о юридическом времени совершения продолжаемого преступления утвердились и в уголовно-правовой науке¹⁵⁸. Вместе с тем в теории уголовного права представлена и иная точка зрения, согласно которой время совершения продолжаемого преступления необходимо определять дифференцированно – в зависимости от наличия или отсутствия общественно опасных последствий. В частности, этой точки зрения придерживается А.М. Ораздурдыев, по мнению которого временем совершения продолжаемого преступления надлежит считать момент совершения последнего общественно опасного деяния, а в случае наступления преступного последствия – момент наступления этого общественно опасного последствия¹⁵⁹. Однако согласиться с этим мнением не представляется возможным. Дело в том, что лицо может прогнозировать уголовно-правовые последствия своего поведения только путем обращения к уголовному законодательству, которое действует во время совер-

¹⁵⁸ См.: Аитова О.Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – С. 134-135; Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учебное пособие. – СПб., 1995. – С. 10-11; Блум М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. – М., 1969. – С. 38-43; Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1999. – С. 103; Якубов А.Е. Время совершения преступления и обратная сила уголовного закона // Российская юстиция. – 1997. – № 8. – С. 35 и др.

¹⁵⁹ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 14-15.

шения деяния. Если же квалифицировать продолжаемое преступление с материальным составом на основании уголовного закона, действующего в момент наступления последствий, то не исключена возможность привлечения к более строгой ответственности, предвидеть которую лицо было не в состоянии, что явно противоречит принципу субъективного вменения и требованиям правовой определенности¹⁶⁰.

Итак, в юридическом смысле временем совершения продолжаемого преступления следует считать момент совершения последнего из деяний, входящих в его состав. В практическом плане это означает следующее:

– преступность и наказуемость продолжаемого преступления определяются на основании уголовного закона, действовавшего в момент совершения последнего из противоправных актов. Это правило было подтверждено в Ответах на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.)¹⁶¹. Высшая судебная инстанция разъяснила, что «если часть объективной стороны продолжаемого преступления совершена в период действия нового закона (независимо от того, является он более мягким или более строгим), то применяться должен новый уголовный закон»;

¹⁶⁰ Они заключаются в том, чтобы правовые нормы были сформулированы с достаточной четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия (см.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. по делу «"Санди Таймс" против Соединенного Королевства (№ 1)» (The Sunday Times v. UK), § 49; от 31 июля 2000 г. по делу «Йечиус против Литвы» (Jecius v. Lithuania), жалоба № 34578/97, § 56; от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский против Польши» (Baranowski v. Poland), жалоба № 28358/95, § 50–52; от 28 октября 2003 г. по делу «Ракевич (Rakevich) против Российской Федерации», жалоба № 58973/00, § 31; от 24 мая 2007 г. по делу «Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации», жалоба № 27193/02, § 74; от 24 мая 2007 г. по делу «Владимир Соловьев (Vladimir Solovuev) против Российской Федерации», жалоба № 2708/02, § 86).

¹⁶¹ СПС «Консультант Плюс».

– сроки давности привлечения к уголовной ответственности за продолжаемое преступление должны исчисляться со дня совершения последнего противоправного деяния, входящего в состав продолжаемого преступления, на что обращается внимание в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям»;

– если хотя бы одно из деяний, входящих в состав продолжаемого преступления, совершено после издания акта амнистии, то амнистия применяться не может (п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям»). В этом случае продолжаемое преступление юридически считается совершенным после издания акта амнистии¹⁶².

К числу наиболее сложных проблем квалификации, безусловно, следует отнести проблему *установления момента юридического окончания продолжаемых преступлений*. В уголовно-правовой литературе этот момент зачастую определяется на основании п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, где указывается, что «началом продолжаемого преступления надлежит считать совершение первого действия из числа нескольких тождественных действий, составляющих одно продолжаемое преступление, а концом – момент совершения последнего преступного действия». Исходя из этого, продолжаемое преступление предлагается считать юридически оконченным лишь после совершения последнего из деяний, запланированных виновным¹⁶³.

¹⁶² См.: Ответы на вопросы, возникающие при применении судами постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" и "О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" (Утв. Президиумом Суда Ямало-Ненецкого автономного округа 15 мая 2015 г.) // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶³ См., например: Гринь М.В. Неоконченное преступление: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003. – С. 159-160; Черненко Т.Г. Квалификация совокупности преступлений //

Однако подобные представления о моменте юридического окончания продолжаемого преступления являются крайне упрощенными и во многих случаях неверными.

Во-первых, они не учитывают, что в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 определяется момент *фактического* окончания продолжаемого преступления, который далеко не во всех случаях совпадает с моментом его *юридического* окончания. Так, например, в соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг»¹⁶⁴ «изготовление фальшивых денежных знаков или ценных бумаг является оконченным преступлением, если с целью последующего сбыта изготовлен хотя бы один денежный знак или ценная бумага, независимо от того, удалось ли осуществить сбыт подделки», хотя вполне очевидно, что в большинстве случаев фальшивомонетничество не ограничивается изготовлением одной поддельной денежной купюры. Таким образом, продолжаемое изготовление поддельных денег или ценных бумаг признается юридически оконченным преступлением до момента его фактического окончания.

Во-вторых, правило, согласно которому продолжаемое преступление юридически окончено лишь после совершения последнего из запланированных виновным деяний, не применимо к продолжаемым преступлениям с относительно-определенным умыслом. При совершении этих преступлений виновный предполагает продолжать дискретные противоправные акты до тех пор, пока это будет возможно, а потому не имеет детального представления о количестве

Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 1 (38). – С. 159; Пантюхина И.В. Проблемы квалификации продолжаемых преступлений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента Г.В. Ищука. – Рязань: прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – С. 71.

¹⁶⁴ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 6.

деяний, которые ему удастся совершить, равно как и о количественных параметрах преступной цели. Показательным примером является продолжаемое мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ). Мошенник, каждый месяц незаконно получающий пенсию на основании подложных документов, планирует делать это пожизненно. И если вслед за сторонниками критикуемого подхода считать продолжаемое преступление юридически оконченным после совершения последнего из запланированных деяний, то в рассматриваемом случае мошеннику вообще невозможно вменить оконченное преступление; его продолжаемые мошеннические действия следует квалифицировать как покушение на преступление, предусмотренное ст. 159.2 УК РФ, вне зависимости от размера похищенного.

Однако такой подход будет противоречить общим правилам квалификации неоконченного преступления, согласно которым покушение на преступление может быть совершено лишь с прямым *конкретизированным* умыслом¹⁶⁵. Это правило полностью распространяется и на продолжаемые преступления. Подчеркивая это обстоятельство, А.М. Ораздурдыев справедливо указывает, что «квалификация продолжаемого преступления по правилам покушения на преступление возможна только в случаях, если оно совершалось с определенным (конкретизированным) умыслом, а фактически содеянным умысел виновного не реализован полностью»¹⁶⁶. А поскольку в рассматриваемом случае умысел виновного не конкретизирован, его действия следует квалифицировать по фактически наступившим последствиям. Это означает, что действия мошенника, получающего пенсию на основании подложных документов, образуют состав оконченного преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, после того, как размер похищенного превысит 2500 руб. (такого же мнения при-

¹⁶⁵ См.: Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. – М., 2010. – С. 99; Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 197.

¹⁶⁶ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 12.

держивается 87,6 % опрошенных экспертов). Если же мошеннику удастся похитить более 250 тыс. руб., его действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ; а если сумма похищенного превысит 1 млн. руб. – то по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ.

Итак, момент юридического окончания продолжаемого преступления во многом зависит от степени конкретизации умысла и цели виновного. С учетом этого обстоятельства в уголовно-правовой литературе предложен дифференцированный подход к определению юридического окончания продолжаемого преступления, который имеет немало сторонников. Продолжаемое преступление с конкретизированным умыслом предлагается считать юридически оконченным с момента наступления желаемых последствий или совершения последнего из запланированных деяний, а продолжаемое преступление с неконкретизированным умыслом – на любой стадии с момента причинения уголовно значимого ущерба (по фактически наступившим последствиям)¹⁶⁷.

Соглашаясь в целом с необходимостью дифференцированного подхода к квалификации продолжаемых преступлений с конкретизированным и неконкретизированным (относительно-определенным) умыслом, нельзя не отметить, что предложенные рекомендации по определению юридического окончания продолжаемых преступлений требуют существенной корректировки.

В плане квалификации продолжаемых преступлений с неконкретизированным (а точнее, относительно-определенным) умыслом эти рекомендации не вызывают никаких возражений. Продолжаемые преступления этого вида, действительно, следует квалифицировать с учетом фактически наступивших по-

¹⁶⁷ См.: Кваши В., Крутов Ю. Некоторые вопросы квалификации продолжаемых преступлений // Советская юстиция. – 1966. – № 12. – С. 17; Дёмин В.Ф. Социальная обусловленность законодательного конструирования единого сложного преступления и его квалификация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1989. – С. 22; Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. – 2000. – № 1. – С. 32; Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008. – С. 18; Курс уголовного права: в 4-х т. Т. 2: Общая часть. Учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.А. Кириллова и д-ра юрид. наук, проф. В.И. Омигова. – Чебоксары – Пермь: ЧКИ РУК, 2015. – С. 116.

следствий, т.е. признавать их юридически оконченными с момента, когда содеянное приобрело признаки состава преступления определенного вида, даже если после этого виновный продолжает совершать тождественные противоправные деяния. Например, если завербованное иностранной разведкой лицо, занимающее должность, связанную с доступом к государственной тайне, преследует цель выдавать любую доступную ему секретную информацию, заранее не имея четкого представления о ее объемах и важности, продолжаемая государственная измена будет юридически оконченной с момента совершения первой выдачи государственной тайны¹⁶⁸.

Что же касается рекомендаций по квалификации продолжаемых преступлений с конкретизированным умыслом, которые предлагается считать юридически оконченными с момента наступления желаемых последствий или совершения последнего из запланированных деяний, то с ними согласиться довольно сложно. В основу этих рекомендаций положены разъяснения, сформулированные в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23. Однако, как уже отмечалось ранее, соответствующие разъяснения касаются исключительно фактической завершенности продолжаемого преступления, а потому не могут использоваться для определения его юридического окончания.

Этот вывод можно проиллюстрировать следующим примером. Желая склонить неопределенный круг лиц к осуществлению экстремистской деятельности, виновный изготовил 10 листовок с призывами к применению насилия к лицам определенной национальности и поставил перед собой цель распространить их в общественных местах, однако был задержан после расклейки 3 листовок. Вполне очевидно, что в этом случае продолжаемые публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности фактически с учетом конкретизированной цели виновного еще не были оконченными, так как заплани-

¹⁶⁸ См.: Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013. – С. 76.

рованные действия были выполнены лишь частично. Тем не менее это преступление следует признать юридически оконченным. Как разъясняется в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹⁶⁹, предусмотренное ст. 280 УК РФ преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет. Приведенный пример еще раз доказывает, что разъяснения, содержащиеся в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, для определения момента юридического окончания продолжаемого преступления непригодны, даже если оно совершено с конкретизированным умыслом.

Возвращаясь к вышеизложенному примеру, отметим, что позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания публичных призывов к экстремистской деятельности обусловлена тем, что количество соответствующих призывов не имеет никакого уголовно-правового значения. А потому преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, следует считать оконченным в юридическом смысле уже после первого призыва, даже если виновный изначально планировал осуществить серию призывов.

Если же количественные или качественные параметры цели продолжаемого преступления имеют уголовно-правовое значение (например, когда цель, поставленная виновным, предусмотрена в качестве признака основного или квалифицированного состава), то пресеченное продолжаемое преступление требует иной квалификации.

В этом отношении весьма показательной является позиция высшей судебной инстанции относительно продолжаемого хищения. В п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется,

¹⁶⁹ СПС «Консультант Плюс».

что «как хищение в крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей, а в особо крупном размере – один миллион рублей, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить единое продолжаемое хищение в крупном или в особо крупном размере». Аналогичное разъяснение содержится и в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Таким образом, Пленум предписывает квалифицировать продолжаемое хищение, нацеленное на завладение имуществом в крупном (особо крупном) размере, как оконченное преступление лишь при условии, что эта конкретизированная цель была достигнута.

Однако даже в этом случае моменты фактического и юридического окончания продолжаемого преступления могут не совпадать. Дело в том, что конкретизированную цель продолжаемого преступления следует оценивать не только с учетом субъективных представлений виновного, но и через призму уголовного закона. Так, если виновный имеет цель по частям тайно похитить 10 млн. руб., то в уголовно-правовом смысле это конкретизированная цель на кражу имущества в особо крупном размере, которую можно считать достигнутой в момент, когда стоимость похищенного имущества превысит 1 млн. руб. (п. 4 примечаний к ст. 158 УК РФ). И если в рассматриваемой ситуации продолжаемая кража будет пресечена после того, как виновный похитил имущество стоимостью 1 млн. 50 тыс. руб., то содеянное следует квалифицировать как оконченную кражу в особо крупном размере. С точки зрения уголовного права цель хищения в особо крупном размере достигнута, хотя фактически задуманное виновным было выполнено лишь частично. Аналогичного мнения придерживается большинство (77,9 %) опрошенных экспертов.

Приведенные примеры убедительно доказывают, что *момент юридического окончания продолжаемого преступления с конкретизированным умыс-*

лом зависит от параметров цели, поставленной виновным, а также ее уголовно-правового значения. Учитывая указанные факторы (параметры цели и ее уголовно-правовое значение), момент юридического окончания продолжаемого преступления необходимо устанавливать на основании следующих правил¹⁷⁰:

– продолжаемое преступление с конкретизированной целью, не имеющей уголовно-правового значения, должно признаваться юридически оконченным с момента, когда содеянное приобретет все признаки состава соответствующего преступления;

– если уголовно-правовое значение имеют количественные параметры цели, то продолжаемое преступление необходимо считать юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение;

– если юридическое значение имеют качественные параметры цели, то продолжаемое преступление следует признавать юридически оконченным с момента достижения этой цели в качественно определенном объеме (в подобных случаях моменты юридического и фактического окончания совпадают)¹⁷¹.

Практическое применение этих правил квалификации можно продемонстрировать на следующем примере.

М. был осужден Октябрьским районным судом г. Тамбова по ч. 3 ст. 30 и п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ к условному наказанию за покушение на кражу чужого имущества с причинением значительного ущерба потерпевшему.

По данному делу судом установлено, что М., действуя с умыслом на хищение 20 поддонов кирпича, 24 декабря 2008 г. похитил 10 поддонов кирпича стоимостью 64 тыс. руб., которые в тот же день вывез с участка и продал.

¹⁷⁰ См.: Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 60-62.

¹⁷¹ Это правило К.В. Ображиев и Д.С. Чикин иллюстрируют следующим примером. Если виновный хотел по частям похитить с промышленного предприятия сложную вещь (оружие, смартфон и т.д.), то юридически оконченным хищение будет являться только после похищения последней детали (части), хотя при этом хищение отдельных деталей (частей) также можно считать преступлением.

29 декабря 2008 г. М. был задержан при попытке хищения еще такого же количества кирпича.

Тамбовский областной суд, изменяя приговор суда первой инстанции в части квалификации преступления, указал, что при таких обстоятельствах действия М., объединенные единым умыслом, образуют окончанный состав кражи¹⁷².

В рассматриваемом примере у виновного имелась конкретизированная цель – в два приема тайно похитить 20 поддонов кирпича стоимостью 128 тыс. руб. В уголовно-правовом смысле это цель совершения кражи с причинением значительного ущерба гражданину. Следовательно, в этом случае продолжаемая кража должна признаваться юридически оконченной с момента, когда виновный причинит значительный ущерб потерпевшему. А поскольку таковой был причинен уже после совершения первого из двух запланированных преступных действий, то содеянное образует состав окончанного преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, хотя с точки зрения субъективного восприятия виновного его цель в полном объеме не достигнута.

Итак, продолжаемое преступление с уголовно-значимой конкретизированной целью признается юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение. По крайней мере, применительно к квалификации хищений это правило считается устоявшимся¹⁷³.

Однако при квалификации продолжаемых преступлений иных видов высшая судебная инстанция отступает от этих правил, применяя иной подход к

¹⁷² Справка о причинах отмены и изменения приговоров районных судов Тамбовской области в кассационном порядке во 2-м полугодии 2009 г. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=68.

¹⁷³ См.: Гарбатович Д.А., Сумский Д.В. Отграничение совокупности преступлений от единичных сложных преступлений // Уголовное право. – 2015. – № 1. – С. 28-34. В частности, авторы указывают, что «если лицо посредством нескольких тождественных краж имело конкретизированный умысел, направленный на хищение 900 тыс. руб., но сумело похитить 500 тыс. руб., то деяние будет квалифицировано как окончанное преступление по п. "в" ч. 3 ст. 158 УК РФ независимо от степени незавершенности его умысла. В данном случае продолжаемое преступление юридически считается оконченным независимо от фактически незавершенности указанного преступления».

установлению момента их юридического окончания. Так, например, в абз. 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»¹⁷⁴ сформулировано следующее разъяснение: «Если лицо намеревалось легализовать (отмыть) денежные средства или иное имущество, приобретенные преступным путем (в результате совершения преступления), в крупном либо особо крупном размере посредством совершения нескольких финансовых операций или сделок, однако фактически легализованное имущество по независящим от этого лица обстоятельствам не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченную легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества в крупном или особо крупном размере. Например, когда для легализации денежных средств в крупном размере лицом предполагалось провести две финансовые операции, но оно было задержано после завершения одной из операций на сумму, не образующую такой размер, содеянное должно квалифицироваться по части 2 статьи 174.1 УК РФ».

Обоснованность этого разъяснения вызывает серьезные сомнения. Во-первых, оно идет вразрез с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно момента окончания продолжаемых хищений в крупном или особо крупном размере¹⁷⁵, что само по себе очень странно. Вполне

¹⁷⁴ СПС «Консультант Плюс».

¹⁷⁵ В абз. 3 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что «когда лицо, совершившее грабеж или разбойное нападение, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает двухсот пятидесяти тысяч рублей либо одного миллиона рублей, его действия надлежит квалифицировать, соответственно, по части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "д" части второй статьи 161 или по пункту "б" части третьей статьи 161 как покушение на грабеж, совершенный в крупном размере или в особо крупном размере, либо по части третьей статьи 162 или по пункту "б" части четвертой статьи 162 УК РФ как оконченный разбой, совершенный в крупном размере или в целях завладения имуществом в особо крупном размере».

очевидно, что квалификация продолжаемых преступлений с уголовно значимой конкретизированной целью должна подчиняться единым правилам.

А во-вторых, анализируемое разъяснение противоречит действующему уголовному законодательству. В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ «преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Между тем в рассматриваемой ситуации признаки квалифицированного состава легализации имущества, приобретенного преступным путем (легализация в крупном или особо крупном размере), отсутствуют. Цель легализации имущества в крупном (особо крупном) размере не была достигнута ни фактически (поскольку лицо было задержано после совершения одной из двух запланированных финансовых операций), ни юридически (так как размер фактически легализованного имущества не являлся крупным или особо крупным). Иными словами, в этом случае и объективно, и субъективно преступление не доведено до конца по обстоятельствам, не зависящим от виновного.

Поэтому разъяснение Пленума относительно момента юридического окончания продолжаемой легализации преступных доходов в крупном (особо крупном) размере требует пересмотра, на что уже обращалось внимание в уголовно-правовой литературе. В этом отношении мы полностью солидарны с К.Э. Емцевой, которая предлагает изложить п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 в следующем виде: «Если лицо намеревалось легализовать (отмыть) имущество, приобретенное преступным путем (в результате совершения преступления), в крупном либо особо крупном размере посредством совершения нескольких финансовых операций или сделок, однако фактически легализованное имущество по не зависящим от этого лица обстоятельствам не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как покушение на легализацию (отмывание) де-

нежных средств или иного имущества в крупном или особо крупном размере»¹⁷⁶.

В рамках настоящего параграфа отдельного рассмотрения заслуживают *проблемы квалификации продолжаемого преступления, совершенного в соучастии*. Приступая к их анализу, отметим, что продолжаемое преступление может быть совершено посредством объединения усилий нескольких соисполнителей (так называемое «простое» соучастие) либо соучастниками с распределением ролей (такое соучастие принято называть «сложным»).

Если каждый из соисполнителей принимал участие в совершении продолжаемого преступления с момента его начала и до фактического окончания, то квалификация простого соучастия не вызывает особых затруднений. Однако ситуация меняется, если лица, непосредственно участвующие в продолжаемом преступлении, совершили различное количество тождественных противоправных деяний. В частности, подобная ситуация возникает, если один из соучастников присоединился к другому соучастнику (группе соучастников) после начала продолжаемого преступления либо когда один из соисполнителей по каким-то причинам не принимал участия в отдельном деянии, входящем в состав продолжаемого преступления.

В таких случаях неизбежно возникает вопрос о пределах уголовной ответственности соисполнителей, внесших различный «вклад» в совершение продолжаемого преступления. Некоторые специалисты предлагают решать этот вопрос с учетом фактического участия каждого из соисполнителей в совершении продолжаемого преступления. Такого мнения, в частности, придерживается А.Ф. Залов, который категорично утверждает, что если противоправные деяния, входящие в состав продолжаемого преступления, совершены двумя и более исполнителями, то «безусловно, каждый из них будет отвечать лишь за действия, совершенные им, и не должен привлекаться к ответственности за ак-

¹⁷⁶ Емцева К.Э. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016. – С. 96.

ты, к которым он не имел прикосновенности»¹⁷⁷. Такого же мнения придерживается значительная часть (45,1 %) опрошенных нами экспертов.

Обоснованность такого подхода вызывает серьезные сомнения, так как соучастие предполагает совместное совершение *единого преступления*. Это в полной мере относится и к продолжаемому преступлению, совершенному в соучастии, которое является *общим для всех соучастников*. А потому при наличии предварительного сговора на совершение продолжаемого преступления его соисполнителям следует вменять все эпизоды, т.е. продолжаемое преступление в целом, а не только те деяния, в которых он принимал участие (это мнение разделяет 51,8 % экспертов). Применительно к продолжаемому хищению, совершенному группой лиц по предварительному сговору, это, в частности, означает, что соисполнители будут нести ответственность за хищение в размере, который определяется с учетом общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы¹⁷⁸. Показательным в этом отношении является следующий пример из судебной практики.

Приговором Челябинского областного суда от 18 декабря 2009 г. признаны виновными и осуждены за мошенническое хищение денежных средств ЗАО <...> работники ЗАО <...> и другие лица, всего 21 человек: Плотников, Антипова, Ахунов, Байкина, Баранова, Бельшев, Вавилова, Заигралин, Исаев, Ишимов, Литвинова, Попкова, Прутьян, Рукавишникова, Сысоев, Тощева, Федченко, Чураков – организованной группой, а начальник цеха ЗАО <...> Плотников кроме того, с использованием своего служебного положения; Малакичева, Стекольщиков, Уразгильдин – группой лиц по предварительному сговору, а

¹⁷⁷ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 103.

¹⁷⁸ В этом случае должно применяться правило квалификации, сформулированное в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»: «Решая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших хищение чужого имущества в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы по признаку «причинение значительного ущерба гражданину» либо по признаку «в крупном размере» или «в особо крупном размере», следует исходить из общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы».

Плотников, Ахунов, Заигралин, Исаев, Малакичева, Прутьян, Рукавишникова, Тоцева, Сысоев, Попкова, Чураков и Уразгильдин – в крупном размере.

Преступление совершено тождественными действиями группой указанных лиц в различном сочетании в период с 26 марта по 31 декабря 2004 г. и с 9 ноября по 6 декабря 2006 г. путем оформления приписок по весу и стоимости лома металла (72 эпизода в 2004 г. и 16 эпизодов в 2006 г.).

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что доводы жалоб об уменьшении объема обвинения нельзя признать состоятельными по следующим основаниям.

Вопреки доводам жалоб, размер причиненного ущерба судом определен и конкретизирован на основе исследованных доказательств, он не связан с размером полученных осужденными лично денежных средств от хищения.

Поскольку всем осужденным вменено соисполнительство продолжаемого, т.е. единого преступления, то размер хищения применительно к каждому осужденному подлежит сложению.

Вменение Плотникову квалифицирующего признака использования своего служебного положения мотивировано тем, что он являлся должностным лицом с организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями на предприятии, которые использовал при совершении мошенничества.

С учетом изложенного, вопреки доводам жалоб, содержащаяся в приговоре квалификация действий осужденных как соисполнительство в окончанном продолжаемом групповом хищении чуждого имущества путем обмана и злоупотребления доверием основана на законе и соответствует установленным судом фактическим обстоятельствам. В том числе в части вменения осужденным конкретных размеров хищения, различных форм группового преступления, а в отношении Плотникова, кроме того, с учетом квалифицирующего признака "с использованием служебного положения".

Действия каждого осужденного судом мотивированно признаны соисполнительством с точным указанием временных рамок деятельности в составе группы каждого из соисполнителей, поскольку все они, как это предусмотрено ч. 2 ст. 33 УК РФ, непосредственно участвовали в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями).

При этом суд правомерно исходил из того, что для оценки содеянного соисполнителями как оконченного продолжаемого мошенничества не требуется участия каждого из входящих в организованную группу исполнителей в непосредственном изъятии и присвоении всей суммы похищенных совместно денежных средств.

В этой связи доводы о переквалификации действий Плотникова, Уразгильдина, Барановой, а также о прекращении материалов дела в отношении Стекольниковой, Рукавишниковой, Антиповой удовлетворению не подлежат¹⁷⁹.

Иной уголовно-правовой оценки требует соисполнительство в продолжаемом преступлении без предварительного сговора, которое имеет место в случае присоединения к совершению уже начатого продолжаемого преступления. В этом случае присоединившийся соисполнитель должен нести ответственность за совершение продолжаемого преступления (при соблюдении принципа субъективного вменения), но при этом квалификация его действий отличается существенной спецификой:

– в объем обвинения присоединившегося соисполнителя не могут входить те деяния, которые были совершены до его подключения к продолжаемому преступлению, поскольку до этого момента он не соучаствовал в этом преступлении и не имел сговора на его совершение с иными соисполнителями. Ему нужно вменять лишь те эпизоды, которые имели место после его присоединения к продолжаемому преступлению;

¹⁷⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 марта 2010 г. № 48-о10-24 // СПС «Консультант Плюс».

– присоединившемуся соисполнителю не вменяется квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

Следует отметить, что А.Ф. Залов придерживается иной точки зрения относительно квалификации присоединения к продолжаемому преступлению. По его мнению, «если сговор на посягательство имел место в процессе продолжаемого преступления, но до начала одного из действий, заключающего в себе полный состав объективной стороны преступления, то такая договоренность должна оцениваться как предварительная применительно к ч. 2 ст. 35 УК РФ»¹⁸⁰. Иными словами, А.Ф. Залов предлагает вменять квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» присоединившемуся исполнителю продолжаемого преступления, равно как и исполнителю, который в одиночку начал его совершение.

Однако согласиться с этим мнением не представляется возможным, поскольку оно противоречит действующему уголовному законодательству и практике его применения. Отличительным признаком формы соучастия, предусмотренной ч. 2 ст. 35 УК РФ, является предварительность сговора на совершение преступления, которая предполагает, что сговор должен быть достигнут заранее, т.е. до момента выполнения объективной стороны соответствующего преступного деяния. А значит, если к заранее договорившимся о совместных преступных действиях соучастникам во время совершения преступления инициативно присоединяется другое лицо, не имевшее предварительного сговора, это лицо не может нести ответственность за преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору¹⁸¹. Это правило совместной преступной деятельности подтверждено Президиумом Верховного Суда Российской Федерации.

¹⁸⁰ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 107.

¹⁸¹ См.: Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 257.

Установлено, что А. и П. сначала били потерпевшего руками и ногами по различным частям тела, а затем А. нанес потерпевшему множественные удары ножом в грудь, а П. – удар ножом в шею.

В этот момент к ним подошел К. и отнес потерпевшего к контейнерам, после чего стал бить его обломками досок по голове и туловищу.

Суд первой инстанции квалифицировал действия осужденных по пп. "д", "ж", "и" ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации исключил из приговора осуждение К. по п. "ж" ч. 2 ст. 105 УК РФ, указав следующее.

Как установлено по данному делу, осужденный К. принял участие в лишении жизни потерпевшего уже после совершения иными лицами, предварительно договорившимися об убийстве, действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. То есть участия в предварительном сговоре на убийство потерпевшего осужденный К. не принимал. Он лишь присоединился к остальным осужденным в процессе совершения ими действий, направленных на умышленное причинение смерти потерпевшему¹⁸².

Исходя из этого, заранее не согласованное присоединение к уже начатому продолжаемому преступлению нельзя считать совершенным по предварительному сговору. «Коль скоро усилия виновных были объединены после начала выполнения действий, составляющих объективную сторону продолжаемого преступления, состоявшийся в процессе исполнения продолжаемого преступления сговор не может быть признан предварительным, так как единство продолжаемого преступления допускает такое соглашение лишь до момента его начала. Следовательно, действия соисполнителей в таких случаях подлежат

¹⁸² Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации № 1011п01 по делу Кривоножкина и др. (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2002 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2002. – № 11).

оценке как соисполнительство в преступлении без отягчающих обстоятельств»¹⁸³.

Переходя к проблемам уголовно-правовой оценки сложного соучастия в продолжаемом преступлении, отметим, что в юридической литературе в рассматриваемом контексте, как правило, обсуждается лишь квалификация пособнических действий. Считается, что «организационная и подстрекательская деятельность применительно к продолжаемым преступлениям не отличается какой-либо спецификой и поэтому не нуждается в специальном освещении»¹⁸⁴. Согласиться с таким подходом вряд ли возможно. Как показывает практика, особенности продолжаемого преступления неизбежно накладывают свой отпечаток на все разновидности соучастия в его совершении, включая организацию и подстрекательство.

Специфика организационной деятельности заключается в том, что организатор продолжаемого преступления может появиться во время его совершения, а не заранее, как это бывает в подавляющем большинстве случаев. Подобная ситуация возникает:

– когда группа лиц по предварительному сговору, совершающая продолжаемое преступление, в процессе выполнения его объективной стороны приобретает устойчивость¹⁸⁵, т.е. перерастает в организованную группу. В этом случае лидер организованной группы в соответствии с предписаниями ч. 3 ст. 33

¹⁸³ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 175.

¹⁸⁴ Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984. – С. 169.

¹⁸⁵ Устойчивость как обязательный признак организованной группы определяется в судебной практике с учетом ряда объективных и субъективных критериев: наличие в составе группы организатора (руководителя); распределение функций (ролей) между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлении преступного умысла; стабильность состава участников группы; наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности; большой временной промежуток существования группы; неоднократность совершения преступлений членами группы; техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления; иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы) (см.: Коняхин В.П., Грузян Э.В. Квалификация организованной группы по объективным признакам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4. – С. 94-100).

УК РФ должен признаваться организатором преступления как лицо, создавшее организованную группу либо руководившее ею;

– если в группе лиц по предварительному сговору один из соисполнителей во время совершения продолжаемого преступления берет на себя организационные функции и осуществляет руководство последующими противоправными деяниями, что в силу прямого указания ч. 3 ст. 33 УК РФ позволяет признать его организатором преступления.

Впрочем, ни в одной из этих ситуаций организаторская роль соучастника продолжаемого преступления не получит отражения в формуле квалификации. В первом случае при уголовно-правовой оценке действий организатора нужно применять известное правило квалификации, согласно которому преступные действия всех участников организованной группы независимо от их роли в совершении преступления подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ (п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»¹⁸⁶, п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»). Следовательно, организатор продолжаемого преступления будет признан соисполнителем, равно как и иные участники организованной группы. А во второй ситуации, когда организатор выделился из числа соисполнителей продолжаемого преступления, функции по руководству исполнением преступления (а точнее – его части) будут поглощены соисполнительскими функциями. К такому выводу приводят взаимосвязанные предписания чч. 2 и 3 ст. 33 УК РФ.

В уголовно-правовой литературе принято считать, что подстрекательство к преступлению возможно лишь до начала выполнения его объективной стороны. Однако применительно к продолжаемому преступлению это общее правило не работает, так как склонение к преступным действиям может осуществляться

¹⁸⁶ СПС «Консультант Плюс».

в процессе его совершения, например, когда один из соучастников начатого продолжаемого преступления побуждает другое лицо присоединиться к его совершению. Несмотря на то что объективная сторона продолжаемого преступления уже выполняется, склонение к участию в его совершении обладает всеми признаками подстрекательства, даже если присоединившийся исполнитель совершил лишь одно противоправное деяние. Однако если такое склонение осуществлялось исполнителем (соисполнителем) продолжаемого преступления, то подстрекательство поглощается исполнительскими функциями и ссылка на ч. 4 ст. 33 УК РФ не требуется.

Пособничество в продолжаемом преступлении проявляет себя в двух вариантах. Первый из них – пособничество в единой подготовительной деятельности, выражающееся в создании условий для совершения продолжаемого преступления до момента его исполнения. Примером может служить изготовление поддельного официального документа, дающего право на получение социальных выплат. С точки зрения квалификации такое пособничество не вызывает особых затруднений, поскольку в этом случае пособник содействует совершению продолжаемого преступления в целом. В приведенном примере лицо, подделавшее официальный документ для его мошеннического использования другим лицом, должно нести ответственность по ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 159.2 и по ч. 1 ст. 327 УК РФ.

Намного сложнее квалифицировать второй вариант пособничества, который выражается в содействии совершению отдельных эпизодов продолжаемого преступления. В этом случае в основу квалификации должны быть положены принцип субъективного вменения и производное от него нормативное правило уголовно-правовой оценки эксцесса исполнителя (ст. 36 УК РФ). Взаимосвязанные предписания ст. 5 и ст. 36 УК РФ приводят к выводу о том, что если умыслом пособника не охватывается продолжаемый характер преступных деяний иных соучастников, то он должен нести ответственность лишь за пособничество в конкретном преступном акте. А пособником всего продолжаемого

преступления лицо можно признать лишь при наличии у него умысла на содействие продолжаемой преступной деятельности. В этом случае пособник должен осознавать, что иные соучастники совершают продолжаемое преступление, и понимать, что посредством интеллектуального или физического содействия отдельному противоправному акту он способствует совершению продолжаемого преступления в целом (его дальнейшему совершению). Показательным в этом плане является следующий пример из судебной практики.

Согласно приговору Иркутского областного суда от 24 июня 2010 г. Проноза, Логинов, Мещерякова (Чумилина), Глушков, Серегин, Михайлов, Калябина, Сергеева, Сараев, Тернюк осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Они признаны виновными в том, что в период с 28 октября по 14 декабря 2006 г., действуя в составе организованной группы, путем обмана похитили денежные средства банка ЗАО <...>.

Реализуя предложенную Пронозой схему совершения хищений, осужденные за денежное вознаграждение привлекали для заключения подложных фиктивных договоров лиц, испытывающих материальные затруднения, доставляли указанных лиц в торговые точки ООО "<...>" <...>, где, заведомо зная, что кредитные обязательства потребителями не будут исполняться, используя гражданские паспорта привлеченных лиц, в которые заранее были внесены ложные сведения о регистрации по месту жительства в городах <...> или <...>, заключали от имени привлеченных лиц с банком подложные договоры потребительского кредитования, указывая в договорах ложные сведения о регистрации по месту жительства и фактическом проживании потребителя (заемщика), ложное место его работы и сумму ежемесячного дохода, а также ложные данные о наличии у заемщика недвижимости в собственности.

30 ноября 2006 г. Сергеева привлекла Перлова к заключению в ООО "<...>" от его имени подложного кредитного договора с ЗАО "<...>. После этого Сергеева, будучи заинтересованной большим привлечении потенциальных заемщиков, предложила Перлову подыскать среди жителей поселка <...>

малоимущих граждан, желающих оформить за вознаграждение подложные кредитные договоры. Перлов, преследуя цель незаконного обогащения путем получения оплаты за выполненные действия, осознавая преступность действий Сергеевой и других осужденных, достоверно зная, что они совершают хищения денежных средств у ЗАО "<...>" путем обмана, оказал содействие Сергеевой и Сараеву в совершении хищений денежных средств, принадлежащих ЗАО "<...>", путем обмана, предоставив информацию о жителях пос. <...>, которые за вознаграждение могут согласиться оформить подложный кредитный договор, то есть выступил в роли пособника при совершении мошенничества по предварительному сговору группой лиц. Так, при содействии Перлова к заключению подложных кредитных договоров были привлечены Е., Е., З., В., Д., М. и К., то есть при пособничестве Перлова в период с 1 по 14 декабря 2006 г. путем заключения 7 подложных договоров потребительского кредитования, то есть путем обмана, было совершено хищение денежных средств у ЗАО "<...>" на сумму <...> рублей.

За совершение указанных действий Перлов был осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 159 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации признала квалификацию действий Перлова правильной¹⁸⁷.

В приведенном примере квалификация пособничества в продолжаемом мошенничестве полностью соответствует требованиям субъективного вменения. Пособник осознавал, что способствует совершению продолжаемого преступления, поскольку до этого сам выступал в роли потребителя при заключении подложного кредитного договора и таким образом был осведомлен о схеме хищения.

В уголовно-правовой литературе высказывается мнение о том, что «пособник, участвовавший в совершении одного из преступных эпизодов продолжаемого преступления, будет отвечать за все посягательство в целом лишь при

¹⁸⁷ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 г. № 66-О10-163 // СПС «Консультант Плюс».

одновременном наличии двух факторов: объективного – значимости криминального акта, в котором он задействован, для всего посягательства в целом (то есть ситуации, при которой неосуществление акта влечет невозможность совершения остальных преступных действий); субъективного – осведомленности пособника о вышеуказанном обстоятельстве. Игнорирование правоприменителем любого из приведенных критериев будет означать либо вменение преступления при отсутствии виновного к нему отношения (если не установлен субъективный момент), либо осуждение лица за одну лишь информированность о преступном событии (при отсутствии объективного фактора)»¹⁸⁸.

Согласиться с этими доктринальными рекомендациями можно лишь частично, поскольку предлагаемое толкование «объективной значимости» пособничества для продолжаемого преступления в целом не основано на действующем уголовном законодательстве и не согласуется с практикой его применения. Безусловно, пособничество должно вносить свой вклад в совершение совместного продолжаемого преступления и обладать общественной опасностью, свойственной преступлениям; в противном случае содействие продолжаемому преступлению следует признать малозначительным (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Однако из этого вовсе не следует, что пособничество должно быть *conditio sine qua non*¹⁸⁹, т.е. необходимым условием совершения остальных продолжаемых преступных деяний. Для признания лица пособником продолжаемого преступления вполне достаточно, чтобы оно, осознавая продолжаемый характер деяний иных соучастников, способствовало хотя бы одному из преступных актов, входящих в состав продолжаемого преступления, даже если оказанное содействие не повлияло на совершение иных актов. Пособник в совершении единичного эпизода продолжаемого преступления не будет нести ответственность за соучастие в продолжаемом преступлении лишь в том случае, если его умыслом не охватывается совершение иных тождественных деяний, т.е. продолжаемый характер

¹⁸⁸ Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 109.

¹⁸⁹ Лат. – «условие, без которого нет».

преступной деятельности. Этот вывод подтверждается и судебной практикой. По крайней мере, в приведенном ранее судебном решении (определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2010 г. № 66-О10-163) лицо было признано пособником в продолжаемом мошенничестве, хотя его содействие совершению 7 эпизодов хищения не было обязательным условием иных продолжаемых преступных деяний (они «успешно» совершались до присоединения пособника к преступной группе и параллельно с ним).

В разных эпизодах продолжаемого преступления, совершенного в соучастии, соучастники могут выполнять различные функции. Во втором параграфе первой главы диссертации мы уже приводили пример продолжаемого покушения на убийство, где в первом эпизоде один из соучастников был соисполнителем, а во втором – пособником преступления (кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2011 г. № 53-О11-64). Вполне возможны и иные варианты смены функциональных ролей соучастников продолжаемого преступления. В подобных ситуациях необходимо руководствоваться следующими правилами квалификации:

– если хотя бы в одном из эпизодов продолжаемого преступления виновный действовал как исполнитель (соисполнитель), то вся его продолжаемая преступная деятельность квалифицируется как исполнение преступления;

– если хотя бы в одном из эпизодов такого преступления виновный действовал как организатор и при этом не принимал непосредственного участия в исполнении ни одного из таких эпизодов, его следует считать организатором всего продолжаемого преступления (ч. 3 ст. 33 УК РФ);

– если организатор продолжаемого преступления помимо организаторских функций в одном или нескольких эпизодах выполняет функции пособника, ему вменяется только организация преступления. Иными словами, организация преступления поглощает пособничество;

– подстрекательство и пособничество в продолжаемом преступлении могут вменяться одновременно (в формуле квалификации отражается ссылка как на ч. 4, так и на ч. 5 ст. 33 УК РФ), не образуя при этом множественности преступлений¹⁹⁰.

Завершая анализ общих проблем квалификации продолжаемого преступления, подчеркнем следующее:

1. При наличии непреодолимых сомнений относительно уголовно-правовой оценки тождественных преступных деяний необходимо задействовать следующий алгоритм квалификации: содеянное следует квалифицировать дважды – как продолжаемое преступление и как совокупность преступных деяний; далее необходимо сравнить наказуемость содеянного при первом и втором варианте квалификации; на основании ч. 3 ст. 49 Конституции Российской Федерации выбрать тот вариант квалификации, который с точки зрения возможных уголовно-правовых последствий (т.е. наказуемости) будет более «мягким», более «выгодным» виновному.

2. При установлении времени совершения продолжаемого преступления в правоприменительной практике используется юридическая фикция, с помощью которой фактическое время выполнения его объективной стороны (т.е. хронологический период) сводится к дискретному моменту – моменту совершения последнего действия (акта бездействия), входящего в состав продолжаемого преступления. Такой подход представляется полностью обоснованным, так как действия (акты бездействия), образующие продолжаемое преступление, лишены самостоятельного юридического значения, а оцениваются лишь в единстве. Поэтому определять юридическое время совершения продолжаемого преступ-

¹⁹⁰ См.: Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – С. 241-243; Силаев С.А. Проблемы соучастия в продолжаемом преступлении // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – С. 30.

ления можно лишь по моменту фактического завершения (добровольного или вынужденного) продолжаемого преступления в целом.

3. Разъяснения, сформулированные в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23, касаются исключительно фактической завершенности продолжаемого преступления, а потому не могут использоваться для определения его юридического окончания.

4. Продолжаемые преступления с относительно-определенным умыслом следует квалифицировать с учетом фактически наступивших последствий, т.е. признавать их юридически оконченными с момента, когда содеянное приобрело признаки состава преступления определенного вида, даже если после этого виновный продолжает совершать тождественные противоправные деяния.

5. Момент юридического окончания продолжаемого преступления с конкретизированным умыслом зависит от параметров цели, поставленной виновным, а также ее уголовно-правового значения: продолжаемое преступление с конкретизированной целью, не имеющей уголовно-правового значения, должно признаваться юридически оконченным с момента, когда содеянное приобретет все признаки состава соответствующего преступления; если уголовно-правовое значение имеют количественные параметры цели, то продолжаемое преступление необходимо считать юридически оконченным с момента достижения этой цели в объеме, имеющем уголовно-правовое значение; если юридическое значение имеют качественные параметры цели, то продолжаемое преступление следует признавать юридически оконченным с момента достижения этой цели в качественно определенном объеме (в подобных случаях моменты юридического и фактического окончания совпадают).

6. При квалификации отдельных разновидностей продолжаемых преступлений (в частности, продолжаемой легализации преступных доходов в крупном или особо крупном размере) высшая судебная инстанция отступает от общих правил установления момента их юридического окончания, что представляется недопустимым. Квалификация продолжаемых преступлений с уголовно значи-

мой конкретизированной целью должна подчиняться единым правилам. Поэтому разъяснение относительно момента юридического окончания продолжаемой легализации преступных доходов в крупном (особо крупном) размере (абз. 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32) требует пересмотра.

7. Соучастие предполагает совместное совершение единого преступления, что в полной мере относится и к продолжаемому преступлению, совершенному в соучастии. А потому при наличии предварительного сговора на совершение продолжаемого преступления его соисполнителям следует вменять все эпизоды, т.е. продолжаемое преступление в целом, а не только те деяния, в которых они принимали участие. Применительно к продолжаемому хищению, совершенному группой лиц по предварительному сговору, это, в частности, означает, что соисполнители будут нести ответственность за хищение в размере, который определяется с учетом общей стоимости похищенного всеми участниками преступной группы.

8. Соисполнитель, присоединившийся к совершению уже начатого продолжаемого преступления, должен нести ответственность за это преступление (при соблюдении принципа субъективного вменения), но квалификация его действий отличается существенной спецификой: в объем обвинения присоединившегося соисполнителя не могут входить те деяния, которые были совершены до его подключения к продолжаемому преступлению, поскольку до этого момента он не соучаствовал в этом преступлении и не имел сговора на его совершение с иными соисполнителями; присоединившемуся соисполнителю не вменяется квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору».

9. В основу квалификации интеллектуального и (или) физического содействия совершению отдельных эпизодов продолжаемого преступления должны быть положены взаимосвязанные предписания ст. 5 и ст. 36 УК РФ. Если умыслом пособника не охватывается продолжаемый характер преступных деяний

иных соучастников, то он должен нести ответственность лишь за пособничество в конкретном преступном акте. А пособником всего продолжаемого преступления лицо можно признать лишь при наличии у него умысла на содействие продолжаемой преступной деятельности. В этом случае пособник должен осознавать, что иные соучастники совершают продолжаемое преступление, и понимать, что посредством интеллектуального или физического содействия отдельному противоправному акту он способствует совершению продолжаемого преступления в целом (его дальнейшему совершению).

10. В различных эпизодах продолжаемого преступления, совершенного в соучастии, соучастники могут выполнять несовпадающие функции. В подобных ситуациях необходимо руководствоваться следующими правилами квалификации: если хотя бы в одном из эпизодов продолжаемого преступления виновный действовал как исполнитель (соисполнитель), то вся его продолжаемая преступная деятельность квалифицируется как исполнение преступления; если хотя бы в одном из эпизодов такого преступления виновный действовал как организатор и при этом не принимал непосредственного участия в исполнении ни одного из таких эпизодов, его следует считать организатором всего продолжаемого преступления (ч. 3 ст. 33 УК РФ); если организатор продолжаемого преступления помимо организаторских функций в одном или нескольких эпизодах выполняет функции пособника, ему вменяется только организация преступления. Иными словами, организация преступления поглощает пособничество; подстрекательство и пособничество в продолжаемом преступлении могут вменяться одновременно (в формуле квалификации отражается ссылка как на ч. 4, так и на ч. 5 ст. 33 УК РФ), не образуя при этом множественности преступлений.

2.2. Уголовно-правовая специфика продолжаемых хищений¹⁹¹

Анализ уголовно-правовой литературы показывает, что попытки перевести теоретические дискуссии относительно продолжаемого преступления в практическую плоскость неизбежно приводят к обсуждению признаков продолжаемого хищения. И это вполне закономерно, так как среди всех продолжаемых преступлений наиболее распространенными являются именно хищения.

Высшая судебная инстанция уделяет разъяснению признаков продолжаемых хищений особое внимание. В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» указывалось, что «продолжаемым хищением следует считать неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, имеющих общую цель незаконного завладения государственным или общественным имуществом, которые охватываются единым умыслом виновного и составляют в своей совокупности одно преступление».

Однако в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» (напомним, что это постановление не отменено) высшая судебная инстанция скорректировала свой подход к определению продолжаемого преступления. В подп. «а» п. 4 указанного постановления разъясняется, что «продолжаемым хищением должно признаваться неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, если указанные действия совершены при обстоятель-

¹⁹¹ Результаты соответствующего раздела диссертационного исследования отражены в следующих публикациях: Кулагин А.Н. Единство источника изъятия чужого имущества как признак продолжаемых хищений // Российский криминологический взгляд. – 2014. – № 2. – С. 744-748; Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемых хищений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 107-116.

ствах, свидетельствующих о наличии у лица общей цели и единого умысла на хищение определенного количества материальных ценностей». Таким образом, Пленум указал новый признак продолжаемого хищения – наличие конкретизированного умысла, что существенно сузило объем рассматриваемого понятия. За его рамками остались тождественные противоправные действия, направленные на хищение, при совершении которых виновный не имеет детального представления о размере чужого имущества, которое ему удастся похитить.

В уголовно-правовой науке подобная корректировка субъективных признаков продолжаемого хищения вызвала немало критических замечаний, причем совершенно обоснованных. Как отмечалось в третьем параграфе первой главы диссертации, если дискретные действия, направленные на хищение чужого имущества, имеют общую цель (например, ежемесячно мошенническим путем получать социальные выплаты), то отсутствие конкретизированных представлений о количественных параметрах похищаемого по частям чужого имущества не лишает содеянное содержательного, внутреннего единства.

Признавая это обстоятельство, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в новом определении продолжаемого хищения отказался от указания на конкретизированный умысел. Согласно п. 16 упомянутого постановления «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление». Вместе с тем Пленум дополнил характеристику продолжаемого хищения еще одним признаком – указанием на единый источник, из которого изымается чужое имущество.

Разумеется, попытка конкретизации признаков продолжаемого хищения, предпринятая в постановлении Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29, не осталась без внимания уголовно-правовой научной общественности. В научных и науч-

но-практических публикациях, учебных и учебно-методических работах со ссылкой на п. 16 постановления Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 констатируется, что продолжаемое хищение предполагает изъятие чужого имущества из единого (одного и того же) источника. Однако дальше такой констатации дело, как правило, не идет. По крайней мере, нам не удалось обнаружить опубликованных трудов, в которых были бы выработаны критерии единства источника, из которого происходит изъятие чужого имущества при совершении продолжаемого хищения. По сути дела, уголовно-правовая наука отдала решение этого вопроса на откуп правоприменительной практике.

Обобщение судебной практики позволяет заключить, что *единство источника, из которого совершается продолжаемое хищение, определяется на основании двух альтернативных критериев.*

Первым из них является ***пространственный (территориальный) критерий***, который предполагает, что неоднократное незаконное изъятие чужого имущества осуществляется из одного места, ограниченного определенными территориальными рамками. Как правило, пространственные границы единого источника, из которого осуществляется изъятие чужого имущества при продолжаемом хищении, определяются рамками жилища, помещения, иного хранилища (гаража, сарая, трубопровода и т.п.).

Так, например, Н., проникнув в квартиру З., похитил принадлежавшее ей имущество на общую сумму <...> руб. и отнес за гаражи, расположенные около дома потерпевшей. Далее, продолжая приводить в исполнение свои намерения, Н. вернулся в жилище З. с целью хищения приготовленных заранее покрывала, часов и вазы, но был задержан.

В судебном заседании осужденный Н. также не отрицал факт проникновения в квартиру З. с целью кражи и показал, что первоначально похищенное он отнес к гаражам и вернулся за другим имуществом, но был задержан. Далее он планировал после совершения кражи подъехать к гаражам, где он оставил украденное, и перевезти все на вокзал.

В соответствии с законом ряд преступных тождественных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое хищение, образует продолжаемое преступление.

При таких установленных судом обстоятельствах следует признать, что Н. было совершено единое продолжаемое хищение, в процессе которого осужденный был задержан при повторном проникновении в квартиру З. и, соответственно, не имел возможности распорядиться и пользоваться похищенным им имуществом.

С учетом изложенного действия Н. подлежат переквалификации с ч. 3 ст. 158 УК РФ на ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 158 УК РФ как покушение на тайное хищение чужого имущества, совершенное с незаконным проникновением в жилище, с причинением значительного ущерба гражданке З.¹⁹²

В подобных случаях, когда пространственные границы места, из которого осуществляется неоднократное незаконное изъятие чужого имущества, совпадают с границами жилища, помещения или иного хранилища, особых проблем с констатацией единства источника не возникает. Намного сложнее выглядит ситуация, когда имущество изымается на одной территории (в одном месте), но из разных хранилищ, например, из кладовых помещений, находящихся в одном подвале, нескольких ящиков для одежды, расположенных в одной раздевалке, соседних гаражей или дачных участков. Правоприменители оценивают такие места совершения хищений весьма противоречиво – то как единый источник, то как несколько различных источников (см. приложение).

Примером первого подхода может служить следующее решение.

Мичуринским районным судом Д. осужден за три преступления, квалифицированные по ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Судом установлено, что ночью 2 июня 2009 г. Д. свободным доступом с

¹⁹² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2008 г. № 9-Дп08-11 // СПС «Консультант Плюс».

приусадебных участков А., П. и Д.Г.А., расположенных в пос. Лесной Воронеж Мичуринского района Тамбовской области (расположенных рядом с домом № 14 по ул. Лесной) похитил, соответственно, яблоню в возрасте 5 лет стоимостью 2000 руб., два саженца яблони и один саженец вишни стоимостью 1100 руб. и вишню в возрасте четырёх лет стоимостью 2500 руб.

Органами предварительного расследования и судом вышеуказанные действия осужденного Д. квалифицированы как совершение им самостоятельных трёх составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ.

Однако, по мнению судебной коллегии по уголовным делам Тамбовского областного суда, из вышеуказанных фактических обстоятельств дела, установленных органами предварительного следствия и судом, следует, что осужденным Д. совершено продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путём изъятия чужого имущества из одного и того же источника, приусадебных участков потерпевших, расположенных рядом с домом № 14 по ул. Лесной в пос. Лесной Воронеж Мичуринского района Тамбовской области, объединённых единым умыслом, о котором свидетельствуют действия Д., который похищал плодовые деревья и саженцы в течение непродолжительного периода времени с участков расположенных в непосредственной близости друг от друга, и составляющих в своей совокупности единое преступление¹⁹³.

В приведенном примере суд признал три земельных участка единым источником, аргументируя это тем, что они расположены «в непосредственной близости друг от друга».

Иное решение принято судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда.

¹⁹³ Справка о причинах отмены и изменения приговоров районных судов Тамбовской области в кассационном порядке во 2-м полугодии 2009 г. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=68 (дата обращения: 27.03.2017).

По приговору суда С. признан виновным в краже имущества Б. и В. на сумму 300 руб. у каждого, совершенной в ночное время в начале июля 2008 г. с незаконным проникновением в хранилище.

В кассационном представлении государственный обвинитель, не оспаривая доказанность вины С., просил отменить приговор, поскольку суд в приговоре необоснованно квалифицировал действия осужденного по кражам имущества Б. и В. как одно преступление, мотивировав свое решение доводами о том, что кражи совершены в одну ночь одна за другой из соседних сараев.

Судебная коллегия по уголовным делам Свердловского областного суда согласилась с доводами представления прокурора, указав следующее.

Органами предварительного следствия действия С. были квалифицированы соответственно по п. "б" ч. 2 ст. 158 и п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Суд переквалифицировал эти действия на п. "б" ч. 2 ст. 158 УК РФ в связи с тем, что данные кражи были совершены С. в одну ночь, одна за другой, в одном месте из соседних сараев и с единым умыслом на хищение чужого имущества.

Однако по смыслу закона продолжаемым преступлением, состоящим из ряда тождественных преступных действий, могут быть признаны действия виновного, совершаемые путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенные единым умыслом и составляющие в своей совокупности единое преступление.

Из исследованных судом материалов дела усматривается, что указанные кражи чужого имущества С. совершил в одну ночь. Однако имущество изымалось из разных хранилищ, преступления совершались в отношении имущества разных потерпевших. При таких обстоятельствах не имеется оснований говорить о том, что действия виновного в своей совокупности составляли

*единое преступление, а следовательно, не имеется оснований и для квалификации этих действий как одного продолжаемого преступления*¹⁹⁴.

В этом случае суд кассационной инстанции посчитал соседние сараи различными источниками и на этом основании квалифицировал незаконное изъятие чужого имущества из каждого сарая как самостоятельное хищение.

Таким образом, в отсутствие доктринальных рекомендаций единообразная правоприменительная практика уголовно-правовой оценки единства источника, из которого похищается имущество, до настоящего времени не сложилась. В этой связи теоретическая разработка научно обоснованных рекомендаций относительно критериев установления рассматриваемого признака продолжаемого преступления приобретает особую значимость.

Анализируя различные правоприменительные подходы к оценке источника, из которого совершается неоднократное незаконное изъятие имущества, следует иметь в виду, что ключевым, сущностным признаком продолжаемого хищения является единство умысла виновного, субъективная взаимосвязь юридически тождественных посягательств на собственность. Что же касается единства источника, из которого по частям изымается чужое имущество, то этот признак является всего лишь внешним проявлением субъективного единства, одним из факторов, подтверждающих единство умысла. Следовательно, источник неоднократного незаконного изъятия чужого имущества необходимо оценивать с позиции субъективного вменения, через призму психического отношения виновного. И если лицо с единым умыслом похищает чужое имущество из различных хранилищ, воспринимая их как единый источник, содеянное следует признать продолжаемым хищением из одного из того же источника. Иными словами, при наличии субъективной взаимосвязи юридически тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества, единый источник

¹⁹⁴ Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 15 октября 2008 г. по делу № 22-10252/2008 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (четвертый квартал 2008 года (19)). URL: http://severouralsky.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=41 (дата обращения: 22.03.2017).

изъятия в физическом смысле нельзя отождествлять с одним хранилищем. В этом случае единым источником следует признавать и несколько хранилищ, компактно расположенных в одном и том же месте.

Так, например, при совершении с единым умыслом хищения чужого имущества из нескольких кладовок, расположенных в подвале многоквартирного дома, источником изъятия следует признать подвал. Если хищение с единым умыслом совершено из соседних гаражей, единым источником изъятия нужно признавать гаражный кооператив. На первый план здесь выходит не единство хранилища, а единство места (территории)¹⁹⁵. Не случайно в некоторых случаях правоприменительные органы, аргументируя наличие признаков продолжаемого хищения, указывали, что оно совершается «в одном месте»¹⁹⁶.

При установлении единства источника, из которого совершается продолжаемое хищение, судебная практика использует не только пространственный, но и *юридический критерий*, который предполагает, что все изъятые неоднократно действия имущество принадлежит одному собственнику (физическому или юридическому лицу, государству, субъекту федерации). В этом случае единый источник отождествляется с имуществом одного потерпевшего.

Практическое применение этого критерия можно проиллюстрировать следующим примером.

Постановлением Бабушкинского районного суда г. Москвы от 29 апреля 2015 г. уголовное дело в отношении Н., обвиняемой в совершении преступлений,

¹⁹⁵ На это обстоятельство обращалось внимание и в советской уголовно-правовой литературе, когда единый источник изъятия еще не указывался Пленумом Верховного Суда в качестве признака продолжаемого хищения. В частности, Т.Э. Караев отмечал, что «неоднократное хищение имущества одним и тем же способом, совершенное с единым умыслом и единой целью, хотя и из различных хранилищ одного и того же предприятия, учреждения или одной и той же организации, надлежит рассматривать как продолжаемое хищение» (см.: Караев Т.Э. Повторность преступления. – М., 1983. – С. 83).

¹⁹⁶ См., например: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2013 г. № 53-Д12-33 // СПС «Консультант Плюс»; Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 октября 2014 г. № 6-АПУ14-10 // СПС «Консультант Плюс»; Постановление Президиума Московского областного суда № 320 от 4 июня 2014 г. (Бюллетень судебной практики Московского областного суда за второй квартал 2014 года // СПС «Консультант Плюс»).

предусмотренных п. "в" ч. 2 ст. 158 УК РФ (три преступления), возвращено Бабушкинскому межрайонному прокурору г. Москвы для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В апелляционном представлении государственным обвинителем поставлен вопрос об отмене постановления суда, так как основания возврата уголовного дела, указанные судом, являются необоснованными. Не разделяя мнение суда относительно неверной квалификации действий Н., прокурор полагает, что подсудимая совершила ряд тождественных действий, трижды изымая имущество из одного источника. Учитывая изложенное, действия подсудимой были обоснованно объединены единым умыслом и квалифицированы не по количеству потерпевших, а по источнику хищения.

Рассмотрев апелляционное представление, Московский городской суд указал следующее. Ссылка государственного обвинителя в апелляционном представлении на п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» является несостоятельной, поскольку в рассматриваемом случае изъятие имущества происходило хотя и похожими способами, но у отдельных потерпевших, которые не образуют в совокупности один источник¹⁹⁷.

В приведенном примере основным аргументом суда апелляционной инстанции против квалификации содеянного в качестве продолжаемого хищения явилась ссылка на то, что чужое имущество изымалось из различных источников – у трех отдельных потерпевших.

Не вдаваясь в анализ вышеприведенного судебного решения, отметим, что позиция, на которой оно основано (единый источник – это имущество, принадлежащее одному потерпевшему), имеет своих сторонников и среди представителей уголовно-правовой науки. Одним из них является П.С. Яни, который

¹⁹⁷ Апелляционное постановление Московского городского суда от 3 июня 2015 г. по делу № 10-7257/2015 // СПС «Консультант Плюс».

категорично утверждает, что «разъяснение, которое дано Пленумом в постановлении от 27.12.2002, а именно указание на один и тот же источник, дает основание для квалификации как единого продолжаемого преступления только таких тождественных деяний, которые причиняют ущерб одному потерпевшему. Таким образом, если лицо, пусть и в течение короткого времени, совершает хищение у нескольких потерпевших, например, тайно похищает в транспорте деньги из сумок нескольких граждан, то каждая кража квалифицируется самостоятельно и в размере стоимости имущества, похищенного у каждого из граждан»¹⁹⁸. Аналогичную позицию занимает и Н.А. Лопашенко: «Нет признаков продолжаемого хищения в том случае, если виновный предпринял одинаковые действия с одинаковыми целями в отношении разных потерпевших»¹⁹⁹.

Полагаем, что полностью согласиться с этими утверждениями вряд ли возможно. С обоснованной критикой такого подхода выступали еще дореволюционные юристы. В частности, известный польский криминалист С. Будзинский обращал внимание на то, что количество потерпевших зачастую является результатом случайного стечения обстоятельств и по большому счету не охватывается умыслом виновного, находится за пределами его сознания и воли, совершенно ему безразлично. Так, в одном случае вор желает совершить кражу из гостиницы, при этом его преступный умысел не направлен против какого-либо определенного лица: он собирает вещи, попавшиеся ему под руку, и с ними скрывается. В другом случае вор сначала крадет одежду из одного гостиничного номера, а через два дня после этого – из другого, но потерпевшим вновь оказывается то же лицо, которое сменило место проживания после первой кражи. В третьем случае преступник, имея единый умысел, несколько раз крадет вино из одного и того же погреба, но между двумя эпизодами преступления у погреба меняется собственник. Если усматривать единство преступления в единстве

¹⁹⁸ Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 214-215.

¹⁹⁹ Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. (доступ – СПС «Консультант Плюс»).

потерпевшего, то во втором случае придется признать наличие одного преступления, а в первом и третьем – их совокупность, меж тем как несправедливость подобного решения и его противность здравому смыслу очевидны²⁰⁰.

В том же ключе рассуждал и великий русский правовед Н.С. Таганцев, указывая, что «нельзя признать таковым признаком (*признаком, отделяющим продолжаемое деяние от совокупности преступлений* – А.К.) единство нарушенного субъективного права, так как кража из сундука, в коем находились вещи разных владельцев, не становится только в силу этого обстоятельства совокупностью краж. А с другой стороны, поджог в разное время домов, принадлежащих одному владельцу, или кража у одного лица, но в разное время, разного его имущества, составит не единичное преступное деяние, а совокупность»²⁰¹.

Вместе с тем это вовсе не означает, что при разграничении продолжаемого хищения и совокупности хищений субъекты правоприменительной деятельности должны игнорировать принадлежность имущества. В ряде случаев это обстоятельство может сыграть решающую роль для квалификации содеянного в качестве продолжаемого хищения.

Приговором Ленинского районного суда г. Челябинска от 13 февраля 2014 г. Р. осужден за совершение девяти преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Он признан виновным в том, что 15 марта 2013 г., правомерно находясь в квартире Л.Е.А., взял принадлежащую ей кредитную карту, со счета которой в период с 15 марта по 17 декабря 2013 г. девять раз осуществил операцию по снятию денежных средств.

Проверив материалы дела в связи с кассационным представлением прокурора, президиум Челябинского областного суда приговор в отношении Р. изменил, указав следующее.

²⁰⁰ Budzinski S. O zbiegu przestępstw i przestępstwach ciągłych ze stanowiska teorii i praktyki. – Warszawa, 1864. – S. 8–9. Цит. по: Силаев С.А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении // Советник юриста. – 2011. – № 4.

²⁰¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1994. – С. 282.

Нельзя признать правильным вывод органа предварительного следствия, с которым согласился суд первой инстанции, о совершении Р. девяти самостоятельных преступлений.

*Описанные в приговоре обстоятельства хищения Р. в период с 15 марта по 17 декабря 2013 г. принадлежащих потерпевшей денежных средств на общую сумму ***руб. в короткий промежуток времени, одним и тем же способом из одного источника при сходных обстоятельствах свидетельствуют о совершении этих действий в осуществление единого умысла, направленного на хищение чужого имущества.*

Суд не учел, что в случае совершения лицом ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом, содеянное следует квалифицировать как одно продолжаемое хищение²⁰².

В этой ситуации вывод суда кассационной инстанции относительно единства источника, из которого незаконно изымается чужое имущество, был сделан именно на основании юридического критерия, так как территориальное единство источника не прослеживалось (операции по снятию денежных средств с банковской карты осуществлялись в разных банкоматах).

Приведенный пример наглядно показывает, что *юридический и пространственный (территориальный) критерии единства источника, из которого незаконно изымается чужое имущество, имеют альтернативный характер*. В одних случаях единство источника определяется только территориальным критерием (например, неоднократное изъятие из одного хранилища чужого имущества, принадлежащего нескольким потерпевшим), в других – с учетом юридического критерия (тождественные акты незаконного изъятия имущества одного потерпевшего совершаются в разных местах), в третьих – на основании совокупности указанных критериев (при совершении неоднократного изъятия

²⁰² Постановление Президиума Челябинского областного суда от 10 декабря 2014 г. № 44у-174/2014 // СПС «Консультант Плюс».

чужого имущества, принадлежащего одному потерпевшему, из одного и того же хранилища).

Суммируя вышеизложенное, можно заключить, что *источник, из которого незаконно изымается чужое имущество, следует признавать единым, если изъятие осуществляется в одном месте и (или) у одного потерпевшего.*

В контексте исследуемой проблематики требует решения ***вопрос об универсальности рассматриваемого признака продолжаемого хищения.*** Можно ли считать единство источника, из которого осуществляется незаконное изъятие чужого имущества, признаком всех без исключения продолжаемых хищений, или же этот признак специфичен только для отдельных форм хищений, имеющих продолжаемый характер? Однозначный ответ на этот вопрос дать не просто, что, кстати, подтверждают результаты опроса экспертов из числа правоприменителей (их мнения разделились примерно поровну).

С одной стороны, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», судя по его названию, нацелено на разрешение квалификационных проблем, возникающих в судебной практике по уголовным делам о краже, грабеже и разбое. А значит, можно предположить, что признак единства источника, указанный в п. 16 этого постановления Пленума, относится только к продолжаемым хищениям, совершаемым в форме кражи, грабежа и разбоя. К такому же выводу приводит и постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В п. 27 данного постановления разъясняется, что «как хищение в крупном размере должно квалифицироваться совершение нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого превышает двести пятьдесят тысяч рублей, а в особо крупном размере – один миллион рублей, если хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или особо крупном размере». Нетрудно заметить, что в отличие от п. 16 постановления

Пленума от 27 декабря 2002 г. № 29 здесь отсутствует указание о единстве источника.

С другой стороны, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» единство источника называется в качестве признака продолжаемого хищения, независимо от его формы²⁰³. И судебная практика применяет критерий единства источника не только для квалификации кражи, грабежа и разбоя, но и при уголовно-правовой оценке иных форм хищения, о чем свидетельствуют многочисленные примеры, один из которых приводится ниже.

К. осуждена за совершение 8 преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ.

В кассационном представлении заместитель прокурора Республики Тыва просил изменить приговор в части квалификации содеянного. Изучив материалы уголовного дела, доводы кассационного представления заместителя прокурора, президиум Верховного суда Республики Тыва изменил приговор суда по следующим основаниям.

Как следует из приговора, действия К. суд квалифицировал как восемь самостоятельных преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ. Однако ее действия носили однотипный характер, осуществлялись в одном месте, од-

²⁰³ В связи с этим П.С. Яни предлагает использовать признак единства источника изъятия имущества и при характеристике продолжаемого мошенничества, присвоения и растраты, т.е. включить этот признак в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51. В частности, он отмечает, что «в п. 27 Постановления применительно к квалификации хищений по признаку крупного либо особо крупного размера затрагивается вопрос о разграничении совокупности посягательств и единого продолжаемого преступления. Он решается так же, как в п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Более точным представляется, однако, определение продолжаемого хищения, приведенное в п. 16 постановления от 27 декабря 2002 г. Точнее оно тем, что называет в числе критериев для признания деяния таковым не только сходный способ хищения (способ – в уголовно-правовом смысле слова) и общий (единый) умысел, но и один источник, из которого виновным преступно "черпается" чужое имущество» (см.: Яни П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. – 2008. – № 6).

ним и тем же способом, из одного и того же источника денежных средств, принадлежащих одному и тому же потерпевшему, хотя и в разное время, однако в результате единого умысла, сформировавшегося в один из дней апреля 2012 г.

Согласно п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» продолжаемое хищение состоит из ряда тождественных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление.

При таких обстоятельствах действия осужденной К. по 8 эпизодам необходимо квалифицировать как единое продолжаемое преступление по ч. 3 ст. 160 УК РФ²⁰⁴.

Полагаем, что в данном конкретном случае ссылка суда кассационной инстанции на единство источника, из которого путем присвоения похищались денежные средства, является полностью оправданной, так как этот фактор наряду с другими объективными обстоятельствами дела убедительно доказывает единство умысла виновной.

Однако субъективная взаимосвязь тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества, может внешне проявляться и без единства источника изъятия, выражаясь в других объективных признаках. Специфика некоторых форм хищения такова, что применяемые виновным способы незаконного изъятия имущества изначально нацелены на неоднократное изъятие имущества из различных источников. Показательными в этом отношении являются мошенничества, совершаемые путем образования «финансовых пирамид», мошеннические хищения средств участников долевого строительства жилья. В подобных случаях связанные единым умыслом преступные действия

²⁰⁴ Постановление Президиума Верховного суда Республики Тыва от 02 апреля 2015 г. // СПС «Консультант Плюс».

направлены на хищение чужого имущества из различных источников, но от этого они не становятся совокупностью преступлений. Они обоснованно признаются единичным продолжаемым преступлением.

С., М., Б., Р., Руд., Св., Ш. признаны виновными в совершении ими организованной группой в период с апреля 2003 г. по 13 апреля 2005 г. на территории <...> области мошенничества в крупном размере в отношении 231 потерпевшего (партнеров НП <...>) на общую сумму <...> руб., а также в незаконном завладении правом собственности на объекты недвижимости партнеров, на сумму <...> руб.

С апреля 2003 г. по 13 апреля 2005 г. члены организованной группы, не имея намерений выполнить в отношении партнеров обязательства об обеспечении их недвижимостью, исполняли детально заранее разработанный механизм систематического хищения денежных средств, поступивших в НП "<...>" от граждан, нуждающихся в решении жилищной проблемы.

С целью вовлечения большого количества граждан в НП "<...>" в средствах массовой информации городов <...>, на телеканалах "<...>", "<...>" на протяжении всего времени деятельности корпорации публиковалась реклама об оказании корпорацией финансовой помощи всем желающим гражданам без каких-либо ограничений, в приобретении недвижимости в рассрочку до 25 лет, а также на иные нужды, на выгодных условиях.

Действуя в составе организованной группы и в его интересах, в период с начала апреля 2003 г. по 13 апреля 2005 г. С., М., Б., Р., Руд., Св., Ш., совершили мошенничество по одной и той же схеме в отношении 231 потерпевшего.

Приговором Оренбургского областного суда от 17 июня 2008 г. указанные лица были осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество, совершенное организованной группой в особо крупном размере.

*Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор без изменения*²⁰⁵.

Приведенный пример показывает, что единство источника изъятия – это всего лишь один из возможных объективных признаков, подтверждающих наличие внутренней взаимосвязи элементов продолжаемого хищения. Этот признак важен не сам по себе, а только как подтверждение субъективного единства продолжаемого хищения. Для продолжаемого хищения, совершаемого в форме кражи, грабежа и разбоя, он является обязательным, тогда как для продолжаемых мошенничества, присвоения или растраты единство источника изъятия чужого имущества – это факультативный признак.

В практическом плане это означает следующее. Если единство источника, из которого неоднократно действиями похищается чужое имущество путем мошенничества, присвоения или растраты, усматривается, то этот фактор, конечно же, следует принимать во внимание при квалификации, обосновывая субъективное единство преступления. Если же рассматриваемый признак не установлен, то это не означает, что содеянное автоматически нужно квалифицировать как совокупность преступных деяний, поскольку существует немало других объективных признаков, подтверждающих единство умысла виновного. Как справедливо отмечают Н.И. Пряхина и В.Ф. Щепельков, «объективная связь между отдельными деяниями может проявляться по-разному. Это, с одной стороны, общий признак, который характерен для явления в целом, а с другой – проявляться он может применительно к различным видам преступлений по-разному. Так, для продолжаемых краж объективная связь проявляется в том, что они совершаются из одного источника. Для мошенничества в виде финан-

²⁰⁵ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 ноября 2008 г. № 47-О08-60 // СПС «Консультант Плюс». См. также: приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 14 июля 2016 г. по уголовному делу № 1-116/2016. URL: <https://rospravosudie.com/court-elistsinskij-gorodskoj-sud-respublika-kalmykiya-s/act-525182271/> (дата обращения: 21.03.2017); приговор Пресненского районного суда города Москвы от 13 февраля 2012 г. по уголовному делу №1-7/2012. URL: <https://rospravosudie.com/court-presnenskiy-rajonnyj-sud-gorod-moskva-s/act-421568747/> (дата обращения: 21.03.2017).

совых пирамид характерно причинение вреда в результате единожды запущенного механизма, и именно этим обстоятельством объективно связаны отдельно взятые эпизоды мошенничества»²⁰⁶.

К сожалению, многие правоприменители не учитывают это обстоятельство, воспринимая единство источника изъятия в качестве обязательного признака всех продолжаемых хищений независимо от их формы. Это порождает правоприменительные ошибки. Показательным в этом плане является следующее дело.

Приговором Рузаевского районного суда Е. осуждена по ч. 3 ст. 159 УК РФ. Являясь учредителем и фактическим руководителем жилищно-строительного кооператива «Вместе» и действуя по принципу «финансовой пирамиды», Е. с использованием своего служебного положения злоупотребила доверием граждан и, обманывая их, похитила денежные средства пайщиков кооператива, чем причинила потерпевшим значительный материальный ущерб.

Приговор суда отменен кассационной инстанцией, в том числе и ввиду неправильной квалификации действий Е. Как следует из предъявленного ей обвинения, она обвинялась в совершении 26 эпизодов мошенничества, в том числе и в отношении денежных средств 22 пайщиков ЖСК «Вместе». Суд признал Е. виновной в совершении продолжаемого преступления (по мошенничеству в отношении пайщиков ЖСК «Вместе»), предусмотренного по ч. 3 ст. 159 УК РФ, мотивировав свое решение тем, что изъятие чуждого имущества происходило путем совершения ряда тождественных действий, объединенных единым умыслом, из одного и того же источника. При этом суд в приговоре не конкретизировал этот источник и не обосновал наличие у Е. единого умысла на совершение мошенничества в отношении 22 пайщиков ЖСК «Вместе» и в отношении имущества ЖСК и ПО «Вместе». Кроме того, суд не принял во вни-

²⁰⁶ Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1. – С. 9.

мание, что имущество было ухищено у разных потерпевших, преступные действия в отношении которых были совершены в разное время. Уголовное дело направлено в тот же суд на новое судебное разбирательство²⁰⁷.

В этом случае суд первой инстанции, ошибочно полагая, что продолжаемое преступление всегда предполагает изъятие имущества из одного и того же источника, попытался расширительно истолковать этот признак, признав таковым имущество пайщиков. Между тем ссылка на единство источника, из которого посредством мошенничества похищалось имущество пайщиков, здесь была явно неуместной, так как этот признак отсутствовал, на что справедливо обратил внимание суд кассационной инстанции. Районный суд должен был обратить внимание на иные объективные обстоятельства, подтверждающие субъективную взаимосвязь всех эпизодов хищения (в частности, на единство приготовительной преступной деятельности, на то, что все хищения совершались одним способом, с использованием одной схемы).

Чтобы избежать подобных ошибок, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следовало бы конкретизировать, что признак единства источника изъятия чужого имущества относится только к продолжаемым хищениям в форме кражи, грабежа и разбоя.

Завершая анализ специфических признаков продолжаемых хищений, резюмируем следующее.

1. Обязательным признаком продолжаемого хищения в форме кражи, грабежа и разбоя является единство источника, из которого совершается продолжаемое хищение. Единство источника изъятия чужого имущества определяется на основании двух альтернативных критериев – пространственного (территориального) и юридического.

²⁰⁷ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия № 85/09 по делу Евтиной (Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Мордовия по уголовным делам (1-ое полугодие 2009 года) // Бюллетень Верховного Суда Республики Мордовия. – 2009. – № 17).

2. Пространственный (территориальный) критерий единства источника, из которого совершается продолжаемое хищение, предполагает, что неоднократное незаконное изъятие чужого имущества осуществляется из одного места, ограниченного определенными территориальными рамками.

Как правило, пространственные границы единого источника, из которого осуществляется изъятие имущества при продолжаемом хищении, определяются рамками жилища, помещения, иного хранилища (гаража, сарая, трубопровода и т.п.). Вместе с тем единый источник изъятия чужого имущества в физическом смысле нельзя отождествлять исключительно с одним хранилищем, поскольку похититель может субъективно воспринимать в качестве единого источника несколько обособленных хранилищ, компактно расположенных в одном месте (кладовки, расположенные в одном подвале, соседние гаражи, участки и др.).

3. Юридический критерий единства источника, из которого совершается продолжаемое хищение, предполагает, что все изъятые неоднократно действиями имущество принадлежит одному собственнику (физическому или юридическому лицу, государству, субъекту федерации). В этом случае единый источник отождествляется с имуществом одного потерпевшего.

4. Юридический и пространственный (территориальный) критерии единства источника, из которого незаконно изымается чужое имущество, имеют альтернативный характер. В одних случаях единство источника определяется только территориальным критерием (например, неоднократное изъятие из одного хранилища чужого имущества, принадлежащего нескольким потерпевшим), в других – с учетом юридического критерия (тождественные акты незаконного изъятия имущества совершаются в разных местах, но причиняют вред одному потерпевшему), в третьих – на основании совокупности указанных критериев. Таким образом, источник, из которого незаконно изымается чужое имущество, следует признавать единым, если изъятие осуществляется в одном месте и (или) у одного потерпевшего.

5. Для продолжаемого хищения, совершаемого в форме кражи, грабежа и

разбоя, единство источника изъятия чужого имущества является обязательным признаком, тогда как для продолжаемых мошенничества, присвоения или растраты единство источника изъятия чужого имущества – это факультативный признак. Субъективная взаимосвязь тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества путем мошенничества, присвоения или растраты, может внешне проявляться и без единства источника изъятия, выражаясь в других объективных признаках (например, единство приготовительной деятельности, использование единого способа хищения и др.). Исходя из этого, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следовало бы конкретизировать, что признак единства источника изъятия чужого имущества относится только к продолжаемым хищениям в форме кражи, грабежа и разбоя.

2.3. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества²⁰⁸

В контексте уголовно-правового анализа особенностей отдельных видов продолжаемых преступлений детального рассмотрения заслуживают проблемы квалификации продолжаемого взяточничества²⁰⁹. Наиболее сложной из них является проблема отграничения продолжаемых получения и дачи взятки, а также продолжаемого посредничества во взяточничестве от совокупности соответствующих преступлений, которая неизбежно возникает при квалификации многоэпизодного коррупционного подкупа.

К сожалению, при решении этой проблемы правоприменительные органы допускают немало ошибок, о чем свидетельствует опубликованная судебная практика. Реагируя на эти квалификационные ошибки, понимая остроту и сложность указанной проблемы, высшая судебная инстанция неоднократно разъясняла свою позицию в постановлениях Пленума о судебной практике по соответствующей категории уголовных дел (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве», постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта

²⁰⁸ Результаты соответствующего раздела диссертационного исследования опубликованы в следующих статьях: Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 173-176; Кулагин А.Н. Проблемы квалификации многоэпизодного получения взяток // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26 – 27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017. – С. 499-502; Кулагин А.Н. Многоэпизодное получение взяток от одного взяткодателя: продолжаемое преступление или их совокупность? // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (Рязань, 24 мая 2016 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016. – С. 221-229; Кулагин А.Н. Юридическое окончание продолжаемого взяточничества: проблемы теории и практики // Состояние законности в Российской Федерации: сб. материалов круглого стола аспирантов и молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, 13 апреля 2016 г.) / под ред. А.Ю. Винокурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – С. 42-47.

²⁰⁹ Термин «взяточничество» используется в качестве собирательного понятия, охватывающего следующие взаимосвязанные преступления – получение взятки (ст. 290 УК РФ), дача взятки (ст. 291 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ), посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ).

1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве», постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»).

Анализ соответствующих постановлений показывает, что Пленум Верховного Суда придерживается дифференцированного подхода к уголовно-правовой оценке многоэпизодного взяточничества, предлагая различные правила квалификации в зависимости от характера взаимодействия участников коррупционного подкупа, количества взятодателей, направленности действий (бездействия), за которые получены взятки, и других факторов. Рассмотрим эти правила подробнее.

Первое правило касается уголовно-правовой оценки *получения (дачи) взятки в несколько приемов*. В абз. 1 п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что «от совокупности преступлений следует отличать продолжаемые дачу либо получение в несколько приемов взятки или незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе». Это правило квалификации достаточно давно утвердилось в судебной практике (аналогичные разъяснения содержались и в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16, а также в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3).

Следует учитывать, что получение (дача) взятки по частям может иметь различные проявления. «Дробление» взятки наблюдается в двух основных случаях:

– *если между взятодателем и взятополучателем имеется предварительная договоренность о передаче взятки в несколько приемов*. В этом случае предварительная договоренность о «дроблении» взятки не оставляет сомнений в том, что тождественные действия каждого из субъектов коррупционного под-

купа (взятополучателя и взятодателя) связаны единым умыслом, а значит их следует расценивать в качестве продолжаемого получения (продолжаемой дачи) взятки. При этом не имеет принципиального значения, был ли заранее точно определен размер взятки, передаваемой по частям. Как отмечает в этой связи Б.В. Волженкин, если размер взятки не определен заранее, однако имущественные выгоды передаются в несколько приемов за выполнение одного конкретного действия – это единое продолжаемое преступление²¹⁰;

– *если должностное лицо, получив от взятодателя незаконное вознаграждение в оговоренном размере за совершение определенных действий (акт бездействия), требует повысить размер взятки, и взятодатель, согласившись с этим требованием, передает чиновнику дополнительное вознаграждение за те же действия (акт бездействия)*. Отдельные специалисты в области уголовного права полагают, что в этой ситуации признаки продолжаемого преступления отсутствуют. К такому выводу, в частности, приходит П.С. Яни: «Когда должностное лицо получило за определенное, допустим, действие взятку в сумме, соответствующей первоначальной договоренности со взятодателем, то состав преступления и объективно, и субъективно завершен. И если уже вслед за этим коррупционер, решив пока не выполнять обещанного, приходит к выводу, что потребовал и взял недостаточно, и обращается к тому же взятодателю с предложением о передаче еще одной суммы за то же действие, второе вознаграждение чиновника происходит в результате не общего с первым, а нового преступного замысла. Стало быть, имеет место совокупность преступлений»²¹¹. Такого же мнения придерживается и Т.А. Николенко, который отмечает, что «при таких обстоятельствах оба действия в виде принятия взятки не

²¹⁰ Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 204.

²¹¹ Яни П.С. Неоднократное получение незаконного вознаграждения: совокупность преступлений, продолжаемое взяточничество // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией / Сборник научных трудов под ред. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. – Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателлит, 2009. – С. 63.

охватываются единой целью и умыслом»²¹².

Таким образом, в отличие от Пленума Верховного Суда Российской Федерации, уголовно-правовая доктрина предлагает два различных подхода к уголовно-правовой оценке получения взятки от одного лица в несколько приемов (дачи взятки по частям одному должностному лицу) в зависимости от наличия или отсутствия предварительной договоренности о «дроблении» взятки. Однако при более глубоком анализе оказывается, что выводы П.С. Яни и Т.А. Николенко относительно совокупной уголовно-правовой оценки передачи дополнительного незаконного вознаграждения, полученного сверх изначально оговоренного размера взятки, весьма уязвимы для критики.

Во-первых, указанные авторы не учитывают того, что требование дополнительного незаконного вознаграждения может быть спланировано взяткополучателем изначально – как тактический прием увеличения размера коррупционного дохода. Во-вторых, и это более важно, в рассматриваемой ситуации желание взяткополучателя получить дополнительное коррупционное вознаграждение нельзя расценивать как новый умысел на получение взятки. Вне зависимости от того, когда возникло такое желание, должностное лицо получает дополнительное незаконное вознаграждение *за те же самые действия (бездействие)*, причем *от того же взяткодателя*. А значит, незаконное вознаграждение в изначально оговоренном размере и полученный сверх этого коррупционный «бонус» – это одна взятка, разбитая на части. Иными словами, в этом случае коррупционер не повторяет получение взятки, а *продолжает* ее получение. Желание получить дополнительное незаконное вознаграждение сверх изначально оговоренного размера взятки в этом случае свидетельствует не о новом умысле, а об определенной динамике первоначального умысла, которая при этом остается в рамках этого умысла.

С этих же позиций следует подходить и к уголовно-правовой оценке дей-

²¹² Николенко Т.А. Получение взятки: совокупность преступлений и продолжаемое преступление // Адвокатская практика. – 2013. – № 4. – С. 23-26.

ствий взяткодателя, согласившегося на передачу должностному лицу дополнительного незаконного вознаграждения сверх изначально оговоренного размера взятки. В рассматриваемой ситуации взяткодатель передает должностному лицу взятку как минимум два раза (первый раз взятку в изначально оговоренном размере, а второй – дополнительное вознаграждение по требованию должностного лица), что автоматически порождает правоприменительную дилемму, требующую выбора между совокупной квалификацией содеянного и констатацией признаков продолжаемого преступления. Разрешая эту дилемму, следует учитывать, что взяткодатель, как правило, не может заранее предвидеть требование должностного лица повысить первоначально оговоренный размер взятки; для него это требование является неожиданным. Тем не менее выполнение этого требования не образует повторной дачи взятки, так как взяткодатель передает дополнительное незаконное вознаграждение тому же чиновнику в тех же самых целях, т.е. предпринимает действия, направленные на реализацию первоначального умысла, *продолжает* его реализацию, в связи с чем второй эпизод дачи взятки следует расценивать как элемент продолжаемого преступления. К такому же выводу приходит и большинство (85,0 %) опрошенных экспертов.

Применительно к рассматриваемой ситуации весьма показательным является следующий пример из правоприменительной практики.

21 июля 2008 г. Н., являясь врачом психиатром-наркологом кабинета наркологических экспертиз ГУЗ "Республиканский наркологический диспансер", сообщил С., который занимал должность заведующего химико-токсикологической лабораторией ГУЗ "Республиканский наркологический диспансер", о возможности получения взятки от Е. за оформление справки о результатах химико-токсикологических исследований биологических объектов с подложными данными о наличии в крови Е. допустимой для управления транспортным средством нормы алкоголя.

С. согласился на совершение указанного преступления при пособничестве Н., который, предполагая получение такого согласия от С., за 2 дня до того,

то есть 19 июля 2008 г., убедил Е. в необходимости передачи ему не менее <...> руб. для последующей передачи заведующему химико-токсикологической лабораторией С. за составление заведомо ложного заключения по итогам исследования образцов его крови, после чего там же получил от Е. взятку в размере <...> руб.

Продолжая свои действия, объединенные единым умыслом, Н. в тот же день потребовал у Е. передачи ему еще <...> руб. за совершение С. незаконных действий в его пользу в виде составления подложной справки о результатах проведенных исследований.

22 июля 2008 г. С. с целью получения взятки оформил справку о результатах химико-токсикологического исследования крови Е., в которую незаконно внес заведомо ложные сведения.

23 июля 2008 г. С. через фельдшера С-ву передал указанную справку Н., который в тот же день передал С. полученные им от Е. <...> руб.

25 июля 2008 г. Н., достоверно зная, что на основании подложной справки о результатах химико-токсикологического исследования врачебной комиссией ГУЗ "Республиканский наркологический диспансер" вынесено заключение о неустановлении у Е. состояния опьянения, дополнительно лично для С. и для себя получил от Е. взятку в размере <...> руб. за ранее совершенные в его пользу С. незаконные действия, указав ему на необходимость передачи за эти действия еще <...> руб.

Однако преступные действия Н. и С. не были доведены до конца по не зависящим от них обстоятельствам, поскольку 25 июля 2008 г. были пресечены сотрудниками милиции.

По приговору Московского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики Н. осужден по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ, С. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 и ч. 1 ст. 292 УК РФ²¹³.

²¹³ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2015 г. № 46-П15 // СПС «Консультант Плюс».

В приведенном примере должностное лицо и его пособник, оказывавший посреднические услуги, дважды требовали от взяткодателя повысить размер взятки, а взяткодатель, согласившись с этими требованиями, два раза передавал дополнительное денежное вознаграждение за одни и те же незаконные действия должностного лица. Принимая во внимание тот факт, что при втором и третьем получении денежных средств посредник «продолжал свои действия, объединенные единым умыслом», суд обосновано признал все три эпизода получения взятки элементами одного продолжаемого преступления.

Иначе следует квалифицировать действия взяткополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взяткодателю о том, что для совершения действия (бездействия), в котором заинтересован взяткодатель, необходимо дать взятку другому должностному лицу. В этом случае получение чиновником дополнительного незаконного вознаграждения для передачи другому должностному лицу является результатом формирования нового умысла, а значит, это деяние должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку:

– как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо, получившее вторую взятку, передало ее другому взяткополучателю;

– как мошенничество (ст. 159 УК РФ), если информация о необходимости подкупить еще одно должностное лицо является ложной и сообщается с целью похитить дополнительное незаконное вознаграждение. В этом случае имеет место так называемое «мнимое посредничество» во взяточничестве²¹⁴.

²¹⁴ Правила его квалификации изложены в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»: «Как мошенничество следует квалифицировать действия лица, получившего ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, однако заведомо не намеревавшегося исполнять свое обещание и обратившего эти ценности в свою пользу. Владелец переданных ему ценностей в указанных случаях несет ответственность за покушение на дачу взятки или коммерческий подкуп».

При этом в первом случае взяткодатель должен нести ответственность за два оконченных преступления, предусмотренных ст. 291 УК РФ, а во втором случае его действия следует квалифицировать как совокупность оконченной дачи взятки и покушения на дачу взятки.

Следующее правило квалификации многоэпизодного взяточничества, сформулированное в п. 21 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24, касается *систематического получения (дачи) взятки за общее покровительство или попустительство по службе*: «Как единое продолжаемое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство или попустительство по службе, если указанные действия были объединены единым умыслом». Это разъяснение довольно точно учитывает сущность получения взятки за общее покровительство (попустительство) по службе. Общее покровительство или попустительство по службе заключается в необоснованном предоставлении должностным лицом преференций подчиненному работнику или иным лицам, на которых распространяются его надзорные, контрольные или иные функции представителя власти, а также его организационно-распорядительные функции по службе²¹⁵. Как справедливо отмечается в юридической литературе, суть получения незаконного вознаграждения за покровительство и попустительство заключается в том, что «покупаются» не конкретные действия или бездействие чиновника, но их комплекс, выраженный в благоприятном отношении начальника к подчиненному или иному подконтрольному (поднадзорному) лицу²¹⁶. Акцентируя внимание на это обстоятельство, Б.В. Волженкин

²¹⁵ В соответствии с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» «общее покровительство по службе может проявляться, в частности, в необоснованном назначении подчиненного, в том числе в нарушение установленного порядка, на более высокую должность, во включении его в списки лиц, представляемых к поощрительным выплатам. К попустительству по службе относится, например, согласие должностного лица контролирующего органа не применять входящие в его полномочия меры ответственности в случае выявления совершенного взяткодателем нарушения».

²¹⁶ Залов А.Ф. К вопросу о продолжаемой взятке // Законность. – 2015. – № 4. – С. 41-45.

указывает, что «смысл выделения указанной разновидности должностного злоупотребления состоит не только и не столько в том, чтобы иначе назвать "приобретаемые услуги" или даже подчеркнуть их множественность и смешанный характер (одновременно действия и бездействие), сколько в том, чтобы обозначить криминальный характер ситуации, когда оплачивается *само отношение* (курсив наш. – А.К.), подразумевающее, несомненно, конкретное поведение коррумпируемого лица, при неосведомленности (на момент достижения договоренности о вознаграждении) о тех действиях, которые ему предстоит совершить либо от совершения которых предстоит воздержаться»²¹⁷.

Говоря иными словами, общее покровительство (попустительство) по службе – это единая линия поведения чиновника в отношении подчиненного (подконтрольного, поднадзорного) ему лица, обусловленная «подношениями» с его стороны, которые, как правило, имеют регулярный характер. Подобная линия поведения, направленная на создание для взяточдателя «режима наибольшего благоприятствования», безусловно, выражается в конкретных незаконных (необоснованных) действиях или актах бездействия (продвижение по службе, премирование, неприменение мер ответственности и т.п.). Но эти действия (акты бездействия) в данном случае не имеют самостоятельного характера, а входят, если можно так выразиться, в заранее оплаченный взяточдателем «единый комплекс» коррупционных услуг. Поэтому систематическая передача взяток за общее покровительство (попустительство) по службе субъективно воспринимается участниками коррупционной сделки как оплата этого комплекса коррупционных услуг в рассрочку. «Если взяточдатель на регулярной основе передает публичному служащему материальные ценности, при этом они оба достоверно не знают, какие полномочия потребуются задействовать и потребуются ли их задействовать вообще, то в сознании взяточполучателя акт вручения денег увязывается не с абстрактными действиями (бездействием), а с самой готовностью их

²¹⁷ Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 175.

осуществить. Другими словами, необходимые полномочия публичного служащего покупаются опосредованно через его благоприятное отношение, которое выступает формой психологического контакта, на поддержание которого и направлены неоднократные платежи. В совокупности названные факторы влекут восприятие индивидом передачи незаконного вознаграждения за общее покровительство (попустительство) как единой взятки, но осуществляемой в несколько приемов»²¹⁸.

Так, например, Г. приговором от 11 марта 2010 г. осужден по пп. "а", "в" ч. 4 ст. 290 УК РФ.

Как следует из материалов уголовного дела, Г., являясь должностным лицом ОВД, потребовал от Г. взятку в виде регулярных денежных платежей, угрожая в противном случае проведением постоянных проверок на предприятии, изъятием оборудования. Совершение таких действий могло причинить ущерб предпринимательской деятельности Г., поэтому он вынужден был дать взятку с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов»²¹⁹.

От продолжаемого получения взятки за общее покровительство или попустительство по службе следует отличать повторное получение взятки от одного и того же лица, при котором неоднократные факты передачи взятки не связаны между собой. В частности, если предприниматель несколько раз передавал незаконное вознаграждение должностному лицу, скажем, с целью избежать привлечения к административной ответственности за выявленные правонарушения, то действия взяткодателя и взяткополучателя следует квалифицировать как совокупность преступлений, поскольку в этом случае каждый из актов коррупционного подкупа был субъективно детерминирован возникновени-

²¹⁸ Залов А.Ф. К вопросу о продолжаемой взятке // Законность. – 2015. – № 4. – С. 41-45. См. также: Кондрашова Т.В. Уголовная ответственность за взяточничество: Учебное пособие. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – С. 58.

²¹⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2010 г. № 83-010-17 // СПС «Консультант Плюс».

ем нового умысла, а взятка каждый раз вручалась за самостоятельное действие (бездействие).

Подводя промежуточный итог, отметим, что при разграничении продолжаемых дачи и получения взятки за общее покровительство (попустительство) по службе и совокупности преступлений необходимо в первую очередь учитывать субъективное восприятие неоднократных фактов передачи незаконного вознаграждения со стороны субъектов коррупционного подкупа. Если взяткодатель и взяткополучатель воспринимают их как регулярную оплату единого комплекса коррупционных услуг (рассроченные коррупционные платежи за благоприятное отношение чиновника), то имеет место продолжаемые дача и получение взятки за общее покровительство (попустительство) по службе. Если же каждый повторный факт передачи взятки воспринимается взяткодателем и взяткополучателем как самостоятельная коррупционная «сделка», все эти факты требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки.

Рассматривая особенности квалификации продолжаемого взяточничества, нельзя обойти стороной *проблемы установления момента его юридического окончания*, поскольку позиция высшей судебной инстанции по этому вопросу отличается серьезной спецификой. В абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъясняется, что «если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части

взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по пункту "в" части 5 статьи 290 УК РФ».

Применение этого частного правила квалификации продолжаемого получения взятки можно продемонстрировать на конкретных примерах.

С. предложил П. передать ему взятку в виде денег в сумме <...> руб., что является взяткой в крупном размере, за непривлечение П. к уголовной ответственности, а также за фальсификацию материалов уголовного дела. Согласившись на передачу суммы взятки частями, поставил условие о передаче ему П. первой части денег в сумме не менее <...> руб., которая не образовывала крупного размера. После получения первой части взятки С. был задержан.

Приговором Кемеровского областного суда от 3 августа 2011 г. С. осужден по п. "г" ч. 4 ст. 290 УК РФ в редакции Федерального закона № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 г.

Рассматривая уголовное дело по кассационным жалобам осужденного С. и его адвоката, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отметила следующее.

Суд первой инстанции обоснованно признал несостоятельными доводы защиты о необходимости квалифицировать действия осужденного С. как покушение на получение взятки за совершение незаконных действий и бездействия без квалифицирующего признака в крупном размере, поскольку из исследованных в судебном заседании доказательств по делу установлено, что С. имел умысел на получение взятки именно в крупном размере. Выводы суда в указанной части соответствуют требованиям закона о том, что дача взятки либо получение взятки считаются оконченными с момента принятия получателем хотя бы части передаваемых ценностей²²⁰.

Аналогичное решение было принято высшей судебной инстанцией и по другому уголовному делу.

²²⁰ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 октября 2011 г. № 81-О11-86 // СПС «Консультант Плюс».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что доводы жалобы о неверной квалификации действий З. удовлетворению не подлежат по следующим основаниям.

Согласно правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, сформулированным в результате реализации конституционных полномочий по разъяснению судебной практики, если взятокодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как оконченные дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере²²¹.

В уголовно-правовой литературе анализируемая позиция высшей судебной инстанции получила критическую оценку. Как отмечает А.П. Козлов, «здесь мы видим абсолютно неприемлемое решение, поскольку как только Пленум заговорил о части, он тем самым сразу сказал о том, что есть нечто целое, объединенное умыслом и целями; и в таком случае ни одна из частей изолированно не может представлять собой весь объем целого, отсюда и при квалификации должно быть отражено данное несовпадение части и целого... Квалификация части содеянного как оконченного преступления означает приравнение по своему значению части и целого, что необоснованно ни с сущностной уголовно-правовой, требующей признавать продолжаемое преступление оконченным только при реализации общей цели, ни с формально-логической позиции»²²².

Полагаем, что для столь резкой критики есть довольно весомые основания. Прежде всего, нельзя не согласиться с тем, что содержащиеся в абз. 2 п. 10

²²¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2015 г. № 64-УД15-8 // СПС «Консультант Плюс».

²²² См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 161-162; Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. – С. 422-423.

постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 разъяснения идут вразрез с общими правилами определения момента юридического окончания продолжаемого преступления, которые были подробно рассмотрены в первом параграфе второй главы диссертации. Получение взятки в крупном размере по частям – это продолжаемое преступление с конкретизированной целью, имеющей уголовно-правовое значение. А значит, по идее, оно должно признаваться юридически оконченным преступлением только с момента, когда должностное лицо получило взятку в размере, превышающем сто пятьдесят тысяч рублей. Если же должностное лицо намеревалось получить взятку в крупном размере, однако фактически принятое им незаконное вознаграждение не превысило ста пятидесяти тысяч рублей, содеянное следует квалифицировать как покушение на получение взятки в крупном размере²²³.

По крайней мере, применительно к другим продолжаемым преступлениям, пресеченным до момента достижения конкретизированной цели, высшая судебная инстанция занимает именно такую позицию. Например, в абз. 3 п. 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что «когда лицо, совершившее грабеж или разбойное нападение, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает двухсот пятидесяти тысяч рублей либо одного миллиона рублей, его действия надлежит

²²³ Эту точку зрения разделяют и другие специалисты (см.: Здравомыслов Б.В. Квалификация взяточничества. – М., 1991. – С. 45, 49; Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – С. 238; Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017. – С. 25; Пантюхина И.В. Проблемы квалификации продолжаемых преступлений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента Г.В. Ищука. – Рязань: прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – С. 74-75).

квалифицировать, соответственно, по части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "д" части второй статьи 161 или по пункту "б" части третьей статьи 161 как покушение на грабеж, совершенный в крупном размере или в особо крупном размере, либо по части третьей статьи 162 или по пункту "б" части четвертой статьи 162 УК РФ как оконченный разбой, совершенный в крупном размере или в целях завладения имуществом в особо крупном размере».

Аналогичный подход Верховный Суд Российской Федерации демонстрирует при уголовно-правовой оценке незаконного сбыта наркотических средств в крупном или особо крупном размере.

В решении по конкретному делу высшая судебная инстанция указала, что в случае, когда лицо, имея умысел на сбыт наркотических средств в крупном или особо крупном размере, совершило такие действия в несколько приемов, реализовав лишь часть имеющихся у него указанных средств, не образующую крупный или особо крупный размер, все содеянное им подлежит квалификации по ч. 3 ст. 30 УК РФ и соответствующей части статьи Уголовного кодекса РФ, предусматривающей ответственность за незаконный оборот наркотических средств, в крупном или особо крупном размере²²⁴.

Получается, что позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания продолжаемых получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере не согласуется ни с разъяснениями по другим категориям дел, ни с доктринальными правилами квалификации продолжаемого преступления. Похоже на то, что особые правила квалификации продолжаемого взяточничества с конкретизированной целью (дать или получить взятку в значительном, крупном или особо крупном размере), которые «сдвигают» его юридическое окончание на момент совершения первого из запланированных деяний, сформулированы Пленумом для усиления уголовно-

²²⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 48-Д07-38 (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2007 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 5).

правового противодействия взяточничеству. Однако конъюнктурное деформирование устоявшихся и признанных судебной практикой положений о продолжаемом преступлении применительно к отдельным категориям дел крайне опасно. Стоит согласиться с тем, что борьба с коррупцией или какими-то иными криминальными явлениями «вопреки истине, вопреки логике, вопреки сущности признанных явлений» недопустима, и в отношении любого и каждого продолжаемого преступления нужно «играть по правилам, требуемым его обособленным существованием»²²⁵. Иными словами, частные правила квалификации отдельных видов продолжаемых преступлений, включая взяточничество, должны конкретизировать, развивать, дополнять общее учение о продолжаемых преступных деяниях, но не противоречить ему. Поэтому разъяснения, содержащиеся в абз. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24, необходимо скорректировать, изложив их в следующем виде: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как *покушение на дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере*. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по *части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "в" части 5 статьи 290 УК РФ*» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

Обобщение результатов исследования специфики продолжаемого взяточничества позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение,

²²⁵ См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 161-162; Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. – С. 422-423.

граждение в оговоренном размере за совершение определенных действий (акт бездействия), требует повысить размер взятки и взятокодатель, согласившись с этим требованием, передает чиновнику дополнительное вознаграждение за те же действия (акт бездействия), содеянное необходимо квалифицировать как продолжаемое взяточничество. Желание взятокополучателя получить дополнительное коррупционное вознаграждение нельзя расценивать как новый умысел на получение взятки. Вне зависимости от того, когда возникло такое желание, должностное лицо получает дополнительное незаконное вознаграждение за те же самые действия (бездействие), причем от того же взятокодателя, т.е. не повторяет получение взятки, а продолжает ее получение. С этих же позиций следует подходить и к уголовно-правовой оценке действий взятокодателя, согласившегося на передачу должностному лицу дополнительного незаконного вознаграждения сверх изначально оговоренного размера взятки. Взяткодатель передает дополнительное незаконное вознаграждение тому же чиновнику в тех же самых целях, т.е. предпринимает действия, направленные на реализацию первоначального умысла, продолжает его реализацию.

2. Иначе следует квалифицировать действия взятокополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взятокодателю о том, что для совершения действия (бездействия), в котором заинтересован взятокодатель, необходимо дать взятку другому должностному лицу. В этом случае получение чиновником дополнительного незаконного вознаграждения для передачи другому должностному лицу является результатом формирования нового умысла, а значит, это деяние должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку: как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо, получившее вторую взятку, передало ее другому взятокополучателю; как мошенничество (ст. 159 УК РФ), если информация о необходимости подкупить еще одно должностное лицо является ложной и сообщается с целью похитить дополнительное незаконное вознаграждение («мнимое посредничество» во взяточничестве). При этом в первом случае взят-

кодатель должен нести ответственность за два оконченных преступления, предусмотренных ст. 291 УК РФ, а во втором случае его действия следует квалифицировать как совокупность оконченной дачи взятки и покушения на дачу взятки.

3. При разграничении продолжаемых дачи и получения взятки за общее покровительство (попустительство) по службе и совокупности преступлений необходимо в первую очередь учитывать субъективное восприятие неоднократных фактов передачи незаконного вознаграждения со стороны субъектов коррупционного подкупа. Если взяткодатель и взяткополучатель воспринимают их как регулярную оплату единого комплекса коррупционных услуг (рассроченные коррупционные платежи за благоприятное отношение чиновника), то имеют место продолжаемые дача и получение взятки за общее покровительство (попустительство) по службе. Если же каждый повторный факт передачи взятки воспринимается взяткодателем и взяткополучателем как самостоятельная коррупционная «сделка», все эти факты требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки.

4. Позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания продолжаемых получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере (абз. 2 п. 10 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24) не согласуется ни с разъяснениями по другим категориям дел, ни с доктринальными правилами квалификации продолжаемого преступления. Поэтому их необходимо скорректировать, изложив в следующем виде: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как *покушение на дачу* либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а

взякополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по *части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "в" части 5 статьи 290 УК РФ*» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая диссертационное исследование, отметим, что его результатом стала разработка целостного уголовно-правового учения о продолжаемом преступлении, которое включает в себя: теоретические положения, отражающие сущность продолжаемого преступления; уточненную уголовно-правовую характеристику продолжаемого преступления, его объективных и субъективных признаков; обоснование перспективных направлений нормативной регламентации продолжаемых преступлений; общие и частные правила их квалификации.

Проведенное исследование показало явную недостаточность существующей нормативной регламентации продолжаемого преступления, осуществляемой на уровне постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ее противоречивость; выявило потребность в законодательном определении понятия и признаков продолжаемого преступления в УК РФ. В связи с этим в заключении представляется необходимым акцентировать внимание на предложениях по совершенствованию нормативной регламентации продолжаемого преступления.

1. Нормативная регламентация продолжаемого преступления должна быть многоуровневой. Первичные уголовно-правовые предписания, определяющие общие (универсальные) признаки продолжаемого преступления и правила его отграничения от совокупности преступных деяний, должны быть предусмотрены в УК РФ (в обособленной главе о множественности преступлений), а специфика отдельных разновидностей продолжаемых преступлений – отражена в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Взаимодействие двух уровней (законного и подзаконного) правовой регламентации позволит, с одной стороны, добиться реализации уголовно-правового принципа законности (ч. 1 ст. 3 УК РФ), а с другой стороны, обеспечить субъектов правоприменительной деятельности конкретизирующими предписаниями, необходимыми для квалификации различных видов продолжаемого преступления.

2. Уголовно-правовую норму о продолжаемом преступлении предлагается изложить в следующем виде:

«Статья ... Продолжаемое преступление

Не признается множественностью преступлений продолжаемое преступление, то есть взаимосвязанные юридически и (или) фактически тождественные противоправные деяния, направленные на достижение общей цели и совершенные с единым конкретизированным или относительно-определенным умыслом, возникшим до фактического окончания первого противоправного деяния.».

3. В состав продолжаемого преступления могут входить деяния, которые при изолированном рассмотрении представляют собой не только преступления, но и иные правонарушения (в частности, административные проступки), при условии, что за них лицо не привлекалось к юридической ответственности. Исходя из этого, представляется необходимым скорректировать разъяснение, содержащееся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указав, что продолжаемое хищение состоит «... из ряда тождественных *противоправных* действий» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

4. В целях обеспечения единообразной правоприменительной практики по делам о многоэпизодных хищениях представляется необходимым: исключить из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» разъяснение, в соответствии с которым продолжаемое хищение совершается лишь с конкретизированным умыслом; разъяснить в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что продолжаемое хищение может совершаться не только с конкретизированным, но и с относительно-определенным умыслом.

5. При квалификации отдельных разновидностей продолжаемых преступлений (в частности, продолжаемой легализации преступных доходов в крупном или особо крупном размере) высшая судебная инстанция отступает от общих правил установления момента их юридического окончания, что представляется недопустимым. Квалификация продолжаемых преступлений с уголовно значимой конкретизированной целью должна подчиняться единым правилам. Поэтому разъяснение относительно момента юридического окончания продолжаемой легализации преступных доходов в крупном (особо крупном) размере (абз. 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32) требует пересмотра.

6. Для продолжаемого хищения, совершаемого в форме кражи, грабежа и разбоя, единство источника изъятия чужого имущества является обязательным признаком, тогда как для продолжаемых мошенничества, присвоения или растраты единство источника изъятия чужого имущества – это факультативный признак. Субъективная взаимосвязь тождественных действий, направленных на хищение чужого имущества путем мошенничества, присвоения или растраты, может внешне проявляться и без единства источника изъятия, выражаясь в других объективных признаках (например, единство приговорительной деятельности, использование единого способа хищения и др.). Исходя из этого, в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следовало бы конкретизировать, что признак единства источника изъятия чужого имущества относится только к продолжаемым хищениям в форме кражи, грабежа и разбоя.

7. Позиция высшей судебной инстанции относительно момента юридического окончания продолжаемых получения и дачи взятки в значительном, крупном или особо крупном размере (абз. 2 п. 10 постановления Пленума от 9 июля 2013 г. № 24) не согласуется ни с разъяснениями по другим категориям дел, ни с доктринальными правилами квалификации продолжаемого преступ-

ления. Поэтому их необходимо скорректировать, изложив в следующем виде: «Если взяткодатель (посредник) намеревался передать, а должностное лицо – получить взятку в значительном или крупном либо в особо крупном размере, однако фактически принятое должностным лицом незаконное вознаграждение не образовало указанный размер, содеянное надлежит квалифицировать как *покушение на дачу либо получение взятки или посредничество во взяточничестве соответственно в значительном, крупном или особо крупном размере*. Например, когда взятку в крупном размере предполагалось передать в два приема, а взяткополучатель был задержан после передачи ему первой части взятки, не образующей такой размер, содеянное должно квалифицироваться по *части третьей статьи 30 УК РФ и пункту "в" части 5 статьи 290 УК РФ*» (предлагаемые изменения выделены курсивом).

БИБЛИОГРАФИЯ:**Нормативные правовые акты:**

1. Конституция Российской Федерации: официальный текст. – М., 2017.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона "О Верховном Суде Российской Федерации" и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества "Газпром нефть"» // Российская газета. – 2015, 13 апреля.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 24. – Ст. 2892.
4. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 294. – Ст. 3983.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2001 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 27 сентября 2000 года № 1709 "О мерах по совершенствованию управления государственным пенсионным обеспечением в Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «Консультант Плюс».

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 1979 г. по делу «"Санди Таймс" против Соединенного Королевства (№ 1)» (The Sunday Times v. UK) // СПС «Консультант Плюс».

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2000 г. по делу «Йечиус против Литвы» (Jecius v. Lithuania), жалоба № 34578/97 // СПС «Консультант Плюс».

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 марта 2000 г. по делу «Барановский против Польши» (Baranowski v. Poland), жалоба № 28358/95 // СПС «Консультант Плюс».

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 г. по делу «Ракевич (Rakevich) против Российской Федерации», жалоба № 58973/00 // СПС «Консультант Плюс».

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. по делу «Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации», жалоба № 27193/02 // СПС «Консультант Плюс».

11. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 мая 2007 г. по делу «Владимир Соловьев (Vladimir Solovyev) против Российской Федерации», жалоба № 2708/02 // СПС «Консультант Плюс».

12. Уголовный кодекс Российской Федерации: официальный текст. – М., 2017.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: официальный текст. – М., 2017.

14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: официальный текст. – М., 2017.

15. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к делящимся и продолжаемым преступлениям» // СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» // СПС «Консультант Плюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» // СПС «Консультант Плюс».

18. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. № 16 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // СПС «Консультант Плюс».

19. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. № 4 «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР» // СПС «Консультант Плюс».

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» // СПС «Консультант Плюс».

21. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 3 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // СПС «Консультант Плюс».

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» // СПС «Консультант Плюс».

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «Консультант Плюс».

24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС «Консультант Плюс».

25. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «Консультант Плюс».

26. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «Консультант Плюс».

27. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // СПС «Консультант Плюс».

28. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «Консультант Плюс».

29. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // СПС «Консультант Плюс».

30. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // СПС «Консультант Плюс».

31. Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1.

32. Уголовный кодекс Республики Казахстан 2014 г. URL: <http://normativ.kz/view/111389/>.

33. Уголовный кодекс Украины 2001 г. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>.

34. Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325.

35. Уголовный кодекс Республики Узбекистан 1995 г. URL: http://www.lex.uz/pages/getact.aspx?lact_id=111457.

Иные официальные документы:

36. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утверждены Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г.) // СПС «Консультант Плюс».

37. Ответы на вопросы, возникающие при применении судами постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" и "О порядке применения Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов" (утв. Президиумом Суда Ямало-Ненецкого автономного округа 15 мая 2015 г.) // СПС «Консультант Плюс».

38. Справка о причинах отмены и изменения приговоров районных судов Тамбовской области в кассационном порядке во 2-м полугодии 2009 г. URL: http://oblsud.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=68.

Научная и учебная литература:

39. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. – Киев, 1903.

40. Белокуров О.В. Проблемы квалификации хищения вверенного имущества. – М.: ИГ «Юрист», 2003.
41. Блум М.И., Тилле А.А. Обратная сила закона. – М., 1969.
42. Бойцов А.И., Волженкин Б.В. Уголовный закон: действие во времени и пространстве: учебное пособие. – СПб., 1995.
43. Бузынова С.П. Множественность преступлений и её виды. – М., 1988.
44. Вениаминов В.Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005.
45. Вишнякова Н.В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 2.
46. Вишнякова Н.В. Отграничение продолжаемых хищений чужого имущества от совокупности этих преступлений // Законодательство и практика. – 2013. – № 1.
47. Владимиров В., Криволапов Г. Соотношение продолжаемых и повторных преступлений // Советская юстиция. – 1974.
48. Возжанникова И.Г. Рецидив как вид множественности преступлений: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. – М.: КОНТРАКТ, 2014.
49. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
50. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. – Казань: Издательство Казанского университета, 1975.
51. Гарбатович Д.А., Сумский Д.В. Отграничение совокупности преступлений от единичных сложных преступлений // Уголовное право. – 2015. – № 1.
52. Германова И.Е. К вопросу о понятии и признаках продолжаемого преступления // Вестник МГУ. – 1989. – № 3.

53. Досаева Г.С. Множественность преступлений: генезис и перспективы развития уголовно-правового института: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015.
54. Залов А.Ф. К вопросу о продолжаемой взятке // Законность. – 2015. – № 4.
55. Здравомыслов Б.В. Квалификация взяточничества. – М., 1991.
56. Капинус О.С., Ображиев К.В. Обстоятельства, исключающие совокупность преступлений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5.
57. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации продолжаемых хищений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента Г.В. Ищука. – Рязань: прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.
58. Караев Т.Э. Повторность преступления. – М., 1983.
59. Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. докт. юрид. наук, доц. К.В. Ображиева и докт. юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016.
60. Квашиш В., Крутов Ю. Некоторые вопросы квалификации продолжаемых преступлений // Советская юстиция. – 1966. – № 12.
61. Клебанов Л. Проблемы множественности преступлений против культурных ценностей // Уголовное право. – 2012. – № 2.
62. Кливер И. Разграничение продолжаемых и повторных преступлений // Советская юстиция. – 1979. – № 5.
63. Козлов А.П. Единичные преступления: понятие, классификация, квалификация: учеб. пособие / Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2007.

64. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
65. Козлов А.П., Севастьянов А.П. Единичные и множественные преступления. – СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011.
66. Кондрашова Т.В. Уголовная ответственность за взяточничество: Учебное пособие. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003.
67. Коняхин В.П., Трузьян Э.В. Квалификация организованной группы по объективным признакам // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 4.
68. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учеб. пособ. – М.: Проспект, 2006.
69. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.
70. Кремнев К., Миненок М. Квалификация продолжаемых и повторных хищений // Советская юстиция. – 1990. – № 10.
71. Кривошеин П.К., Кузьмичев В.С. Продолжаемое преступление и проблемы его квалификации. – Киев, 1989.
72. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004.
73. Кузнецова Н. Квалификация сложных составов преступлений // Уголовное право. – 2000. – № 1.
74. Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемых хищений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3.
75. Кулагин А.Н. Единство источника изъятия чужого имущества как признак продолжаемых хищений // Российский криминологический взгляд. – 2014. – № 2.

76. Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества // Общество и право. – 2016. – № 2.

77. Кулагин А.Н. Особенности квалификации продолжаемых хищений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 3.

78. Кулагин А.Н. Основные концепции (теории) продолжаемого преступления в доктрине уголовного права // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 3.

79. Кулагин А.Н. Проблемы квалификации многоэпизодного получения взяток // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIV Международной научно-практической конференции (26 – 27 января 2017 г.). – М.: Оригинал-макет, 2017.

80. Кулагин А.Н. Многоэпизодное получение взяток от одного взяточдателя: продолжаемое преступление или их совокупность? // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова (Рязань, 24 мая 2016 г.) / под ред. В.Ф. Лапшина. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016.

81. Кулагин А.Н. Структура продолжаемого преступления: проблемы теории и практики // Проблемы эффективности права в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – Т. 2.

82. Кулагин, А.Н. Юридическое окончание продолжаемого взяточничества: проблемы теории и практики // Состояние законности в Российской Федерации: сб. материалов круглого стола аспирантов и молодых ученых Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, 13 апреля 2016 г.) / под ред. А.Ю. Винокурова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016.

83. Кулагин А.Н. Перспективы нормативной регламентации продолжаемых преступлений // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. / редкол.: К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, И.В. Танага, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – Т. II.

84. Курс советского уголовного права. В шести томах. Т. 3. Наказание / Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – М., 1970.

85. Курс уголовного права в пяти томах. Том 3. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. – М.: Зерцало, 2002.

86. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002.

87. Курс уголовного права: в 4-х т. Т. 2: Общая часть. Учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.А. Кириллова и д-ра юрид. наук, проф. В.И. Омигова. – Чебоксары – Пермь: ЧКИ РУК, 2015.

88. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2012.

89. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). – М.: Волтерс Клувер, 2006.

90. Малков В., Хабибуллин М. Отграничение повторных преступлений от продолжаемых // Советская юстиция. – 1968. – № 12.

91. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. – Казань, 1982.

92. Малков В.П. Совокупность преступлений (вопросы квалификации и назначения наказания). – Казань, 1974.

93. Михайленко И., Силаев С. О продолжаемых преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы // Уголовное право. – 2014. – № 5.

94. Мурашкина Г.Ю. Квалификация множественных и продолжаемых преступлений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента Г.В. Ищука. – Рязань: прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.

95. Наумов А.В. О судебном толковании уголовного закона (в связи с юридической природой постановлений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовная ответственность и проблемы исполнения наказаний: сб. науч. тр. / [отв. за вып. В.С. Минская]; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2009.

96. Немировский Э.Я. Советское уголовное право. Части общая и особенная. – Одесса, 1926.

97. Николенко Т.А. Получение взятки: совокупность преступлений и продолжаемое преступление // Адвокатская практика. – 2013. – № 4.

98. Ображиев К. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. – 2008. – № 4.

99. Ображиев К.В. Предпосылки образования системы формальных источников российского уголовного права // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 4.

100. Ображиев К.В., Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.

101. Пантюхина И.В. Проблемы квалификации продолжаемых преступлений // Квалификация множественных и продолжаемых преступлений. О судебной практике прекращения уголовных дел за примирением сторон: сборник статей (по материалам научно-практической конференции, г. Рязань, 23 октября 2015 года) / под ред. к.ю.н. О.В. Черныша, к.ю.н., доцента Г.В. Ищука. – Рязань:

прокуратура Рязанской области; Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016.

102. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР. Общая часть. – М.: Госиздат, 1925.

103. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961.

104. Плохова В.И. О продолжаемых хищениях, совершаемых в форме присвоения, растраты либо злоупотребления служебным положением // Эффективность уголовного права на современном этапе. Вып. 54. – Свердловск, 1977.

105. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. – М., 1912.

106. Познышев С.В. Учебник уголовного права. Общая часть. Т. 1. – М., 1923.

107. Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // Криминалистика. – 2011. – № 1.

108. Пудовочкин Ю.Е. Вопросы квалификации совокупности преступлений в судебной практике: Научно-практическое пособие. – М.: РГУП, 2016.

109. Пудовочкин Ю.Е. Некоторые вопросы теории источников уголовного права // Общество и право. – 2014. – № 4.

110. Пусторослев П.П. Русское уголовное право. Общая часть. Выпуск I. 2-е исправленное издание. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1912.

111. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2005.

112. Санталов А. И. Преступления против социалистической собственности. // Курс советского уголовного права. Часть особенная. – Л., 1973. – Т. 3.

113. Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект; Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011.

114. Семернёва Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): науч.-практ. пособие. – М., 2010.
115. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Изд. 3. – СПб., 1896.
116. Силаев С.А. О единстве потерпевшего в продолжаемом преступлении // Советник юриста. – 2011. – № 4.
117. Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – № 3.
118. Становский М. Понятие продолжаемого преступления // Российская юстиция. – 1995. – № 11.
119. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1994.
120. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. II. Изд. 2-е., пересмотр. и доп. – СПб., 1902.
121. Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008.
122. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб., 2006.
123. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.
124. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учеб. / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015.
125. Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. – М.: Юрайт-Издат, 2009.
126. Фон-Резон А. О продолжаемом преступлении (*crimen continuatum*). По поводу решения уголовного кассационного департамента правительствующего сената по делу Качкаевых // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – № 1.

127. Фролов Е.А., Галиакбаров Р.Р. Множественность преступлений как институт советского уголовного права. – Свердловск, 1967.

128. Черненко Т.Г. Квалификация совокупности преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 1 (38).

129. Черненко Т.Г. Множественность преступлений по российскому уголовному праву. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.

130. Чернов В. К определению понятия продолжаемого преступления // Советская юстиция. – 1971. – № 23.

131. Энциклопедия уголовного права. Т. 3. Понятие преступления. – СПб.: Издание профессора Малинина, 2005.

132. Яковлев А.М. Совокупность преступлений. – М., 1960.

133. Якубов А.Е. Время совершения преступления и обратная сила уголовного закона // Российская юстиция. – 1997. – № 8.

134. Яни П. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. – 2008. – № 6.

135. Яни П. Продолжаемое преступление // Законность. – 2003. – № 1.

136. Яни П.С. Неоднократное получение незаконного вознаграждения: совокупность преступлений, продолжаемое взяточничество // Уголовно-политические, уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с современной преступностью и коррупцией. Сборник научных трудов / Под ред.: Лопашенко Н.А. – Саратов: Сателлит, 2009.

137. Яценко Б.В. Судебный прецедент в системе российского уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 6.

Зарубежная научная литература:

138. John R. Die Lehre vom fortgesetzten Verbrechen und von der Verbrechensconcurrentz. – Berlin, 1860.

139. Kostlin R. System des deutschen Strafrechts. Allgemeiner Teil. – Tubingen, 1855.

140. Schroter A. Handbuch des peinlichen Rechts. Erster Band. – Leipzig, 1818.

141. Бабий Н.А. Множественность преступлений: квалификация и назначение наказания: науч.-практ. пособие. – Мн.: Тесей, 2008.

142. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава, 1870.

143. Зинченко И.А. Субъективная сторона усложненных единичных преступлений и ее влияние на их квалификацию // Вісник Асоціації кримінального права України. – 2015. – № 1(4).

144. Зінченко І.О. Одичні злочини: поняття, види, кваліфікація : монографія / І.О. Зінченко, В.І. Тютюгін. – Х. : Фінн, 2010.

145. Силаев С.А. Проблемы соучастия в продолжаемом преступлении // Правовые средства и механизмы противодействия преступности в современном обществе: материалы междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16 окт. 2009 г. / редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010.

146. Сілаеў С.А. Аб асноўных канцэпцыях працяглага злачынства // Борьба с преступностью: теория и практика. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Могилев: Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь, 2014.

Диссертации и авторефераты диссертаций:

147. Аитова О.Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016.

148. Гринь М.В. Неоконченное преступление: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2003.

149. Дёмин В.Ф. Социальная обусловленность законодательного конструирования единого сложного преступления и его квалификация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1989.

150. Емцева К.Э. Противодействие легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2016.

151. Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017.

152. Залов А.Ф. Уголовно-правовая характеристика продолжаемого преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2017.

153. Куличенко Н.Н. Уголовно-правовая оценка единичного сложного преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2006.

154. Львова Е.Ю. Социальная и юридическая сущность преступления (вопросы теории): Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.

155. Малков В.П. Повторность преступлений по советскому уголовному праву (понятие и уголовно-правовое значение): Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – М., 1967.

156. Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 1999.

157. Ораздурдыев А.М. Продолжаемое преступление по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1984.

158. Педун О.Л. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005.

159. Романюк С.Н. Сложные единичные преступления: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2008.

160. Чикин Д.С. Сложные единичные преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2013.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты опроса сотрудников правоохранительных органов²²⁶

№	Вопрос	Варианты ответов	Распределение ответов	
1.	В структуру продолжаемого преступления входят:	а) правонарушения, не являющиеся преступлениями	12	5,3 %
		б) деяния, каждое из которых, если рассматривать их изолировано, образует самостоятельное преступление	96	42,5 %
		в) деяния различной отраслевой природы – как преступления, так и иные правонарушения	114	50,4 %
		г) затрудняюсь ответить	4	1,8 %
2.	Пример: первый раз вымогатель требовал передачи чужого имущества под угрозой применения насилия (ч. 1 ст. 163 УК РФ), а затем, продолжая реализацию своего умысла, повторно потребовал у потерпевшего то же самое имущество, сопровождая свои требования применением насилия (п. «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ). Могут ли квалифицироваться как продолжаемое вымогательство деяния, предусмотренные различными частями ст. 163 УК РФ?	а) да	207	91,6 %
		б) нет	17	7,5 %
		в) затрудняюсь ответить	2	0,9 %
3.	Продолжаемое преступление может быть совершено:	а) умышленно	222	98,2 %
		б) с неосторожной формой вины	0	0 %
		в) как умышленно, так и неосторожно	2	0,9 %
		г) затрудняюсь ответить	2	0,9 %
4.	Умысел в продолжаемом преступлении:	а) должен быть конкретизированным (виновный желает причинить общественно опасные последствия определенного вида и размера, т.е. стремится к конкретной цели)	83	36,7 %
		б) может быть как конкретизированным, так и относительно-	137	60,6 %

²²⁶ Было опрошено 226 экспертов, среди которых 112 прокуроров, 35 судей, 19 помощников судей, 26 следователей Следственного комитета Российской Федерации, 34 следователя органов внутренних дел Российской Федерации.

		определенным (виновный совершает преступление до тех пор, пока это возможно; преследует определенную цель, но не имеет детального представления о ее количественных параметрах)		
		в) затрудняюсь ответить	6	2,7 %
5.	При наличии непреодолимых сомнений относительно квалификации тождественных преступных деяний их следует квалифицировать:	а) как продолжаемое преступление	80	35,4 %
		б) как совокупность преступлений	65	28,8 %
		в) выбрать тот вариант квалификации, который с точки зрения наказуемости будет более «мягким», более «выгодным» виновному	77	34,1 %
		г) затрудняюсь ответить	4	1,8 %
6.	Мошенничество, выражающееся в ежемесячном получении пожизненных социальных выплат на основании подложных документов, является юридически оконченным:	а) после совершения последнего из деяний, запланированных виновным	23	10,2 %
		б) после того, как размер похищенного превысит 2500 руб.	198	87,6 %
		в) затрудняюсь ответить	5	2,2 %
7.	Если виновный имеет цель по частям тайно похитить 10 млн. рублей, но продолжаемая кража была пресечена после того, как виновный похитил имущество стоимостью 1 млн. 50 тыс. руб., то содеянное следует квалифицировать	а) как оконченную кражу в особо крупном размере	176	77,9 %
		б) как покушение на кражу в особо крупном размере	45	19,9 %
		в) затрудняюсь ответить	5	2,2 %
8.	Если соисполнители продолжаемого преступления, действующие по предварительному сговору, совершили различное количество тождественных противоправных деяний, то:	а) соисполнителям следует вменять все эпизоды, т.е. продолжаемое преступление в целом	117	51,8 %
		б) каждому соисполнителю нужно вменять только те деяния, в которых он принимал непосредственное участие	102	45,1 %
		в) затрудняюсь ответить	7	3,1 %
9.	Необходимо ли, по Вашему мнению, закрепить в УК РФ определение продолжаемого преступления?	а) да	160	70,8 %
		б) нет	63	27,9 %
		в) затрудняюсь ответить	3	1,3 %
10.	Целесообразно ли установить в УК РФ повышенное наказание за продолжаемое преступление, сопоставимое с наказанием за совокупность преступлений?	а) да	41	18,1 %
		б) нет	180	79,6 %
		в) затрудняюсь ответить	5	2,2 %
11.	Можно ли признать продол-			

	жаемой кражу, если виновный с единым умыслом в короткий промежуток времени одним и тем же способом похищает чужое имущество:			
	11.1: из соседних квартир, находящихся на одной лестничной площадке	а) да	87	38,5 %
		б) нет	131	58,0 %
		в) затрудняюсь ответить	8	3,5 %
	11.2: из соседних гаражей	а) да	98	43,4 %
		б) нет	123	54,4 %
		в) затрудняюсь ответить	5	2,2 %
	11.3: с соседних дачных участков	а) да	75	33,2 %
		б) нет	144	63,7 %
		в) затрудняюсь ответить	7	3,1 %
12.	Единство источника, из которого осуществляется незаконное изъятие чужого имущества:	а) является признаком всех продолжаемых хищений	109	48,2 %
		б) обязательно только для продолжаемого хищения, совершенного в форме кражи, грабеже или разбоя, а для продолжаемого мошенничества, присвоения и растраты этот признак не характерен	111	49,1 %
		в) затрудняюсь ответить	6	2,7 %
13.	Если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение в оговоренном размере за совершение определенных действий, требует повысить размер взятки и взяткодатель, согласившись с этим требованием, передает чиновнику дополнительное вознаграждение за те же действия, действия взяткодателя необходимо квалифицировать:	а) как одно преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ	192	85,0 %
		б) как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ	30	13,3 %
		в) затрудняюсь ответить	4	1,8 %